

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

№ 3 (59)

2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО

<i>Романовская О. В.</i> Конституционное право на свободу научного творчества: содержание, ограничения, проблемы регулирования.....	5
<i>Артемова Д. И.</i> Стратегическое планирование в регионах как предмет совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.....	18
<i>Кильдеев Р. Р.</i> Понятие метаданных и их конституционная защита.....	29
<i>Агутин А. В.</i> Символы русского уголовного процесса	41
<i>Головки И. И.</i> Особенности участия прокурора в арбитражном судопроизводстве в качестве третьего лица без самостоятельных требований	54
<i>Метельков А. Н.</i> Проблемы противодействия ядерному терроризму и ограничения прав человека при отражении угроз в воздушном пространстве	65
<i>Мещерякова А. Ф.</i> Актуальные проблемы правового регулирования государственно-конфессиональных отношений в современной России.....	78
<i>Александрова А. В., Рыжова А. А.</i> Британское пенсионное законодательство первой трети XX в.	87

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Темаев Т. В., Сынкина О. П.</i> Проблемы коммерциализации института социальных услуг для пожилых граждан в России.....	97
<i>Розенберг Н. В., Иванишко А. М.</i> Репродуктивные установки молодежи Пензенской области: разрыв между ожидаемым и желаемым.....	109
<i>Тихомиров С. М.</i> Возможности повышения качества и эффективности ресоциализации наркозависимых лиц	118
<i>Шавырина И. В., Демененко И. А., Дивиченко О. И.</i> Информационно-просветительское обеспечение социального предпринимательства в молодежной среде	127

<i>Курникова М. В.</i> Роль физической активности ребенка-инвалида в формировании доверия в структуре социального капитала его семьи	136
<i>Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н.</i> Пандемия COVID-19: демографический парадокс Республики Татарстан.....	151
<i>Кошарная Г. Б., Найденова Л. И., Каримова Л. Ф.</i> Институциональные основы социальной защиты персонала на российских предприятиях и в организациях	162

ЭКОНОМИКА

<i>Юнueva Р. Р., Клеманова И. В.</i> Методологические принципы определения перспективных и приоритетных направлений развития аграрно-промышленного комплекса в регионе в современных условиях.....	175
<i>Амирова Н. Р., Саргина Л. В., Кондратьева Я. Э.</i> Циркулярная экономика: возможности и барьеры.....	187
<i>Володин В. М., Куликова Т. А.</i> Анализ востребованности аутсорсинга как инструмента инновационного развития предприятий	202
<i>Гуськова Н. Д., Ерастова А. В.</i> Влияние цифровой экономики на устойчивую занятость через изменения организационной культуры	217

**UNIVERSITY PROCEEDINGS
VOLGA REGION**

SOCIAL SCIENCES

№ 3 (59)

2021

CONTENTS

LAW

<i>Romanovskaya O.V.</i> The constitutional right to freedom of scientific creativity: content, restrictions, regulation problems.....	5
<i>Artemova D.I.</i> Strategic planning in the regions as an object of joint administration in the Russian Federation and its subjects.....	18
<i>Kildeev R.R.</i> The concept of metadata and their constitutional protection.....	29
<i>Agutin A.V.</i> Symbols of the Russian criminal process.....	41
<i>Golovko I.I.</i> Specifics of the prosecutor's participation in arbitration proceedings as a third party without independent requirements.....	54
<i>Metel'kov A.N.</i> Issues of countering nuclear terrorism and limiting human rights while repelling threats in the airspace.....	65
<i>Meshcheryakova A.F.</i> Current issues of legal regulation of state-confessional relations in modern Russia.....	78
<i>Aleksandrova A.V., Ryzhova A.A.</i> British pension legislation of the first third of the 20 th century.....	87

SOCIOLOGY

<i>Temaev T.V., Synkina O.P.</i> Issues of the institute's social services commercialization for senior citizens in Russia.....	97
<i>Rozenberg N.V., Ivanishko A.M.</i> Reproductive attitudes of the youth in Penza region: the gap between the expected and the desired.....	109
<i>Tikhomirov S.M.</i> Opportunities to improve the quality and efficiency of drug addicts' resocialization.....	118
<i>Shavyrina I.V., Demenenko I.A., Divichenko O.I.</i> Information and educational support of social entrepreneurship in the youth environment.....	127
<i>Kurnikova M.V.</i> The disabled child physical activity role in the formation of trust in structure of the family's social capital.....	136

<i>Ildarhanova Ch.I., Ershova G.N.</i> COVID-19 pandemic: the demographic paradox of the Republic of Tatarstan	151
<i>Kosharnaya G.B., Naydenova L.I., Karimova L.F.</i> Institutional foundations of social personnel protection in Russian enterprises and organizations	162

ECONOMICS

<i>Yunyaeva R.R., Klemanova I.V.</i> Methodological principles for determining promising and priority directions for the development of the agricultural and industrial complex in the region in contemporary conditions	175
<i>Amirova N.R., Sargina L.V., Kondratyeva Ya.E.</i> Circular economy: opportunities and barriers	187
<i>Volodin V.M., Kulikova T.A.</i> Outsourcing relevance analysis as a tool for innovative development of enterprises	202
<i>Gus'kova N.D., Erastova A.V.</i> The impact of the digital economy on sustainable employment through changes in organizational culture	217

УДК 342.733

doi:10.21685/2072-3016-2021-3-1

Конституционное право на свободу научного творчества: содержание, ограничения, проблемы регулирования

О. В. Романовская

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

vlad93@sura.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Право на свободу научного творчества предусматривается международными актами о правах человека, а также конституциями многих стран мира. В то же время формирующаяся тесная зависимость человечества от технологического прогресса все больше актуализирует проблемы возможных ограничений указанной свободы. В зарубежном праве сформирован специальный подход, вовлекающий этическую оценку потенциальных последствий возможных открытий. На его основе формулируются ограничения научной деятельности. Это обусловило также появление нового термина – творческая деятельность, чувствительная к ценностям – “Value sensitive design (VSD)”, обозначающего концепцию этического подхода в инженерии и технологических инновациях. Цель работы – провести системный анализ содержания права на свободу научного творчества, систематизировать основания ограничений данной свободы, определить основные проблемы правового регулирования творческой деятельности. *Материалы и методы.* Исследовательские задачи были решены благодаря научному анализу широкого спектра источников, посвященных праву на свободу научного творчества. В качестве метода исследования был использован сравнительно-правовой, позволивший выявить зарубежные модели регулирования заявленной проблематики. *Результаты.* Представлен общий вывод о возможности ограничений свободы научного творчества, не являющейся абсолютным правом человека. Современное законодательство устанавливает некоторые запреты на сферы научной деятельности. Подобная практика расширяется на отдельные технологии, оказывающие агрессивное воздействие на природу человека. *Выводы.* Определены перспективы таких моделей регулирования, как управление рисками новых технологий и научное творчество на основе общечеловеческих ценностей. В каждом случае выдвигаются требования к прогнозированию последствий открытия, минимизации возможных негативных последствий. Это обуславливает введение специальных правил в отдельные отрасли законодательства.

Ключевые слова: права человека, научная деятельность, свобода научного творчества, ограничения, этические требования, пределы

Для цитирования: Романовская О. В. Конституционное право на свободу научного творчества: содержание, ограничения, проблемы регулирования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 5–17. doi:10.21685/2072-3016-2021-3-1

The constitutional right to freedom of scientific creativity: content, restrictions, regulation problems

O.V. Romanovskaya

Penza State University, Penza, Russia

vlad93@sura.ru

Abstract. *Background.* The right to freedom of scientific creativity is provided for by international acts on human rights, as well as constitutions of many countries of the world. At the same time, the emerging close dependence of mankind on technological progress is increasingly actualizing the problems of possible restrictions on this freedom. In foreign law, a special approach has been formed that involves an ethical assessment of the potential consequences of possible discoveries. On its basis, the limitations of scientific activity are formulated. This also led to the emergence of a new term – creative activity, sensitive to values – “Value sensitive design (VSD)”, denoting the concept of an ethical approach in engineering and technological innovation. The purpose of the work is to carry out a systematic analysis of the content of the right to freedom of scientific creativity, to systematize the grounds for restricting this freedom, to identify the main problems of legal regulation of creative activity. *Materials and methods.* The research problems were solved thanks to the scientific analysis of a wide range of sources devoted to the right to freedom of scientific creativity. As a research method, the comparative legal method was used, which made it possible to identify foreign models of regulation of the stated problems. *Results.* The general conclusion about the possibility of limiting the freedom of scientific creativity, which is not an absolute human right, is presented. Modern legislation establishes some prohibitions on the fields of scientific activity. This practice is expanding to individual technologies that have an aggressive effect on human nature. *Conclusions.* The article identifies the prospects for such regulation models as risk management of new technologies and scientific creativity based on common human values. In each case, requirements are put forward for predicting the consequences of the discovery, minimizing possible negative consequences. This leads to the introduction of special rules in certain branches of legislation.

Keywords: human rights, scientific activity, freedom of scientific creativity, restrictions, ethical requirements, limits

For citation: Romanovskaya O.V. The constitutional right to freedom of scientific creativity: content, restrictions, regulation problems. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;(3):5–17. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-3-1

Свобода научного творчества провозглашена ст. 44 Конституции РФ, что обуславливает поиск ее основополагающего содержания, позволяющего формулировать требования, предъявляемые к отраслевому законодательству и государственной политике. Длительное время указанная свобода рассматривалась в двух ключевых аспектах: отсутствие барьеров в поиске научных знаний и содействие данному поиску со стороны публичных институтов. Действительно, пытливый ум постоянно стремится к познанию неизвестного, что расширяет наше представление о себе и окружающем мире. Однако последнее столетие прекрасно доказывает «обратную сторону медали»: свобода научного творчества может использоваться для нанесения вреда природе, включая основы жизнедеятельности самого человека. Вторая мировая война к тому же показала, как тезис об изначальной внутренней этике ученого может подвергнуться сомнению. Бесчеловечные опыты в фашистской Германии

и милитаристской Японии совершали под личиной научного творчества, нивелируя достоинство человека, выступавшего в качестве объекта экспериментов.

XXI в. многими оценивается как период стремительного прогресса, где любые процессы приобретают невиданное ранее ускорение. В эту эпоху этическая оценка научного творчества приобретает обновленное значение. Ранее ученый предъявлял миру результат своего творчества, уже в последующем подвергавшийся нравственной, политической, а в некоторых случаях и юридической экспертизе. Технологические решения рассматривались как достижения вне этики, морали и права. Только использование этих достижений становилось предметом анализа и рассуждений (что подтверждалось классической фразой о применении лекарства как средства оздоровления или яда, где разница лишь в дозировке).

Сейчас во многих сферах можно наблюдать обратную ситуацию, когда на первоначальном этапе – формирования идеи – требуется подтверждение соответствия выработанной аксиологии. Указанные требования наиболее характерны для исследований в наиболее чувствительных для человека сферах науки (как, например, биомедицина, взаимодействие человека и компьютерных систем, искусственный интеллект и др.). Реакцией на изменение парадигмы стало появление нового термина – творческой деятельности, чувствительной к ценностям – “Value sensitive design (VSD)”, обозначающего концепцию этического подхода в инженерии и технологических инновациях.

Но и здесь можно наблюдать серьезные трудности в ранжировании и классификации ценностей, поскольку сам процесс требует заметных усилий, анализа, учета значительного числа факторов, что грозит усложнить начальную задачу любого исследователя. Он может на ранней стадии погрузиться в поиск необходимых ориентиров, что отвлечет его от решения непосредственных задач разработки. К тому же применительно к VSD (будем использовать признанную в мире аббревиатуру) многие ученые выделяют дополнительные системы оценки – творчество, ориентированное на ценности при активном с ними взаимодействии (value-led participatory design – VPD), а также творчество, ориентирующееся на ценности (value-centered design – VCD) [1]. Предлагается также и несколько иной подход – творчество, управляемое людьми (Human-Driven Design – HDD) [2]. Не вдаваясь подробно в отличия, укажем, что подходы имеют свои правила поведения, заметно различающиеся в деталях.

В любом случае VSD воспринимается как необходимость включения этических требований в исходные данные при проектировании будущего исследования. Это выступает следствием общего посыла, согласно которому технологии после их внедрения могут менять общечеловеческие ценности [3]. Ярким примером может служить глобальное распространение цифровых технологий. Здесь как никогда применима знаковая фраза Маршала Маклюэна: «Сначала мы создаем инструменты, затем инструменты создают нас». Относительно недавно Интернет и удаленное общение находились в сфере экзотики, сейчас происходит переформатирование личности под воздействием новых технологий. Появляется нетократия как новое общественно-политическое учение о сетевой власти и переустройстве публичных институтов управления. В Кембриджском университете проведено первое философское

исследование, посвященное анализу «лайков» в социальных сетях, согласно которому выявлено, что подобная активность в сети поощряет коммуникативную лень, а сами «лайки» подпитывают фальшивые новости, «геймифицируют социальность» и играют на психологических слабостях человека [4]. Происходит внешнее впечатление общения, сами же лайки выполняют в большей мере фатическую (т.е. не несут в себе смысловой нагрузки), а не информативную функцию. Кстати, по-видимому, понимание такого разделения произошло в нашей стране при определении ответственности за лайки к информации, носящей экстремистский характер. Некоторое время правоохранные органы возбуждали уголовные дела по ряду статей Уголовного кодекса РФ (в зависимости от характера размещенного материала) за выставление «лайков» к постам, носящим либо экстремистский, либо террористический характер. В российской юридической литературе ставился вопрос о характере такого механического отношения к распространяемой информации [5]. Разграничение было специально прокомментировано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 сентября 2018 г. № 32 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 “О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности”», благодаря которому правоприменительная практика была заметно скорректирована.

Связь научного творчества с этическими ценностями затрудняется в силу разнообразия самих граждан, их установок, плюрализма мнений. Это характерно для демократических режимов, где принятие любого рационального решения усложняется в силу поиска консенсуса между интересами различных заинтересованных сторон. А. Ченчи и Д. Коуторн отмечают: «Действительно, отсутствие четких и однозначных этико-нормативных принципов или критериев оценки определяет структурную неспособность различать “хорошие” и “плохие” ценности, а также находить компромисс или расставлять приоритеты между конкретными ценностями и целями в случае конфликта» [6].

Н. Мандерс-Хайтс также выражала скепсис: «(1) VSD не имеет четкой методологии для выявления заинтересованных сторон, (2) неясна интеграция эмпирических методов с концептуальным исследованием в рамках методологии VSD, (3) VSD рискует совершить натуралистическую ошибку при использовании эмпирических знаний для реализации ценностей в дизайне, (4) концепция ценностей, как и их реализация, остается неопределенной, и (5) VSD не хватает четких этических норм для решения ценностных компромиссов» [7].

Острые дискуссии возникают при этической оценке геномных исследований, в первую очередь осуществляемых на зародышевых линиях [8]. Вызывают опасения возможности реанимации евгенических начал, что актуализирует обновленное отношение к принципу справедливости при применении геномных технологий [9]. Высока необходимость и учета стоимостных оценок при внедрении новых технологий, в первую очередь относящихся к общественному здравоохранению [10]. Аналогичные споры происходят в системе взаимодействия человека и компьютера. К тому же зависимость человечества от электронных машин с каждым шагом лишь усиливается [11].

Кстати, предлагается перевести заявленный подход и на порядок принятия политических решений [12].

Свобода научного творчества закрепляется на конституционном уровне в большинстве стран мира, что подчеркивает ее значение для развития общества и государства. Кроме того, в ряде Основных законов предусматриваются государственные гарантии свободы. В качестве примера можно привести ст. 59 Конституции Республики Словения – «Гарантируется свобода научного и художественного творчества». Схожее содержание ст. 43 Конституции Словацкой Республики – «Свобода научных исследований и искусства гарантируется. Права на результаты творческой и умственной деятельности охраняются законом». Развернутые гарантии представлены в ст. 47 Конституции Республики Македония. Аналогичное содержание представлено в ст. 68 Конституции Республики Хорватия (несколько иначе в ст. 73 Конституции Республики Польша, но при сохранении общего посыла).

Нередко государство признает свободу науки, возлагая на себя обязательства по невмешательству в такую исследовательскую деятельность. Статья 113 Конституции Латвийской Республики закрепляет: «Государство признает свободу научного, художественного и иного творчества, а также защищает авторское право и патентное право». Статья 38 Конституции Эстонской Республики – «Наука, искусство и обучение им свободны. Университеты и научные учреждения в пределах, установленных законом, автономны». Статья 27 Конституции Турецкой Республики предусматривает субъективное право: «Каждый имеет право свободно изучать и преподавать науку и искусство, давать разъяснения, а также проводить исследования в этих областях».

Значение науки в Российской Федерации было обозначено еще в Указе Президента РФ от 13 июня 1996 г. № 884 «О доктрине развития российской науки», актуальность которого сохраняется по настоящее время (как и его юридическая сила): «Уровень развития науки во многом определяет эффективность экономической деятельности, обороноспособность, духовную и политическую культуру населения страны, защищенность личности и общества от воздействия неблагоприятных природных и антропогенных факторов». В указанной Доктрине наука рассматривается государством как национальное достояние. Обозначены принципы государственной научной политики. В ней определен размер государственного финансирования на науку – 3 % от расходной части федерального бюджета. Пока этот рубеж не достигим. Так, по данным исследования, проведенного Высшей школой экономики в 2016 г., внутренние затраты на исследования и разработки в России составили 943,8 млрд руб. [13]. Доля внутренних затрат в ВВП составила 1,1 %. Расходы федерального бюджета на гражданские исследования и разработки в 2021 г. сократятся на 6,3 % и будут составлять 486,1 млрд руб. [14].

Юридическим следствием появления Доктрины развития российской науки стало принятие Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», в котором закрепляются ключевые понятия, необходимые для общего правового регулирования указанной деятельности. Процесс правотворчества на этом не останавливался. Так, необходимость регламентации инноваций обусловила принятие Федерального закона от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре “Сколково”», Федерального закона от 31 декабря 2014 г.

№ 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», а также Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». С целью их развития на основании Постановлений Правительства РФ были созданы: Инновационный научно-технологический центр МГУ «Воробьевы горы» (от 28 марта 2019 г. № 332); Долина Менделеева (от 24 декабря 2019 г. № 1805); Композитная долина (от 21 января 2021 г. № 26) и др. По этим же правилам был создан Инновационный научно-технологический центр «Сириус» (Постановление Правительства РФ от 8 ноября 2019 г. № 1428), чей самостоятельный статус усилен благодаря принятию Федерального закона от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории “Сириус”» (выведшей Инновационный центр из-под влияния органов местного самоуправления и ограничивший воздействие со стороны органов власти субъекта РФ).

Творчество всегда связано с уникальностью результата, его новизной. Виды творчества разнообразны и охватывают различные сферы деятельности (что позволяет производить многочисленные классификации). Именно поэтому Конституция России провозглашает свободу творчества, тем самым позволяя самому автору определить сферу приложения своих способностей. Научная новизна является критерием присуждения ученой степени (кандидата или доктора наук) – формы аттестации научных кадров (п. 10 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842).

Научная деятельность как предмет правового регулирования обладает спецификой, обуславливающей три основные задачи: а) определение рисков и их минимизация (в том числе путем установления ограничений и запретов); б) установление протекционистских режимов, когда есть выгода от научных достижений (льготы, программы развития и т.д.); в) юридикация этических последствий (т.е. выявление этических последствий и их перевод в правовое поле). Остановимся подробнее на каждом из направлений исследования.

В современном мире тема введения ограничений на научную деятельность обладает высокой степенью актуальности. Обратим внимание, что на международном уровне предусматриваются определенные запреты, обусловленные опасностью для будущего человечества. Так, действует Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (заключена в г. Париже 13 января 1993 г.), ст. I которой, закрепляя общие обязательства, прямо предусматривает запрет государств-участников на разработку химического оружия, а также помощь, поощрение, побуждение каким-либо образом к проведению такой деятельности. Аналогичный документ действует в отношении биологического оружия – Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (одобрена резолюцией 2826 (XXVI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1971 г.).

На национальном уровне в ряде стран вводятся запреты в области некоторых репродуктивных технологий, микробиологии и геной инженерии [15]. Например, ст. 13 Закона Италии от 19 февраля 2004 г. № 40 «Правила

использования вспомогательных репродуктивных технологий» полностью запрещает любые эксперименты над человеческими эмбрионами под угрозой уголовного наказания (лишение свободы на срок от двух до шести лет и штраф в размере от 50 000 до 150 000 евро). Подобный запрет предусмотрен правовыми системами многих стран Европы. Кстати, в Италии данный Закон попытались обжаловать в конституционном порядке, как раз с точки зрения несоответствия провозглашенной в Основном законе свободе научных исследований. По нему было принято Постановление Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) от 27 августа 2015 г. по делу «Паррилло (Parrillo) против Италии» (жалоба № 46470/11). Однако предмет спора касался прав заявительницы на уважение частной жизни (ст. 8 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ)) и беспрепятственно пользоваться своим имуществом (ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ). Свобода научных исследований не могла стать предметом рассмотрения, так как не предусмотрена ЕКПЧ и дополнительными Протоколами.

Тема ограничений свободы научных исследований связана с хаотичностью вмешательства государства в творческий процесс. Бюрократизация науки всегда столкнется с определенными трудностями. Во-первых, введение ограничений всегда будет неточным, а формулировки обречены на быстрое старение в силу ускоренного развития научных достижений. Иногда, наоборот, введение запрета основано на отсутствии точных научных знаний последствий открытия или эксперимента (например, в ряде стран, включая Россию, установлен запрет на репродуктивное клонирование).

Во-вторых, возникают сложности обеспечения запретов ввиду международного характера научной деятельности. Введенные запреты в одной стране могут быть минимизированы (а иногда просто устранены) в другой. В этом случае мобильный ученый перенесет свою деятельность в ту страну, где ему обеспечат наиболее комфортные условия для творчества. Мы можем наблюдать такую «утечку мозгов» применительно к нашей стране. В апреле 2021 г. главный ученый секретарь Российской академии наук (РАН) Н. Долгушкин констатировал пятикратное увеличение (с 2012 г.) эмиграции российских ученых. Россия – единственная из развитых стран, где число исследователей постоянно сокращается [16].

В-третьих, сложно прогнозировать последствия ограничений на сферы научной деятельности. Напомним, объявление психологии, генетики и кибернетики буржуазными науками в свое время отбросило российскую (на тот момент советскую) науку на многие десятилетия. Технологический разрыв в ряде отраслей мы не можем преодолеть по настоящее время, многие аспекты которого упираются в приведенные сферы знаний.

В-четвертых, необходимо понимать инерцию законотворческого процесса. Прогресс в исследованиях может затормозиться в силу медлительности принятия правового акта (когда требуется протекция, а не запрет).

В-пятых, в законотворческом процессе участвуют различные лоббисты, когда научные интересы могут быть отодвинуты на второй (а то и на третий) план. Во главу угла ставится влияние иных групп, мало имеющих общего с научным сообществом. Нередко у законодателя могут создать ложное представление о той или иной сфере научной деятельности, нуждающейся в регулировании. Такой волюнтаризм (а точнее преследование иных, вненаучных

или псевдонаучных, интересов) нивелирует само значение регулирования научной сферы.

В-шестых, необходимо понимать, что законодатель, решая судьбу научных направлений, сам в этом аспекте выступает как «любитель», имея небольшую научную подготовку и опыт профессиональных исследований. Все перечисленные тенденции характерны для подавляющего большинства демократических стран. Они служат основой для острых дискуссий о роли государства в системе регулирования научной сферы [17].

Обратим внимание на установление протекционистских режимов для развития отдельных научных направлений. Указом Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899 определены приоритетные направления развития науки, технологий и техники в Российской Федерации. Их всего 9. Этим же Указом утвержден перечень критических технологий Российской Федерации. Таких около 30. Распоряжением Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 1273-р утвержден перечень технологий, имеющих важное социально-экономическое значение или важное значение для обороны страны и безопасности государства (критических технологий). Всего в нем 44 позиции, среди них есть совпадения с вышеуказанными, изложенными в Указе Президента РФ.

Принимаются также отдельные правовые акты, нацеленные на предоставление преференций конкретной сфере научных исследований. Приняты Указ Президента РФ от 25 июля 2019 г. № 356 «О мерах по развитию синхротронных и нейтронных исследований и исследовательской инфраструктуры в Российской Федерации», Указ Президента РФ от 28 ноября 2018 г. № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации», Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и др. Каждый Указ сопровождается утверждением Программы развития, предусматривающей выделение финансовых средств, а также правил их распределения.

Меры поощрения научных исследований могут формироваться в различных видах. Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 февраля 2018 г. № 158 утверждены Правила предоставления субсидий из федерального бюджета в виде имущественных взносов Российской Федерации в государственную корпорацию «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» на возмещение расходов в связи с предоставлением кредитов и займов в рамках реализации механизма «Фабрика проектного финансирования». Иными словами создается аккумулятор бюджетных средств, распределяющий их между научными коллективами (или отдельными исследователями). По такому же принципу создан Российский научный фонд, статус которого основан на нормах Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 291-ФЗ «О Российском научном фонде и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Целью деятельности Фонда (ст. 3 Закона) является финансовая и организационная поддержка фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований, подготовка научных кадров, развитие научных коллективов, занимающих лидирующие позиции в определенной области науки. В настоящее время действует Российский фонд фундаментальных исследований.

Приоритеты научно-технологического развития Российской Федерации закреплены Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии

научно-технологического развития Российской Федерации». Они позволят получить научные и научно-технические результаты и создать технологии, являющиеся основой инновационного развития внутреннего рынка продуктов и услуг, устойчивого положения России на внешнем рынке. Гранты на проведение крупных научных проектов (до 100 млн руб.) по указанным приоритетным направлениям распределяются на основе Правил, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2019 г. № 1902.

Распоряжением Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 3684-р утверждена Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.).

Другая форма стимулирования научных исследований – установление стипендий, премий. Так, Указом Президента РФ от 13 февраля 2012 г. № 181 учреждены стипендии Президента Российской Федерации для молодых ученых (до 35 лет) и аспирантов, осуществляющих перспективные научные исследования и разработки по приоритетным направлениям модернизации российской экономики (сейчас сумма – 22 800 руб.). Премия Президента Российской Федерации в области науки и инноваций для молодых ученых учреждена Указом Президента РФ от 30 июля 2008 г. № 1144 (4 премии по 5 млн руб.). Стипендии Президента Российской Федерации для студентов и аспирантов, обучающихся по направлениям подготовки (специальностям), соответствующим приоритетным направлениям модернизации и технологического развития российской экономики, учреждены Указом Президента РФ от 14 сентября 2011 г. № 1198.

Значимое место в определении свободы творчества занимает юридикация этических последствий возможных открытий. В качестве примера можно привести ситуацию с созданием ГМО-эмбриона человека, которое осуществил китайский исследователь Хэ Цзянькуй. В результате подобной манипуляции на свет появились дети, которые в силу своего генетического кода не восприимчивы к заболеванию СПИД. Первичная эйфория была заменена опасениями открытия «ящика Пандоры». Во всех странах мира подобные операции запрещены. Мировое осуждение имело для ученого фатальные последствия – в Китае он был приговорен к реальному сроку лишения свободы [18].

Заявленная проблема осложняется многими факторами, среди которых специально следует выделить следующие:

1. Постоянное проявление коммерческих интересов в науке. Яркий пример – лоббирование различных исследований биотехнологическими компаниями, обладающими колоссальными бюджетами.

2. Различия в интерпретации этичности научно-исследовательской деятельности. Это служит основой для создания различных этических кодексов, получивших популярность в профессиональной среде.

3. Глобализация науки, позволяющая ученому быстро менять свое местоположение без каких-то значимых затрат и ущерба для результативности своей деятельности. В разных странах порог этичности того или иного эксперимента существенно различается.

Наиболее ярко проблема этики в науке проявляется в медицинской сфере. В научный оборот включено такое понятие, как биоэтика. Советом

международных научно-медицинских организаций (СМНМО) в сотрудничестве с Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) подготовлены Международные этические руководящие принципы для исследований в области здоровья с участием людей [19]. ЮНЕСКО принята Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. Всемирной медицинской ассоциацией принята Хельсинкская декларация «Этические принципы проведения медицинских исследований с участием человека в качестве субъекта». Группой специалистов по биомедицинским исследованиям, работающей под управлением Руководящего комитета Совета Европы по биоэтике, разработано Руководство для членов Комитетов по этической экспертизе исследований [20]. Российское законодательство (как и во многих других странах) предусматривает этическую экспертизу возможных открытий в сфере медицины:

– ст. 39.1 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»;

– ст. 14 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»;

– ст. 6 и 36.1 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Таким образом, в XXI в. свобода научных исследований приобретает особую актуальность. Развитие агрессивных технологий (по отношению к человеку) вновь поставило вопросы как к личности ученого, так и к пределам его творчества. Необходимо подчеркнуть, что право на свободу творчества не является абсолютным, может быть подвергнуто определенным ограничениям, в том числе имеющим под собой этическую основу. В настоящее время все больше внедряются такие модели регулирования, как управление рисками новых технологий и научное творчество на основе общечеловеческих ценностей. В каждом случае выдвигаются требования к прогнозированию последствий открытия, минимизации возможных негативных последствий. Благодаря такому подходу создаются этические советы, призванные выработать аксиологию потенциальных исследований. Этот путь сложный, но единственный, который позволит сохранить человеческие начала в самом *Homo sapiens* и том обществе, которое может возникнуть в результате технологической революции.

Право и наука вышли на новую ступень взаимодействия, более сложную, но и предусматривающую большую ответственность представителей каждой стороны. От их взаимопонимания зависит многое: прогресс, качество законов, выживаемость цивилизации. Свобода научных исследований должна служить благу человечества – логичный понятный посыл. Иной момент: трактовки блага могут существенно различаться. Это налагает серьезное бремя на законодателя, определяющего в этих сложных условиях ту «нить Ариадны», призванную провести науку сквозь угрозы, соблазны, кризисы современного мира.

Список литературы

1. Kheirandishab S., Funka M., Wensveena S., Verkerkc M., Rauterberga M. A comprehensive value framework for design // *Technology in Society*. 2020. Vol. 62. P. 1–12. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0160791X19303951>
2. Niemelä M., Ikonen V., Leikas J. [et al.]. Human-Driven Design: A Human-Driven Approach to the Design of Technology // 11th IFIP International Conference on Human

- Choice and Computers (HCC) (Turku, Finland, Jul 2014). Turku, 2014. P. 78–91. URL: <https://hal.inria.fr/hal-01383049/document>
3. Van den Hoven J., Lokhorst G.J., Van de Poel I. Engineering and the problem of moral overload // *Science and Engineering Ethics*. 2012. Vol. 18, № 1. P. 143–155. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3275721/>
 4. McDonald L. Please Like This Paper // *Philosophy*. 2021. Vol. 96, № 3. P. 1–24. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/philosophy/article/please-like-this-paper/AB44F05CEE25632C37211517F480F9A8>
 5. Глухов Е. А., Строков С. А. Незаметный экстремизм... или О профилактике вербального экстремизма в армии // *Право в Вооруженных Силах*. 2018. № 1. С. 12–18.
 6. Cenci A., Cawthorne D. Refining Value Sensitive Design: A (Capability-Based) Procedural Ethics Approach to Technological Design for Well-Being // *Science and Engineering Ethics*. 2020. Vol. 26, № 5. P. 2629–2662. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7550296/>
 7. Manders-Huits N. What Values in Design? The Challenge of Incorporating Moral Values into Design // *Science and Engineering Ethics*. 2011. Vol. 17, № 2. P. 271–287. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11948-010-9198-2#article-info>
 8. Cooke Elizabeth F. Germ-line engineering, freedom, and future generations // *Bioethics*. 2003. Vol. 17, № 1. P. 32–58. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12718332/>
 9. Powell R. In Genes We Trust: Germline Engineering, Eugenics, and the Future of the Human Genome // *The Journal of Medicine and Philosophy*. 2015. Vol. 40, № 6. P. 669–695. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/26475170/>
 10. Jongsma Karin R., Jongepierb F. Value-sensitive design and global digital health // *Bulletin World Health Organization*. 2020. Vol. 98, № 8. P. 579–580. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7411316/>
 11. Mahamuni R., Kalyani K., Yadav P. A simplified approach for making human values central to interaction design // *Procedia Manufacturing*. 2015. № 3. P. 874–881. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/82716846.pdf>
 12. Pura S., Wu F. Towards Values-inspired Design: The Case of Citizen-Centric Services // *Thirty Fourth International Conference on Information Systems*. Milan, 2013. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.670.9188&rep=rep1&type=pdf>
 13. Затраты на науку в России и ведущих странах мира // *Институт статистических исследований и экономики знаний*. URL: <https://issek.hse.ru/news/209009455.html>
 14. Государство сократит расходы на исследования и разработки // *РБК*. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/10/2020/5f7b372b9a7947fe8e8d644f>
 15. Романовский Г. Б. Репродуктивные права в России и странах СНГ: сравнительно-правовое исследование : монография. Пенза : Изд-во ПГУ, 2009. 128 с.
 16. Число уезжающих из России ученых выросло в пять раз с 2012 года // *Коммерсантъ*. 2021. 20 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4782133>
 17. Marchant Gary E., Pope Lynda L. The Problems with Forbidding Science // *Sci Eng Ethics*. 2009. Vol. 15, № 3. P. 375–394.
 18. Yangfei Z. He Jiankui gets 3 years for illegal human embryo gene-editing // *China Daily*. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201912/30/WS5e098549a310cf3e35581783.html>
 19. Международные этические руководящие принципы для исследований в области здоровья с участием людей. URL: <https://cioms.ch/wp-content/uploads/2019/01/3027-CIOMS-EthicalGuidelinesRussianLayout2019-1.pdf>
 20. Руководство для членов Комитетов по этической экспертизе исследований. URL: <https://www.coe.int/t/dg3/healthbioethic/source/GUIDE%20EN%20RUSSE.pdf>

References

1. Kheirandishab S., Funka M., Wensveena S., Verkerke M., Rauterberga M. A comprehensive value framework for design. *Technology in Society*. 2020;62:1–12. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0160791X19303951>

2. Niemelä M., Ikonen V., Leikas J. [et al.]. Human-Driven Design: A Human-Driven Approach to the Design of Technology. *11th IFIP International Conference on Human Choice and Computers (HCC) (Turku, Finland, Jul 2014)*. Turku, 2014:78–91. Available at: <https://hal.inria.fr/hal-01383049/document>
3. Van den Hoven J., Lokhorst G.J., Van de Poel I. Engineering and the problem of moral overload. *Science and Engineering Ethics*. 2012;18(1):143–155. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3275721/>
4. McDonald L. Please Like This Paper. *Philosophy*. 2021;96(3):1–24. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/philosophy/article/please-like-this-paper/AB44F05CEE25632C37211517F480F9A8>
5. Glukhov E.A., Stokov S.A. Invisible extremism... or On the prevention of verbal extremism in the army. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh = Law in the Armed Forces*. 2018;(1):12–18. (In Russ.)
6. Cenci A., Cawthorne D. Refining Value Sensitive Design: A (Capability-Based) Procedural Ethics Approach to Technological Design for Well-Being. *Science and Engineering Ethics*. 2020;26(5):2629–2662. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7550296/>
7. Manders-Huits N. What Values in Design? The Challenge of Incorporating Moral Values into Design. *Science and Engineering Ethics*. 2011;17(2):271–287. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11948-010-9198-2#article-info>
8. Cooke Elizabeth F. Germ-line engineering, freedom, and future generations. *Bioethics*. 2003;17(1):32–58. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12718332/>
9. Powell R. In Genes We Trust: Germline Engineering, Eugenics, and the Future of the Human Genome. *The Journal of Medicine and Philosophy*. 2015;40(6):669–695. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/26475170/>
10. Jongsma Karin R., Jongepierb F. Value-sensitive design and global digital health. *Bulletin World Health Organization*. 2020;98(8):579–580. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7411316/>
11. Mahamuni R., Kalyani K., Yadav P. A simplified approach for making human values central to interaction design. *Procedia Manufacturing*. 2015;(3):874–881. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/82716846.pdf>
12. Puro S., Wu F. Towards Values-inspired Design: The Case of Citizen-Centric Services. *Thirty Fourth International Conference on Information Systems*. Milan, 2013. Available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.670.9188&rep=rep1&type=pdf>
13. Research expenditures in Russia and the leading countries of the world. *Institut statisticheskikh issledovaniy i ekonomiki znaniy = Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge*. (In Russ.). Available at: <https://issek.hse.ru/news/209009455.html>
14. Government to cut research and development spending. *RBK = RBC*. (In Russ.). Available at: <https://www.rbc.ru/economics/06/10/2020/5f7b372b9a7947fe8e8d644f>
15. Romanovskiy G.B. *Reproduktivnye prava v Rossii i stranakh SNG: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: monografiya = Reproductive rights in Russia and CIS countries: comparative legal research: monograph*. Penza: Izd-vo PGU, 2009:128. (In Russ.)
16. The number of scientists leaving Russia has grown fivefold since 2012. *Kommersant*. 2021, Apr. 20. (In Russ.). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4782133>
17. Marchant Gary E., Pope Lynda L. The Problems with Forbidding Science. *Sci Eng Ethics*. 2009;15(3):375–394.
18. Yangfei Z. He Jiankui gets 3 years for illegal human embryo gene-editing. *China Daily*. Available at: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201912/30/WS5e098549a310cf3e35581783.html>
19. *Mezhdunarodnye eticheskie rukovodyashchie printsipy dlya issledovaniy v oblasti zdorov'ya s uchastiem lyudey = International ethical guidelines for human health research*.

(In Russ.). Available at: <https://cioms.ch/wp-content/uploads/2019/01/3027-CIOMS-EthicalGuidelinesRussianLayout2019-1.pdf>

20. *Rukovodstvo dlya chlenov Komitetov po eticheskoj ekspertize issledovaniy = Guidelines for members of research ethics committees.* (In Russ.). Available at: <https://www.coe.int/t/dg3/healthbioethic/source/GUIDE%20EN%20RUSSE.pdf>

Информация об авторах / Information about the authors

Ольга Валентиновна Романовская

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой государственно-
правовых дисциплин, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: vlad93@sura.ru

Olga V. Romanovskaya

Doctor of juridical sciences, professor,
head of the sub-department of state and
legal disciplines, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 25.05.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.07.2021

Принята к публикации / Accepted 25.07.2021

УДК 342

doi:10.21685/2072-3016-2021-3-2

Стратегическое планирование в регионах как предмет совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов

Д. И. Артемова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

artdarya@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Рассматриваются правовые основы стратегического планирования на региональном и муниципальном уровне. Отражено стратегическое планирование, которое уверенно вошло в управленческую практику органов власти всех уровней. Однако при наличии законодательного регламента система стратегического планирования пока еще не достигла своего совершенства. Нет механизмов взаимодействия между субъектами РФ в случае реализации ими межрегиональных проектов. Отсутствует порядок участия органов государственной власти субъектов РФ в составлении документов стратегического планирования по вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ. *Материалы и методы.* Методологической основой настоящего исследования является метод материалистической диалектики как всеобщий метод познания действительности и вытекающие из него частнонаучные методы исследования: изучение и анализ литературных источников, касающихся избранной темы, а также нормативного материала; формально-логический анализ; сравнительно-правовой метод; метод историко-юридического анализа; метод комплексного анализа. Теоретическую основу исследования составляют труды по философии, теории государства и права, международному, конституционному и другим отраслям права. Особую группу составили работы, посвященные проблемам экономического развития регионов, городов, в том числе социально-правовые и экономические характеристики. Нормативную основу исследования образуют федеральные, региональные, муниципальные действующие законодательные акты Российской Федерации. *Результаты.* Рассмотрены предпосылки принятия стратегических планов развития, их «вовлеченность» и реализация в указанных субъектах и муниципалитетах. Выявлены недостатки таких программ, где цели и задачи документов, сформированных в этой сфере, зачастую носят декларативный характер. Отсутствует механизм их достижения и реализации. Зачастую изначально формулируется недостижимая цель, при этом методы ее обеспечения не продуманы. *Выводы.* Стратегические планы развития характерны не только для государства и его регионов, но и для муниципального уровня, где присутствует определенная настороженность к самому термину, нацеливающему на формирование масштабных целей, где многие задачи все-таки пока носят «приземленный» характер.

Ключевые слова: стратегия, субъекты РФ, регион, моногород, город, государство, экономика, планирование

Для цитирования: Артемова Д. И. Стратегическое планирование в регионах как предмет совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 18–28. doi:10.21685/2072-3016-2021-3-2

© Артемова Д. И., 2021. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Strategic planning in the regions as an object of joint administration in the Russian Federation and its subjects

D.I. Artemova

Penza State University, Penza, Russia

artdarya@yandex.ru

Abstract. *Background.* The article is devoted to the legal basis of strategic planning at the regional and municipal level. Strategic planning is reflected, which has confidently entered the management practice of government bodies at all levels. However, in the presence of legislative regulations, the system of strategic planning has not yet reached its perfection. There are no mechanisms of interaction between the subjects of the Russian Federation in the case of their implementation of interregional projects. There is no procedure for the participation of state authorities of the subjects of the Russian Federation in the preparation of strategic planning documents on issues of joint jurisdiction of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation. *Materials and methods.* The methodological basis of this study is the method of materialistic dialectics, as a universal method of cognition of reality, and the resulting private scientific research methods: the study and analysis of literary sources related to the chosen topic, as well as normative material; formal-logical analysis; comparative-legal method; method of historical and legal analysis; method of complex analysis. The theoretical basis of the research consists of works on philosophy, theory of state and law, international, constitutional and other branches of law. A special group consisted of works devoted to the problems of economic development of regions and cities, including social, legal and economic characteristics. The normative basis of the study is formed by the federal, regional, and municipal existing legislative acts of the Russian Federation. *Results.* The article considers the prerequisites for the adoption of strategic development plans, their “involvement” and implementation in these subjects and municipalities. The shortcomings of such programs are revealed, where the purposes and objectives of the documents formed in this area are often declarative. There is no mechanism for achieving and implementing them. Often, an unattainable goal is initially formulated, and the methods for ensuring it are poorly conceived. *Conclusions.* Strategic development plans are typical not only for the state and its regions, but also for the municipal level, where there is a certain wariness of the term itself, which aims at the formation of large-scale goals, where many tasks are still “mundane” in nature.

Keywords: strategy, subjects of the Russian Federation, region, single-industry city, city, state, economy, planning

For citation: Artemova D.I. Strategic planning in the regions as an object of joint administration in the Russian Federation and its subjects. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;(3):18–28. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-3-2

Конституция РФ, регулируя основы конституционного строя и обладая высшей юридической силой, имеет прямое действие и одновременно служит правовой базой для всего текущего законодательства. Ее правовые нормы касаются наиболее важных вопросов жизнедеятельности общества и государства. Текущее законодательство развивает и конкретизирует общие конституционные положения, наполняет их новым правовым содержанием [1, с. 30].

К полномочиям органов государственной власти Российской Федерации относится обеспечение согласованности и сбалансированности документов стратегического планирования, разрабатываемых на федеральном уровне

и на уровне субъектов РФ. Вместе с тем утверждение межрегиональных государственных программ целесообразно осуществлять на уровне субъектов РФ ввиду того, что в данном аспекте речь идет о полномочиях органов государственной власти субъекта РФ по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта РФ.

В существующей системе стратегического планирования не предусмотрены механизмы горизонтального взаимодействия между субъектами РФ в случае реализации ими межрегиональных проектов [2, с. 39]. Не регламентируется на федеральном уровне и порядок участия органов государственной власти субъектов РФ в формировании документов стратегического планирования, разрабатываемых на федеральном уровне, по вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ, реализуемых на территориях субъектов Федерации; хотя соответствующее полномочие для органов власти субъектов Российской Федерации и предусмотрено в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации», но не ясно, как его реализовывать. Не утвержден порядок согласования стратегии социально-экономического развития субъекта РФ с документами стратегического планирования федерального уровня [3, с. 145].

Переход российской экономики к созданию реальных и надежных условий для обеспечения устойчивого экономического роста непосредственно зависит от многостороннего и целенаправленного развития регионов, от их оптимально сформированной стратегии [4, с. 8].

Отношение к планированию в Российской Федерации сталкивалось со многими глобальными факторами. Так, государственное планирование в сфере экономики имело четкую ассоциацию с советской моделью управления. Именно поэтому в процессе обсуждения проекта Конституции Российской Федерации были отвергнуты любые упоминания о плановой экономике и вмешательстве государства в свободу предпринимательства. В этой части основной закон нашей страны отличается максимальным либерализмом. Отсутствует любое упоминание о взаимоотношениях государства и экономики. Экономические основы конституционного строя сведены лишь к самым общим положениям о единстве экономического пространства, поддержке конкуренции, свободе экономической деятельности, праве частной собственности. Даже беглое обращение к конституционным актам зарубежных стран указывает на скудость такого регулирования.

Не последнюю роль играет и глобализация экономических рынков, которая приводит к полномасштабным последствиям во всех сферах общественной жизни. В праве данный процесс именуется интернационализацией. Можно наблюдать также универсализацию государственных институтов и «ползучий» процесс передачи части суверенных полномочий различным международным организациям. Здесь следует сделать ремарку: ситуация с коронавирусной инфекцией внесла свои коррективы. Однако общую тенденцию бегства по «национальным квартирам» это не предотвратит.

Представленные факторы, безусловно, влияют на общее отношение к государственному планированию. Получается, его осуществление зависит от включенности страны в интеграционные процессы, которые вряд ли можно заставить идти по национальным правилам. Исходя из этого, многие

европейские страны формулируют приоритеты, выстраивают прогнозы, но не акцентируют внимание на закреплении каких-то плановых показателей. Российская экономика в этом аспекте не является исключением, хотя определенные коррективы внесены длительным процессом санкционного режима. В то же время мы переживаем период определенного становления (и в праве, и в экономике), когда стратегическое планирование (без подчинения экономических показателей роста формальным установлениям) будет оказывать благоприятное воздействие на плавный переход от социалистической модели к рыночному хозяйству. Тем более никто не отменял национальные особенности такого перехода, вносящего в него индивидуальные черты [5, с. 35].

Новаторским шагом стал Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (в ред. от 18 июля 2019 г. № 183-ФЗ) «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Через четыре года Президент РФ подписал Указ от 7 мая 2019 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (в СМИ – Майский указ).

Россия вступила в новый этап своего развития, внешнее выражение которого состоит в росте показателей темпов экономического восстановления, стабилизации показателей инфляции, возрождении инвестиционной активности, изменении потребительских настроений в сторону отечественных производителей.

На сегодняшний день законодательная база для развития субъектов Российской Федерации на федеральном уровне почти сформирована, но она не в полной мере приспособлена к особенностям региона. В связи с этим трудности формирования соответствующего правового регулирования необходимо рассматривать с тенденцией процесса расширения законодательства, базирующегося на прогнозах и стратегическом планировании. Поскольку такие документы-основания, объединяя проблемы экономики, социальных основ, градостроительства и землепользования, имеют первостепенное значение для построения наиболее благоприятного климата развития территориальной единицы.

В стратегии важна новая реальность, которую регион может создать, каждый день начиная делать что-то иначе в малом, совершая небольшие новые шаги. Именно эта новая реальность становится магнитом для будущего: для человека, для жителей, для инвесторов, для бизнеса. Стратегия должна носить характер программного документа, аккумулирующего все государственные программы региона с одной целью – рост социально-экономических показателей и, как следствие, повышение качества жизни граждан.

В принципе за последнее время все субъекты Федерации приняли те или иные стратегии развития. Срок некоторых стратегий уже истек, и пришло время принимать новые, опирающиеся на принципы преемственности. Некоторые проекты, учитывающие цели и задачи, изложенные в Майском указе Президента России, уже находятся в первичном размещении на сайте Министерства экономического развития Российской Федерации (Сахалинская область, Костромская область, Московская область, Ставропольский край, Тюменская область). Многие документы не только отличаются своим названием, но и включают в свое содержание такие понятия, которые ранее не

фиксируются на законодательном уровне (в проекте Стратегии социально-экономического развития Сахалинской области до 2030 г. дано определение понятию «Цифровая платформа» [6]).

Приведенные экономические успехи обусловлены, в том числе, и тем, что именно в данном регионе активно принимаются стратегии развития определенных отраслей экономики. На уровне субъекта Российской Федерации разрабатывается вектор, указывающий, какие именно сферы нуждаются в дополнительной поддержке, какие меры государство обязуется реализовывать для достижения максимального успеха. При этом созданы специальные институты поддержки. Так, Указом Губернатора Сахалинской области от 24 апреля 2020 г. № 33 утверждено Положение о Стратегическом совете при Губернаторе Сахалинской области (а также состав указанного Совета). Постановлением Правительства Сахалинской области от 11 июня 2019 г. № 252 создано Агентство по стратегическим проектам и государственно-частному партнерству Сахалинской области.

Стратегия – это всегда инновации, которые должны заключаться в определении комплексных вызовов, миссии, цели и задач развития региона в контексте новых национальных приоритетов и тенденций макроэкономического развития субъекта РФ.

Сам закон о стратегическом планировании является рамочным нормативным актом, предполагающим принятие собственных документов на уровне субъектов Федерации, но допускающим отход от некоторых федеральных позиций (Ленинградская область, г. Санкт-Петербург)¹.

Правовое развитие каждого субъекта РФ взаимосвязано с ее экономическим состоянием в узком смысле и развитием всей страны в широком понимании. Органы исполнительной власти напрямую влияют на развитие всего региона. Именно от принимаемых властью решений зависит успешность, процветание и привлекательность регионов для инвесторов и компаний федерального значения, в том числе иностранных инвесторов и компаний с иностранным капиталом.

Можно утверждать, что стратегия социально-экономического развития, вытекающая из общего документа о стратегическом планировании, – это векторный документ региона, определяющий систему долгосрочных приоритетов, ориентированный на повышение уровня и качества жизни населения, устойчивую социальную динамику, сбалансированность экономических показателей, а также на конвергенцию интересов различных уровней власти международного, федерального, регионального значения.

Каждому региону свойственны факторы, ограничивающие развитие, – это и монопрофильная структура экономики; неравномерное пространственное развитие: высокие затраты на жизнедеятельность; транспортная изолированность и недостаток инфраструктуры (как, например, Ненецкий автономный округ, что и обуславливает принятие принципиального решения о его объединении с Архангельской областью).

Поэтому становление целей, на основе которых устанавливаются возможности и главные ориентиры региона, является первостепенным началом

¹ О стратегическом планировании в Ленинградской области : областной закон Ленинградской области от 11 июля 2018 г. № 63-оз [с изм. на 11 июля 2018 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.02.2021).

стратегического планирования. Такие нормы есть во всех планах. Однако в некоторых документах цели носят обобщенный характер и не отражают направления политики.

Наиболее часто встречающиеся формулировки – повышение уровня жизни населения (Липецкая область, Хабаровский край), реализация геополитической задачи закрепления населения (Дальний Восток и Байкальский регион), сохранение культурного наследия и единства многонационального народа (Республика Саха (Якутия)), обеспечение лучших условий доступа к природным ресурсам (Краснодарский край), формирование основы для совместных действий органов государственной власти Пензенской области, органов местного самоуправления, представителей бизнеса и общественных организаций (Пензенская область).

Стратегия позволяет согласовать деятельность различных групп местного сообщества – власти, бизнеса, населения – и мобилизовать ресурсы всех ее участников для достижения одной конкретной стратегической цели. Для жителей области стратегия позволяет видеть перспективы жизни, дает возможность согласовать с ними свою жизненную стратегию, ведь у каждого человека есть собственные планы. Если условия в этой местности не отвечают ожиданиям человека, он просто ее покидает.

В Республике Татарстан на протяжении четырех лет действует Стратегия социально-экономического развития до 2030 г.¹, в рамках реализации которой принят соответствующий план мероприятий (400 различных мероприятий, 70 индикаторов). Каждым муниципальным образованием (в частности, Чистопольским, Менделеевским районом, г. Казань и Набережные Челны) приняты свои «малые» стратегии, что обеспечивает доступность информации и участие населения в процессе реализации стратегий различного уровня. Главная задача «внешней» Стратегии – достижение объема валового регионального продукта к 2030 г. свыше 5 трлн руб.

Кроме того, можно отметить особое отношение к формированию инфраструктуры для бизнеса, которая с начала реализации Стратегии занимает уже 10 % объема промышленного производства. При этом в начале ее доля была порядка 5 %. Иными словами, за непродолжительный период выросла в два раза. Сюда входит и особая экономическая зона (ОЭЗ) «Алабуга» (где уже 56 резидентов), где промышленно-производственную деятельность ведут 23 предприятия, ОЭЗ «Иннополис», где 67 компаний-резидентов и 8 компаний-партнеров, а также 63 промышленных площадки, на которых создано свыше 8 тыс. рабочих мест.

Еще одним лидером в сфере экономического развития является Республика Башкортостан. В 2009 г. Правительством Республики Башкортостан была принята Стратегия социально-экономического развития². Ее положения детализируются в государственных программах. По итогам каждого года составляется сводный отчет о ее реализации.

¹ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года : закон Республики Татарстан от 17 июня 2015 г. № 40-ЗРТ [с изм. от 5 апреля 2019 г.]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/428570021> (дата обращения: 13.12.2020).

² Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2020 года : постановление Правительства Республики Башкортостан от 30 сентября 2009 г. № 370. URL: <https://pravitelstvorb.ru/upload/iblock/135/135b5676537833966c70d0f1977c04b2.pdf> (дата обращения: 01.02.2021).

Республика Башкортостан – один из самых мощных и крупных регионов Российской Федерации. Ее экономика диверсифицирована. Например, в Башкортостане социально значимые объекты (2774) в 2019–2021 гг. подключат к всемирной сети Интернет [7]. Все регионы стремятся доминировать по основным показателям.

В стране, в каждой области, в каждом городе за последние годы произошли серьезные изменения, которые коснулись всех сфер жизни, начиная с экономических и социальных отношений и заканчивая правовой и политической системами. Эти изменения настоятельно требуют новых подходов к управлению не только областным, краевым, республиканским, но и внутренним – городским – хозяйством.

В городе Оренбурге продолжительное время действует Стратегия социально-экономического развития¹. Показателен подход к ее принятию. В 2008 г. в городской администрации была сформирована рабочая группа, которая создала техническое задание. Конкурсная комиссия начала работу с научными коллективами из Москвы, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга. Победила в конкурсе Уральская академия государственной службы. Формально авторами Стратегии является творческий коллектив, в составе которого работали ведущие ученые Уральской академии государственной службы и ее оренбургского филиала. В процессе разработки в качестве экспертов привлекались специалисты отраслевых органов городской администрации, преподаватели оренбургских вузов, сотрудники научно-исследовательских институтов, представители крупного и малого бизнеса. Была задействована и городская общественность. Разработчикам необходимо было учесть абсолютно все факторы, влияющие на жизнь Оренбурга, и сделать доступность документа ближе к пониманию жителями города.

Оренбург как муниципальное образование должен быть интегрирован в экономические и социальные процессы, происходящие на уровне Приволжского федерального округа и Оренбургской области. К этому обязывает статус столицы региона, статус промышленного, научно-образовательного и культурного центра края. Действующая Стратегия жестко увязана с теми положениями, которые прописаны в стратегических планах развития Приволжского федерального округа и Оренбуржья, но с учетом муниципальных особенностей, потенциала и перспектив. Стратегия – это прежде всего концепция развития, некий виртуальный идеал, к которому нужно стремиться.

Для единой слаженной эффективной работы муниципалитетов в каждом регионе должна быть создана единая региональная политика и должны быть введены единые общие стандарты для всех муниципалитетов.

В Санкт-Петербурге в целях создания устойчивой системы стратегического планирования Комитетом при участии консультантов компании «Прайс-вотерхаус Куперс» были разработаны экспертно-аналитические материалы по актуализации приоритетов стратегического планирования² и Стратегии

¹ Об утверждении «Стратегии социально-экономического развития города Оренбурга до 2030 года»: решение Оренбургского городского Совета от 6 сентября 2011 г. № 232 // Консорциум «Кодекс». Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/439070216> (дата обращения: 18.02.2021).

² О стратегическом планировании в Санкт-Петербурге: закон Санкт-Петербурга от 17 июня 2015 г. № 396-75. URL: <http://docs.cntd.ru/document/537976451> (дата обращения: 13.02.2021).

социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2030 г. [8]. В рамках формирования проекта плана мероприятий по реализации Стратегии Санкт-Петербурга Комитетом совместно с компанией «Мак-Кинзи» разработаны предложения по формированию комплексов мероприятий в основных сегментах экономики города, обеспечивающих достижение долгосрочных целей социально-экономического развития Санкт-Петербурга. Приоритетами развития являются: «экономика знаний», «окно в Арктику», «туризм», «город равных возможностей», «открытый город» [9].

Во многих субъектах Российской Федерации функционируют моногорода (всего их в России 321). Моногородами называют такие населенные пункты, основная экономическая деятельность в которых ведется на определенном градообразующем предприятии. После распада Советского Союза многие предприятия показали свою неэффективность в рыночных условиях, так как они работали исключительно в государственных нуждах, поэтому положение городов, в которых градообразующее предприятие осуществляло свою деятельность, сейчас находится под угрозой – это зафиксировано в нормативно-правовых актах о моногородах. По распоряжению Правительства РФ к ним будет применяться особое финансирование инфраструктуры города, а также привлечение инвестиций для диверсификации экономики. Стратегическое развитие моногородов – один самых проблематичных моментов, влияющих на общее состояние дел в российской экономике.

Постановлением Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709 утверждены критерии отнесения муниципальных образований Российской Федерации к моногородам. Цель развития таких моногородов – способствовать диверсификации экономики и снизить зависимость от работы градообразующих предприятий через создание новых рабочих мест, не связанных с такими предприятиями. Например, в Пензенской области с начала года по программе развития моногородов создано 5260 рабочих мест, не связанных с деятельностью градообразующих предприятий [10].

Стратегия необходима не только в силу закона, она в условиях ограниченных ресурсов концентрирует усилия органов власти и ресурсы бюджетов исходя из приоритетных направлений развития. Ценности и принципы новой стратегии ориентированы на социально-экономическое, политическое и культурное развитие региона.

Несмотря на определенные успехи, хотелось бы представить объективный подход к современному состоянию стратегического планирования развития регионов нашей страны. Остановимся на негативных моментах. Современный этап правового развития характеризуется снижением ценности общеправовых регуляторов, не обеспеченных механизмом их реализации. Данная негативная тенденция не обошла стороной и порядок стратегического планирования. Цели и задачи большинства документов, сформированных в этой сфере, носят декларативный характер. Отсутствует механизм их достижения и реализации. Зачастую изначально формулируется недостижимая цель, при этом методы ее обеспечения непродуманны. Происходит последующее тиражирование декларативных целей в иных актах, которые, по сути, обрекаются на их неисполнение. Искусственно создается замкнутый круг.

К сожалению, указанная связка целого пласта необходимых документов в большинстве регионов отсутствует. Понятно, что планирование может

затрагивать различные аспекты, которые, в свою очередь, нуждаются в первичном правовом регулировании. Эта же задача зачастую отодвигается на второй план в угоду формирования лозунговых целей, имеющих медийную подачу. Нередко органы государственной власти увлекаются рекламой собственной деятельности, что, кстати, хорошо вписывается в концепцию стратегии.

Выводы

1. В Российской Федерации сформирована полноценная правовая база разработки и утверждения стратегических планов развития, носящих разнопорядковый характер. Могут приниматься как универсальные стратегии, затрагивающие весь комплекс народного хозяйства, так и специализированные, нацеленные на быстрый рост отдельных отраслей экономики.

2. Российская экономика ощущает на себе комплекс определенных трудностей, вытекающих из географического положения нашей страны, ее мультикультурности, многоконфессиональности и многонациональности. С одной стороны, Россия выступает ключевым элементом мировой экономики. Как наша страна не может «выключиться» из мировых трендов развития, так и мировая экономика не может обеспечить полноценное развитие без Российской Федерации. С другой стороны, индивидуальные особенности нашего государства предопределяют необходимость протекционистского подхода в развитии как некоторых территорий, так и отдельных отраслей народного хозяйства.

3. Несмотря на реализацию стратегий развития регионов, во многих субъектах Российской Федерации не сформировалось отношение к ним как значимым документам. Присутствует декларативность основных положений, отсутствие связей с иными нормативными актами субъекта Российской Федерации, необеспеченность материальными и финансовыми ресурсами.

Список литературы

1. Гошуляк В. В. Конституционный строй, конституционное государство, конституционализм как основные категории конституционного права // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 3. С. 25–33. doi:10.21685/2072-3016-2018-3-2
2. Ирхин И. В. О некоторых инструментах оптимизации механизма реализации субъектами Российской Федерации полномочий по предметам совместного ведения с Российской Федерацией // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 32–43.
3. Государственно-правовые основы ускоренного развития Дальнего Востока России : монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2018. 301 с.
4. Тихонова Н. С. Необходимость стратегического планирования в условиях рынка // Cyberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimost-strategicheskogo-planirovaniya-territorii-v-usloviyah-rynka> (дата обращения: 01.02.2021).
5. Артемова Д. И. Государственная власть, стратегия развития регионов, «тройная спираль» // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 9. С. 35.
6. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: <http://economy.gov.ru/minrec/main> (дата обращения: 08.04.2021).
7. «Башинформсвязь» подключит к интернету 888 социальных учреждений Башкортостана в 2020 году // Bashtel. Группа компаний ПАО «Ростелеком». URL: <https://www.bashtel.ru/news/17579/> (дата обращения: 06.02.2021).
8. Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года. URL: <http://spbstrategy2030.ru/> (дата обращения: 13.02.2021).

9. Система стратегического планирования Санкт-Петербурга // Комитет по экономической политике и стратегическому планированию Санкт-Петербурга (КЭПиСП). URL: <http://cedipt.spb.ru/strategicheskoe-planirovanie/sistema-planirovaniya-sankt-peterburga/> (дата обращения: 13.02.2021).
10. В моногородах Пензенской области создали новые рабочие места // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2018/08/24/reg-pfo/v-monogorodah-penzenskoj-oblasti-sozdali-piat-tysiach-rabochih-mest.html> (дата обращения: 13.02.2021).

References

1. Goshulyak V.V. Constitutional system, constitutional state, constitutionalism as the main categories of constitutional law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2018;(3):25–33. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2018-3-2
2. Irkhin I.V. On some instruments for optimizing the mechanism for the implementation by the constituent entities of the Russian Federation of powers on subjects of joint jurisdiction with the Russian Federation. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2020;(9):32–43. (In Russ.).
3. Tikhomirov Yu.A. (ed.). *Gosudarstvenno-pravovye osnovy uskorennoy razvitiya Dal'nego Vostoka Rossii: monografiya = State-legal foundations of the accelerated development of the Russian Far East: monograph*. Moscow, 2018:301. (In Russ.)
4. Tikhonova N.S. The need for strategic planning in market conditions. *Cyberleninka*. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimost-strategicheskogo-planirovaniya-territorii-v-usloviyah-rynka> (accessed 01.02.2021).
5. Artemova D.I. State power, regional development strategy, “triple helix”. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local government*. 2020;(9): 35. (In Russ.)
6. *Ofitsial'nyy sayt Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii = Official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation*. (In Russ.). Available at: <http://economy.gov.ru/minec/main> (accessed 08.04.2021).
7. “Bashinformsvyaz” to connect 888 social institutions of Bashkortostan to the Internet in 2020. *Bashtel. Gruppy kompaniy PAO «Rostelekom» = Bashtel. Company group Rostelekom PJSC*. (In Russ.). Available at: <https://www.bashtel.ru/news/17579/> (accessed 06.02.2021).
8. *Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sankt-Peterburga na period do 2030 goda = Strategy of social and economic development of Saint Petersburg for the period up to 2030*. (In Russ.). Available at: <http://spbstrategy2030.ru/> (accessed 13.02.2021).
9. Strategic planning system of Saint Petersburg. *Komitet po ekonomicheskoy politike i strategicheskomyu planirovaniyu Sankt-Peterburga (KEP-iSP) = Committee for Economic Policy and Strategic Planning of Saint Petersburg*. (In Russ.). Available at: <http://cedipt.spb.ru/strategicheskoe-planirovanie/sistema-planirovaniya-sankt-peterburga/> (accessed 13.02.2021).
10. New jobs have been created in monotowns of the Penza region. *Rossiyskaya gazeta = Russian newspaper*. (In Russ.). Available at: <https://rg.ru/2018/08/24/reg-pfo/v-monogorodah-penzenskoj-oblasti-sozdali-piat-tysiach-rabochih-mest.html> (accessed 13.02.2021).

Информация об авторах / Information about the authors

Дарья Игоревна Артемова

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правосудия,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: artdarya@yandex.ru

Dar'ya I. Artemova

Candidate of juridical sciences, associate
professor, associate professor of the
sub-department of justice, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 07.04.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 05.07.2021

Принята к публикации / Accepted 16.08.2021

УДК 342.72

doi:10.21685/2072-3016-2021-3-3

Понятие метаданных и их конституционная защита

Р. Р. Кильдеев

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

rif-kildeev@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Социальное общение каждого человека как никогда связано с цифровым пространством. Социальные сети, различные электронные программы, платформы, каналы используются для постоянного обмена данными. Каждый файл, отправленный во вне, содержит значительный объем метаданных, систематизация которых позволяет раскрыть значительные тайны частной жизни лица. При этом в российском законодательстве отсутствует само понятие метаданных, а также особенности их конституционной защиты. Цель работы – провести исследование категории «метаданные», выделить ее признаки, особенности конституционной защиты, применимой к элементам неприкосновенности частной жизни человека и гражданина. *Материалы и методы.* Исследовательские задачи были решены благодаря научному анализу широкого спектра источников, посвященных юридической фиксации понятия метаданных. В качестве метода исследования был выбран формально-юридический, позволивший соотнести методы защиты персональных данных и метаданных. Также был использован сравнительно-правовой метод, позволивший выявить особенности защиты данных в Европейском Союзе. *Результаты.* Представлен общий вывод о трудностях в фиксации форм и методов защиты метаданных, затрагивающих технологический процесс передачи и обработки информации в цифровом пространстве. Показано отсутствие заинтересованности в специальном регулировании защиты метаданных, позволяющих ими манипулировать как в предпринимательских целях, так и в целях обеспечения деятельности правоохранительных органов. *Выводы.* Выявлено отсутствие единой практики использования метаданных в качестве процессуальных доказательств. Систематизированы признаки метаданных, обоснована необходимость введения режима специальной защиты. Поддержана точка зрения, направленная на формулирование специального права человека на защиту данных в цифровом пространстве.

Ключевые слова: метаданные, защита, систематизация, информация, персональные данные, частная жизнь, цифровое пространство

Для цитирования: Кильдеев Р. Р. Понятие метаданных и их конституционная защита // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 29–40. doi:10.21685/2072-3016-2021-3-3

The concept of metadata and their constitutional protection

R.R. Kildeev

Penza State University, Penza, Russia

rif-kildeev@yandex.ru

Abstract. *Background.* Social communication of each person is connected with the digital space as never before. Social networks, various electronic programs, platforms, channels are used for the constant exchange of data. Each file sent outside contains a significant

© Кильдеев Р. Р., 2021. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

amount of metadata, the systematization of which allows you to reveal significant secrets of a person's private life. At the same time, the Russian legislation lacks the very concept of metadata, as well as the specifics of their constitutional protection. Objective – conduct a study of the category of “metadata”, highlight its features, features of constitutional protection applicable to the elements of the privacy of a person and a citizen. *Materials and methods.* Research problems were solved thanks to the scientific analysis of a wide range of sources devoted to the legal fixation of the concept of metadata. As a research method, a formal legal one was chosen, which made it possible to correlate the methods of protecting personal data and metadata. A comparative legal method was also used, which made it possible to identify the features of data protection in the European Union. *Results.* A general conclusion about the difficulties in fixing the forms and methods of protecting metadata, affecting the technological process of transmitting and processing information in the digital space, is presented. It is shown that there is no interest in special regulation of the protection of metadata, which allows them to be manipulated both for business purposes and in order to ensure the activities of law enforcement agencies. *Conclusions.* The article presents general conclusions about the lack of a unified practice of using metadata as procedural evidence. Metadata signs have been systematized, the necessity of introducing a special protection regime has been substantiated. The point of view is supported, aimed at the formulation of a special human right to data protection in the digital space.

Keywords: metadata, protection, systematization, information, personal data, privacy, digital space

For citation: Kildeev R.R. The concept of metadata and their constitutional protection. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;(3):29–40. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-3-3

Российские граждане (как и любые другие) все больше вовлекаются в цифровое пространство. Мобильный телефон давно уже превратился в портативный компьютер, позволяющий пользоваться различными программами, приложениями, осуществляющий допуск к различным серверам по оказанию услуг (включая государственные и муниципальные), способствующий общению как с конкретными лицами, так и в обширном социальном пространстве (через социальные сети и каналы).

Ежедневно каждый из нас порождает огромный объем информации, включающий в себя различные персональные данные, которые отправляются во внешнее пространство. Конституция России установила общий режим защиты таких данных, предусматривая в ст. 23 право на неприкосновенность частной жизни, а в ст. 24 – запрет на сбор информации о частной жизни лица без его согласия. Предусматриваются отраслевые гарантии, закрепленные, в частности, в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». С учетом действия значительных информационных массивов и в связи с участием кибератаками был принят Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». В приведенных законах вводятся определенные режимы для того или иного вида информации, затрагивающей частную жизнь гражданина. Предусматривается дифференциация информации по категориям допуска. Ко многим процедурам каждый гражданин России уже привык:

как, например, согласие на обработку персональных данных при их предоставлении в какую-то организацию. В то же время быстрое технологическое развитие, усложнение обмена данными в цифровом пространстве, создание новых программ такого обмена показывают, что обработка сведений о гражданах может оказать влияние на объем прав и обязанностей, устанавливая запреты (или ограничения) в рамках осуществления какой-то деятельности. Зависимость реализации многих прав от технологического аспекта обработки информации обуславливает повышенную актуальность нового формата метаданных.

Несколько слов о понятии метаданных и изменении их роли в цифровом обществе в вопросах реализации гражданином своих прав и свобод. Общее определение метаданных заключается в том, что это данные о других данных. Национальный стандарт Российской Федерации «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Набор элементов метаданных “Дублинское ядро”» (ГОСТ Р 7.0.10–2010) представляет следующее определение: «Метаданные (metadata) – структурированные данные, характеризующие информационный ресурс для целей его идентификации, поиска и управления им». В другом Национальном стандарте «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» (утвержден Приказом Росстандарта от 17 октября 2013 г. № 1185-ст) понятие метаданных представлено несколько иначе: «Данные, описывающие контекст, содержание, структуру документов, обеспечивающие управление документами в информационной системе».

Национальный стандарт «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информация и документация. Управление документами. Часть 1. Понятия и принципы» (утвержден Приказом Росстандарта от 26 марта 2019 г. № 101-ст) предусматривает понятие «метаданные документов (metadata for records)»: структурированная или полуструктурированная информация, которая позволяет создавать, управлять и использовать документы в разное время и в различных областях деятельности. Кстати, заполнение указанных сведений закрепляется Приказом Росархива от 24 декабря 2020 г. № 199 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке инструкций по делопроизводству в государственных органах, органах местного самоуправления».

Есть и краткие формулы понятий. Так, в соответствии со ст. 33 Закона Российской Федерации от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности» метаданные включают в себя информацию об основных характеристиках данных и копий данных. Правила организации хранения, комплектования, учета и использования научно-технической документации в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных организациях (утверждены Приказом Росархива от 9 декабря 2020 г. № 155) вообще подразумевают под метаданными лишь реквизиты документа. Ряд документов Роскосмоса понимают под метаданными лишь копии данных (например, Приказ Госкорпорации «Роскосмос» от 16 июля 2019 г. № 215, совместный Приказ Госкорпорации «Роскосмос» № 257, Росгидромета № 388 от 15 августа 2019 г. и др.), что в целом соответствует ограничительному видению Закона «О космической деятельности».

Приказ Минобрнауки РФ от 31 января 2008 г. № 34 «О национальной системе мониторинга исследований и разработок в сфере нанотехнологий» понимает под метаданными формализованное описание информации.

Приведем наглядный пример: автор научной статьи, публикуя ее, представляет сведения о самом себе. Так, на сайте практически любого журнала представлен объем справки, которую должен сообщить автор при решении вопроса об опубликовании его научного труда: фамилия, имя, отчество, адрес электронной почты, место работы, должность, ученое звание и ученая степень. В объем запрашиваемой информации могут включаться иные данные (в частности, данные о наличии счета в банковской организации – при перечислении авторского гонорара). Относительно представленной информации в законодательных актах есть определенность: такие метаданные подпадают под режим персональных данных, на использование которых требуется согласие обладателя. В то же время каждый автор направляет статью (в подавляющем большинстве случаев) в электронном формате. Если материал набран в программе Microsoft Word, то каждый файл содержит свои метаданные, а именно комментарии, отслеживаемые изменения, информацию о версии документа, свойства документа (включая информацию из общей сводки, статистику, настраиваемые вкладки диалогового окна свойств документа), наименование электронной почты, имя пользователя, некоторые скрытые элементы форматирования и др. Приведенный перечень далеко не исчерпывает ту информацию, которую можно получить при детализации полученного файла.

При отправке фотографии в цифровом формате метаданные могут содержать также значительный объем сведений, относящихся к изображению, а именно дату фотографирования, имя владельца камеры, модель камеры, ее настройки (чувствительность, фокусное расстояние и т.д.). Если фото сделано с мобильного телефона, то в зависимости от встроенных эффектов информация может включать геолокацию, а также соединенные сведения с другими настроенными программами.

Если сейчас детализировать метаданные, которыми сопровождается любой вход в цифровое пространство, то их перечисление может занять не одну страницу. Это объясняет, что режим соблюдения конфиденциальности при обработке метаданных обусловлен конституционными требованиями о защите права на неприкосновенность частной жизни.

Особенности правового режима метаданных заключаются в ряде аспектов, заметно отличающих их от персональных данных:

1. Метаданные в цифровом пространстве сопровождают сведения в автоматическом режиме, без ведома обладателя основной информации.

2. Удаление метаданных в большинстве случаев – сложная процедура, требующая специальных навыков, что исключает ее использование каждым в стандартном режиме.

3. Автоматическая обработка метаданных зачастую происходит вне ведома обладателя основной информации, в силу установленного программного обеспечения.

4. На порядок обработки метаданных во многих случаях не распространяется режим защиты, установленный для персональных данных.

5. Анализ метаданных с помощью искусственного интеллекта и специальных программ позволяет получить значительный объем конфиденциальной информации.

6. Сбор метаданных происходит непрерывно и постоянно, что многими коммерческими компаниями объясняется потребительскими целями улучшения качества оказываемых услуг.

7. В условиях борьбы с террористической угрозой и преступностью правоохранительные органы настаивают на облегченном порядке доступа к метаданным.

Размещение информации в сети Интернет также связано с целью ее максимального распространения и включения в различные поисковые системы для ее быстрого и четкого отражения. Для этого используются связанные элементы, которые формируют собой как раз метаданные. Представление открытых данных основано на базовом стандарте RDF (Resource Description Framework), разработанном консорциумом Всемирной паутины (World Wide Web Consortium – W3C). Не вдаваясь в подробности, обозначим, что указанный стандарт позволяет максимально быстро находить необходимую информацию благодаря предложенным техническим решениям. К тому же RDF позволяет объединять распределенные источники данных. Именно поэтому данный стандарт (как и другие, например RDFa (Resource Description Framework in attributes), Microdata, RFC2413) предлагается в Методических рекомендациях по публикации открытых данных государственными органами и органами местного самоуправления, а также технических требованиях к публикации открытых данных (Версия 3.0, утверждена протоколом заседания Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 29 мая 2014 г. № 4).

В то же время благодаря этому же стандарту при обработке файла возможно получение внешне скрытой информации, но несущей в себе ключевую нагрузку. Именно благодаря метаданным в настоящее время возможно раскрытие киберпреступлений, как раз оставляющих в указанном формате электронные «следы». Анализ метаданных позволяет раскрыть и различные правонарушения, как, например, сговор при участии в аукционе, что было выявлено в ходе рассмотрения антимонопольного законодательства при организации аукциона на поставку детского питания в Пермском крае (Решение Пермского УФАС России от 14 июля 2020 г. по делу № 059/01/11-1231/2019 – метаданные заявок от различных организаций указывали на их формирование в одном юридическом лице). При этом в юридической литературе подчеркивается, что использование метаданных в правоприменительной практике не имеет единообразия (в частности, в трактовке переписки в социальных сетях и иные аспекты «цифровой жизни» граждан [1]). Более того, процессуальное законодательство не ввело специальный термин «электронное доказательство», рассматривая электронный документ как единое целое, приравняв его к письменным доказательствам (Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»). В. Г. Голубцов, анализируя нововведение, подчеркивает: «Отнесение электронных документов к письменным доказательствам основано на том, что сведения, которые содержатся в электронных

документах, представляют собой человеческую мысль (понятия, суждения, умозаключения и т.д.) о существующей действительности. В тех случаях, когда документ представляет собой фотоснимок либо иное отражение реальной действительности, которое не содержит мысль, его никак нельзя признать письменным доказательством. Такой документ следует исследовать как вещественное доказательство. Сегодня в доказательственной деятельности преимуществом обладает письменная форма, что свидетельствует о признании законодателем самодостаточности такой формы, в том числе и для электронных доказательств» [2, с. 176]. Автор отстаивает взвешенный подход о недопустимости безграничной технологизации права.

Активно внедряется технология блокчейн, которая «основывается на том, что у каждого пользователя базы данных, основанной на блокчейне, хранится ее полная копия (правило распределенного реестра)» [3, с. 170]. Происходит децентрализация данных, но с их синхронизацией, что минимизирует риски уничтожения информации, а также несанкционированного манипулирования и мошеннических действий. Все это выстраивает новые перспективы перед новой технологией, активно внедряемой в различные сферы деятельности [4]. Так, набирают популярность смарт-контракты, которые А. И. Савельев именуется «умными контрактами», преобразующими основы договорного права [5]. В технологии блокчейн метаданные приобретают ключевое значение [6].

Появление метаданных к электронным файлам ставит на новый уровень необходимость предотвращения киберугроз, несанкционированного доступа. Следует учитывать, что требования специальной защиты связано даже с такой ситуацией, когда метаданные не позволяют устанавливать личность, поскольку сбор и обработка информации может касаться систематизации иных данных, имеющих косвенное отношение к персональным, но позволяющим формулировать определенные выводы (например, о нуждаемости в лекарственных средствах и медицинском оборудовании, предпочтениях потребителей, скоплении граждан на территории и др.). Именно поэтому сейчас наблюдается особый интерес к метаданным со стороны хакеров, мошенников и иных киберпреступников. К тому же систематизация метаданных создает основу для социальной инженерии и управления массами [7]. Актуальность приобретает такая профессия, как аналитик данных. Таким образом, защитный механизм должен включать в себя как технический, так и правовой моменты.

Правовой режим защиты метаданных находится в «серой зоне». Это обусловлено как минимум несколькими факторами: 1) сложностью самого регулирования технических процессов; 2) отсутствием заинтересованности в регулировании со стороны разработчиков программных продуктов; 3) возможностью получения информации правоохранительными органами в упрощенном порядке. Обращение к российскому законодательству показывает, что сам термин «метаданные» в нем используется. Например, ст. 14 Федерального закона от 30 декабря 2015 г. № 431-ФЗ «О геодезии, картографии и пространственных данных и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» содержит указание на пространственные метаданные. Однако изучение иных документов показывает, что законодатель не видит большой разницы между пространственными данными и

пространственными метаданными (и в том и в другом случае речь идет об информации, изложенной в виде файлов в формате XML, созданных с использованием XML-схемы).

Выше приводились примеры закрепления понятия «метаданные» в Национальных стандартах (кстати, даже в стандартах нет единства терминологии, причем в общих чертах и при описании сходных категорий), но они не пригодны в установлении методов и форм защиты неприкосновенности частной жизни. В данном аспекте законодатель должен определить различные уровни метаданных, распределяя их по значимости как для самого лица, так и для определения формы защиты. Анализируя зарубежный опыт, можно увидеть разносторонний подход к защите прав личности через введение особого правового режима метаданных. В рамках Европейского Союза действует Общий регламент защиты персональных данных (General Data Protection Regulation; GDPR [8]), действующий с 2016 г., распространяющий свое действие на некоторые метаданные – в частности, на геолокацию. Аналогичный подход используется в США. Например, в Принципах таргетированной рекламы Федеральной торговой комиссии США точное местоположение лица – это так называемые чувствительные персональные данные [9].

В Российской Федерации геолокация (возьмем только один пример метаданных) вряд ли может быть отнесена к понятию персональных данных, которое предусматривается ст. 3 Федерального закона «О персональных данных» следующим образом: «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)». С одной стороны, геолокация указывает на место нахождения лица, с другой – место нахождения мобильного устройства (которое в момент определения может находиться с каким-то иным лицом, не ассоциированным с мобильным устройством).

Ряд авторов подчеркивают возможность включения метаданных в понятие персональных данных за счет специальной оговорки в Федеральном законе «относящаяся прямо или косвенно», внесенной в 2011 г. (Федеральный закон от 25 июля 2011 г. № 261-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О персональных данных”»). Иными словами, закон создал некий потенциал для возможного расширения понятия и распространения его на дополнительные инструменты, не предусматривая при этом (даже примерного) перечня составных элементов. Л. К. Терещенко посчитала, что это привело к разночтениям в судебной практике [10]. А. И. Савельев, наоборот, подчеркнул, что такой подход связан с приведением российского закона в соответствие с международными подходами [11].

Обобщая, можно указать на популярность общего подхода распространения режима персональных данных на метаданные, что включает защитный механизм, вытекающий из содержания права на неприкосновенность частной жизни (вплоть до привлечения к уголовной ответственности по ст. 137 Уголовного кодекса РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни»). Это не требует дополнительных правовых конструкций, тем более что правоприменитель уже разобрался с тонкостями защиты частной жизни, понимая логику требуемых от него со стороны общества и государства действий. Данный подход (условно назовем традиционным) характерен для тех ученых,

которые изначально разрабатывают общее содержание права на неприкосновенность частной жизни, его структуру, а также отдельные элементы [12, 13]. К тому же в рамках требования конфиденциальности информации, относящейся к конкретному лицу, документы, ее закрепляющие, начали свое формирование еще в 80-х гг. прошлого столетия [14].

Иной подход связан с формированием самостоятельного права – права на защиту данных. Основой его формирования выступает ст. 8 Хартии Европейского Союза об основных правах, которая устанавливает право на защиту данных, дополняющее установленное в Хартии право на уважение частной и семейной жизни (ст. 7). Это первый опыт формулирования самостоятельного права, вне привязки к устоявшейся системе прав человека. Показательна структура ст. 8 Хартии. Часть 1 предусматривает общее право каждого «на защиту относящихся к нему данных личного характера». Часть 2 устанавливает гарантии соблюдения права:

- обработка данных должна производиться без манипуляций;
- обработка допускается только в определенных целях;
- наличие согласия заинтересованного лица либо наличие других правомерных оснований, предусмотренных законом;
- каждый имеет право на получение доступа к собранным в отношении него данным;
- право на устранение в данных ошибок.

Часть 3 ст. 8 Хартии закрепляет необходимость создания независимого органа, уполномоченного на проведение контроля за соблюдением установленных гарантий.

Необходимо отметить, что долгое время европейская правовая политика строилась на объединении права на защиту данных и права на уважение частной жизни. Этому способствовала также практика Суда Европейского Союза. Однако расширение технических возможностей автоматической обработки различных данных, а также увеличение метаданных, сопровождающих практически каждый вход в «цифровое поле», привели к пониманию необходимости разделения двух прав. Данные, хотя и могут относиться к личным, не всегда обуславливают раскрытие элементов частной жизни. Такие последствия могут происходить при объединении разрозненных данных в единую схему или базу. О. Лински настаивает, что именно выделение права на защиту данных позволяет распространить охранительный механизм на большее количество типов сведений (чем это произошло бы при наличии только права на уважение частной жизни). Усиление контроля над персональными данными способствует реализации двух целей: продвижение «цифровых» прав личности и снижение асимметрии между гражданином и владельцем персональных данных в вопросах обладания ими [15].

Выявление различий в подходах защиты метаданных основывается также на отсутствии единообразия в национальных правовых режимах. Например, Федеральный конституционный суд Германии еще в 1983 г. при рассмотрении на предмет конституционности Закона о переписи населения, в рамках которого собиралась личная информация (в частности, о религиозных убеждениях, профессии и др.), право на защиту данных вывел из права человека на «информационное самоопределение», которое, в свою очередь, обуславливалось правом на человеческое достоинство (ч. 1 ст. 1 Основного

закона ФРГ) и свободное развитие своей личности (ч.1 ст. 2 Основного закона ФРГ). В своем Постановлении от 15 декабря 1983 г. Федеральный конституционный суд подчеркнул, что свободное развитие личности в современных условиях обработки данных требует защиты человека от неограниченного сбора, хранения, использования и раскрытия сведений о его личности. Таким образом, совокупность основных прав, закрепленных в Основном законе, гарантирует право человека определять границы раскрытия и использования своих персональных данных. Основной вывод заключался в следующем: «Однако индивидуальное самоопределение предполагает – даже в условиях современных технологий обработки информации, – что человеку предоставляется свобода решать, свобода действовать (или не действовать), включая возможность фактического поведения в соответствии с принятым решением. Любой, кто не может с достаточной уверенностью увидеть, какая информация ему известна в определенных областях своего социального окружения, и кто не может разумно оценить знания возможных партнеров по общению, может быть значительно ограничен в своей свободе планировать или принимать решения по собственной инициативе. Социальный порядок и правопорядок, которые позволяют это, несовместимы с правом на информационное самоопределение, в котором граждане больше не могут знать, кто знает, что именно, а также когда и по какому поводу о них самих». Возникающая неуверенность в себе из-за невозможности информационного самоопределения приводит к отказу от реализации своих основных прав, а это не только уменьшает шансы индивидуума на развитие, но и минимизирует общее благо [16].

Подведем определенные итоги:

1. Технические особенности обработки информации в цифровом пространстве обновляют взгляд на правовой режим метаданных к электронным файлам, ранее считавшийся лишь техническим показателем их оборота. В настоящее время метаданные файлов, распространяемые от одного лица, систематизированные в единой базе, позволяют раскрыть больше личной информации, чем персональные данные, размещенные в различных информационных реестрах.

2. Российское законодательство не использует единое понятие метаданных, которое находит свое закрепление только в различных подзаконных актах, определяющих технические правила документооборота. Юридическое закрепление понятия метаданных отсутствует также в правовых актах, определяющих правовой режим персональных данных и иных сведений, имеющих конфиденциальный характер.

3. Современная российская юридическая практика уже знает примеры использования метаданных в качестве доказательств. При этом отсутствуют правила их вовлечения в юридический процесс, что обуславливает противоречивость конечного результата разбирательства той или иной спорной ситуации. Процессуальное законодательство, хотя и было дополнено упоминанием электронных документов, не выделяет особенности признания метаданных как самостоятельного вида доказательства.

4. Конституционная защита оборота метаданных о гражданах выстраивается в мире по двум основным направлениям: а) в рамках элемента основного права – права на неприкосновенность частной жизни; б) в рамках

формулирования самостоятельного права на защиту данных (вне упоминания персональных данных). Техническое развитие цифрового пространства все больше обуславливает актуальность второго подхода.

Список литературы

1. Алимов Э. В., Алимова Д. Р., Гаджиев Х. И. [и др.]. Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике / отв. ред.: В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. М. : КОНТРАКТ, 2020. 176 с.
2. Голубцов В. Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 170–188.
3. Антонян Е. А., Аминов И. И. Блокчейн-технологии в противодействии кибертерроризму // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 167–177.
4. Кумуков М. Ш. Технология блокчейн: новые вызовы и возможности в системе мер по ПОД/ФТ (противодействие отмыванию денег и (или) финансированию терроризма) // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 2. С. 144–154.
5. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–60.
6. Наградская В. Б. Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права : науч.-метод. пособие / под ред. Л. А. Новоселовой. М. : Проспект, 2019. 128 с.
7. Marquenie T., Quezada K. Chapter 5. Operationalization of Information Security through Compliance with Directive 2016/680 in Law Enforcement Technology and Practice / ed. by A. Vedder, J. Schroers, C. Ducuing, P. Valcke. Cambridge : Intersentia, 2019. P. 97–128.
8. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons with Regard to the Processing of Personal Data and on the Free Movement of Such Data, and Repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32016R0679>
9. Богустов А. А., Горохова О. Н., Доротенко Д. А. [и др.]. E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование) : сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2019. 448 с.
10. Терещенко Л. К. Отдельные вопросы применения законодательства о персональных данных // Комментарий судебной практики / под ред. К. Б. Ярошенко. М. : КОНТРАКТ, 2014. Вып. 19. С. 3–13.
11. Савельев А. И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». М. : Статут, 2017. 320 с.
12. Иванский В. П. Персональные данные как основной объект посягательств на неприкосновенность сферы частной жизни: законодательный опыт в зарубежных государствах // Административное право и процесс. 2012. № 8. С. 50–56.
13. Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни в конституциях, законе и юридической науке // Гражданин и право. 2016. № 4. С. 15–27.
14. Романовский Г. Б. Конституционное регулирование права на неприкосновенность частной жизни : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. 188 с.
15. Lysnskey O. Deconstructing data protection: the “Added-value” of a right to data protection in the EU legal order // International and Comparative Law Quarterly. 2014. Vol. 63, № 3. P. 569–597.
16. Leitsätze zum Urteil des Ersten Senats vom 15. Dezember 1983 // Bundesverfassungsgericht. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/e/rs19831215_1bvr020983.html

References

1. Alimov E.V., Alimova D.R., Gadzhiev Kh.I. [et al.]. *Zashchita dannykh: nauchno-prakticheskiy kommentariy k sudebnoy praktike = Data protection: a scientific and practical commentary on judicial practice*. Moscow: KONTRAKT, 2020:176. (In Russ.)
2. Golubtsov V.G. Electronic evidence in the context of e-justice. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa = Bulletin of civil procedure*. 2019;(1):170–188. (In Russ.)
3. Antonyan E.A., Aminov I.I. Blockchain technologies in countering cyberterrorism. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2019;(6): 167–177. (In Russ.)
4. Kumukov M.Sh. Blockchain technology: new challenges and opportunities in the system of AML/CFT measures (combating money laundering and (or) terrorist financing). *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal = Leningrad legal journal*. 2018;(2):144–154. (In Russ.)
5. Savel'ev A.I. Contract Law 2.0: smart contracts as the beginning of the end of classic contract law. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of civil law*. 2016;(3):32–60. (In Russ.)
6. Nagrodskaya V.B. *Novye tekhnologii (blokcheyn / iskusstvennyy intellekt) na sluzhbe prava: nauch.-metod. posobie = New technologies (blockchain / artificial intelligence) in the service of law: scientific methodical allowance*. Moscow: Prospekt, 2019:128. (In Russ.)
7. Marquenie T., Quezada K. *Chapter 5. Operationalization of Information Security through Compliance with Directive 2016/680 in Law Enforcement Technology and Practice*. Cambridge: Intersentia, 2019:97–128.
8. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons with Regard to the Processing of Personal Data and on the Free Movement of Such Data, and Repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). *EUR-Lex*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32016R0679>
9. Bogustov A.A., Gorokhova O.N., Dorotenko D.A. [et al.]. *E-commerce i vzaimosvyazannye oblasti (pravovoe regulirovanie): sb. st. = E-commerce and related areas (legal regulation): collected articles*. Moscow: Statut, 2019:448. (In Russ.)
10. Tereshchenko L.K. Selected issues of application of legislation on personal data. *Kommentariy sudebnoy praktiki = Commentary on judicial practice*. Moscow: KONTRAKT, 2014;(19):3–13. (In Russ.)
11. Savel'ev A.I. *Nauchno-prakticheskiy postateynnyy kommentariy k Federal'nomu zakonu «O personal'nykh dannykh» = Scientific and practical article-by-article commentary to the Federal Law “On Personal Data”*. Moscow: Statut, 2017:320. (In Russ.)
12. Ivanskiy V.P. Personal data as the main object of encroachment on the inviolability of the sphere of private life: legislative experience in foreign countries. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2012;(8):50–56. (In Russ.)
13. Romanovskiy G.B. The right to privacy in constitutions, law and legal science. *Grazhdanin i pravo = Citizen and law*. 2016;(4):15–27. (In Russ.)
14. Romanovskiy G.B. The constitutional regulation of the right to privacy. PhD dissertation. Saint-Petersburg, 1997:188. (In Russ.)
15. Lynskey O. Deconstructing data protection: the “Added-value” of a right to data protection in the EU legal order. *International and Comparative Law Quarterly*. 2014;63(3): 569–597.
16. Leitsätze zum Urteil des Ersten Senats vom 15. Dezember 1983. *Bundesverfassungsgericht*. Available at: https://www.bundesverfassungsgericht.de/e/rs19831215_1bvr020983.html

Информация об авторах / Information about the authors

Рифат Расимович Кильдеев

аспирант, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: rif-kildeev@yandex.ru

Rifat R. Kildeev

Postgraduate student, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 21.04.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 30.05.2021

Принята к публикации / Accepted 16.06.2021

УДК 343

doi:10.21685/2072-3016-2021-3-4

Символы русского уголовного процесса

А. В. Агутин

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

agutin.av@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Русские святыни (ценностно-смысловые основы бытия русского уголовного процесса) обуславливают смысл отечественного уголовного судопроизводства. К сожалению, уголовно-процессуальная доктрина, воплощенная в Уголовно-процессуальном кодексе (УПК), восприняла чуждые нашему народу идеологемы либерализма. В практическом аспекте восприятие этих либеральных идеологем приводит к свертыванию смысла (бессмыслице) уголовно-процессуальной деятельности (уголовного преследования). Это в значительной степени актуализировало проблему исследования. Статья ставит своей целью обоснование ряда положений, согласно которым в своих истоках уголовно-процессуальная деятельность (уголовное преследование) должна(о) опираться на ценностно-смысловые основы бытия русского народа в виде духовных столпов православной веры, культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе осмысления ценностно-смыслового бытия отечественного уголовного судопроизводства, системного влияния духовных столпов, культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей на качество уголовно-процессуальной деятельности (уголовного преследования). Методологический потенциал включает следующие методы исследования: духовный и культурно-исторический подходы, системно-деятельностный подход и функциональный анализ. В статье осмыслены символы русского уголовного процесса и бессмыслица уголовно-процессуальной деятельности (уголовного преследования), установлено: русские святыни (ценностно-смысловые основы бытия русского уголовного процесса) обуславливают смысл отечественного уголовного судопроизводства, а идеологемы либерализма – бессмыслицу уголовно-процессуальной деятельности (уголовного преследования). *Выводы.* На основе проведенного исследования сделан вывод: во-первых, на уровне целого русский народ в уголовно-процессуальной сфере имеет конкретную цель – уголовно-процессуальная деятельность должна осуществляться личностями; во-вторых, воспроизводство бессмыслицы при осуществлении уголовного преследования будет осуществляться до тех пор, пока не будет изменена идейная основа российского законодательства, а идеологемы либерализма не будут свернуты под воздействием духовных столпов православной веры, культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей русского народа; в-третьих, духовные скрепы русского народа должны составлять ценностную, смысловую и идейную основу действенности идеологического фильтра, способного своим потенциалом отсеивать враждебные для российской общности заморские и иноземные концепции уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: русский, святыни, смысл, нравственность, уголовно-процессуальная деятельность, уголовное преследование, закон, народ, государство, либерализм, формализм, уголовное судопроизводство, мир, дух, формирование

Для цитирования: Агутин А. В. Символы русского уголовного процесса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 41–53. doi:10.21685/2072-3016-2021-3-4

Symbols of the Russian criminal process

A.V. Agutin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
agutin.av@yandex.ru

Abstract. *Background.* Russian shrines (the value-semantic foundations of the existence of the Russian criminal process) determine the meaning of domestic criminal proceedings. Unfortunately, the criminal procedure doctrine embodied in the Code of Criminal Procedure has adopted ideologies of liberalism that are alien to our people. In practical terms, the perception of these liberal ideologies leads to the curtailment of the meaning (nonsense) of criminal procedural activity (criminal prosecution). This largely actualized the problem of the study. The purpose of the research is to substantiate a number of provisions according to which criminal procedure activity (criminal prosecution) should be based on the value and semantic foundations of the existence of the Russian people in the form of the spiritual pillars of the Orthodox faith, cultural and historical heritage and the system of traditional spiritual and moral values. *Materials and methods.* The implementation of the research tasks was achieved on the basis of understanding the value-semantic existence of domestic criminal justice, the systemic influence of spiritual pillars, cultural and historical heritage and the system of traditional spiritual and moral values on the quality of criminal procedural activity (criminal prosecution). The methodological potential includes the following research methods: spiritual and cultural-historical approaches, system-activity approach and functional analysis. Russian criminal procedure symbols and the nonsense of criminal procedure activity (criminal prosecution) are understood in the article, it is established: Russian shrines (the value-semantic foundations of the Russian criminal process) determine the meaning of domestic criminal justice, and the ideologemes of liberalism – the nonsense of criminal procedure activity (criminal prosecution). *Conclusions.* Based on the study, it was concluded: firstly, at the level of the whole, the Russian people in the criminal procedural sphere has a specific goal – criminal procedural activities should be carried out by individuals; secondly, the reproduction of nonsense in the implementation of criminal prosecution will continue until the ideological basis of Russian legislation is changed, and the ideologemes of liberalism are curtailed under the influence of the spiritual pillars of the Orthodox faith, cultural and historical heritage and the system of traditional spiritual and moral values of the Russian the people; thirdly, the spiritual bonds of the Russian people should form the value, semantic and ideological basis of the effectiveness of the ideological filter, capable of filtering out foreign and foreign concepts of criminal justice that are hostile to the Russian community.

Keywords: russian, sacred objects, meaning, morality, criminal procedure, criminal prosecution, law, people, state, liberalism, formalism, criminal justice, peace, spirit, formation

For citation: Agutin A.V. Symbols of the Russian criminal process. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;(3):41–53. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-3-4

Концептуально отечественное уголовное судопроизводство (уголовный процесс) должно(ен) опираться на русские святыни (ценностные основы бытия русского (российского) народа). По своей сущности русские святыни

представляют собой то, «ради чего стоит жить и стоит умереть» [1, с. 32]. Они являются продолжением и более четким выражением «смысла жизни человеческой, чем больше наполнена святынями душа человеческая, тем больше и основательнее смысл жизни человека...» [1, с. 34]. Следовательно, русские святыни (ценностно-смысловые основы бытия русского уголовного процесса) обуславливают смысл отечественного уголовного судопроизводства. При этом, чем более ими наполнен наш уголовный процесс, тем глубже его смысл.

Ценностные основы бытия русского народа – это, прежде всего, духовные столпы православной веры, культурно-историческое наследие и система традиционных духовно-нравственных ценностей. Они являются жизнеотворяющей силой отечественного уголовного судопроизводства и определяют его качество. Поэтому тогда, когда отечественное уголовное судопроизводство опирается на духовные столпы православной веры, культурно-историческое наследие и систему традиционных духовно-нравственных ценностей русского народа, оно своим потенциалом обеспечивает осмысленную (не противоречащую нашей жизни) уголовно-процессуальную деятельность.

Духовные столпы православной веры, культурно-историческое наследие и система традиционных духовно-нравственных ценностей русского народа для должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, выступают одновременно и в качестве должной мотивации, и в качестве целесообразного целеполагания. Тем самым они формируют концептуально-смысловую основу уголовно-процессуальной деятельности (уголовного преследования). Эту концептуально-смысловую основу уголовно-процессуальной деятельности невозможно рассматривать в отрыве от духовных столпов, культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей русского народа.

Невозможность рассмотрения концептуально-смысловой основы уголовно-процессуальной деятельности в отрыве от духовных столпов православной веры, культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей мы объясняем особенностями истоков их формирования. Они формируются духовным и божественным миром, а исходят из духа вечности. Духовные столпы православной веры, культурно-историческое наследие и система традиционных духовно-нравственных ценностей русского народа неподвластны сиюминутным веяниям духа времени. Например, для них безразличны любые самые изощренные агрессивные воздействия со стороны системы идеологием порочного и ложного либерализма.

Будучи порождением духа вечности, духовные столпы православной веры, культурно-историческое наследие и система традиционных духовно-нравственных ценностей русского народа проявляются в символах русского уголовного процесса. Символы русского уголовного процесса – это знания о духовной и божественной основе отечественного уголовного судопроизводства. Они не отделимы от духовного и божественного мира как целого. Символы русского уголовного процесса взаимосвязаны и взаимообусловлены духовным и божественным миром – нашим русским православием. В настоящих размышлениях под Русским Православием мы разумеем «Божественное христианство, в его цельном, чистом, неискаженном виде, как оно

сохранилось в самом Священном Писании и Святом Предании, Семью Вселенскими Соборами утвержденном, святыми отцами нашей Церкви вдохновенно объясненном и особенно ясно выражающемся в нашем церковном богослужении, – в богослужении, которое носит в себе до сих пор горячие неискаженные следы постоянных верований Святой Церкви истинных христиан всех времен, которые в нем неизменно одинаково сохраняются от первых веков до наших дней» [2, с. 42–43].

Взаимосвязь и взаимообусловленность символов русского уголовного процесса с духовным и божественным миром осуществляется на основе духа русского народа (русского духа). Дух русского народа неотделим от самого народа. Без русского духа бессмысленно вести разговор о русском народе. Восприятие народом русского духа в лице духовных столпов православной веры, культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей являет собой основу духовно-нравственной составляющей мышления русского народа [3].

Особенностью мышления русского народа является его опора на русские святыни. Они формируют здоровое и живое общественное сознание (мировоззрение). Для здорового и живого мировоззрения русского народа «западноевропейские инстинктивные (животные) потребности» (они же «общечеловеческие ценности») не имеют никакого отношения. Наш народ их мыслит в лучшем случае в качестве начал грехопадения (ошибок жизни). В свое время Н. О. Лосский писал: «Нельзя, наконец, сводить ценность на удовлетворение потребности, т.е. устранения неудовольствия вследствие несуществования какого-либо предмета, потому что ценно многое такое, отсутствие чего не связано с чувством неудовольствия» [4, с. 7]. Удовлетворение потребности не является ценностью русского народа, а относится к числу ложных идеологем и заблуждений либерализма. В их истоках усматриваются языки пламени, вырывающиеся из самой преисподней.

Своим потенциалом ложная либеральная идеологема – удовлетворение потребностей – направлена на разрушение русского духа как духовно-нравственной основы жизни нашего народа. К сожалению, в наши дни эта вредоносная и разрушительная для нашего народа либеральная идеологема пропагандируется средствами массовой информации в качестве панацеи от всех его бед. Однако им не подвластно живое и здоровое мировоззрение русского народа. Потенциалом либеральных средств массовой информации оно может быть только ослепленно временно. По прошествии некоторого промежутка времени живое и здоровое мировоззрение русского народа восстанавливается.

Наличие у русского народа живого и здорового мировоззрения позволяет ему быть самостоятельным субъектом человеческой истории (жизни), поскольку в целом русский народ неэгоистичен. В своих помыслах, опираясь на систему русских святынь, он творит «лишь абсолютные ценности – нравственное добро, красоту, познание истины, блага неотделимые и неистребимые, служащие всему миру» [5, с. 112–124]. Русский народ является коллективным субъектом (организмом) исторического процесса. И не просто исторического процесса, а вечности. Русский народ, будучи достоянием вечности, имеет цель – духовно-нравственное «воспроизводство» личности, основными

формами которого являются духовно-нравственное наставление, воспитание и образование.

Применительно к отечественному уголовному судопроизводству изложенное означает нижеследующее. На уровне целого русский народ в уголовно-процессуальной сфере имеет конкретную цель – уголовно-процессуальная деятельность должна осуществляться не просто уполномоченными и профессионально компетентными должностными лицами и органами – они должны быть личностями. Должностные лица и органы, осуществляющие уголовно-процессуальную деятельность, должны быть сыновьями и дочерьми русского народа. Они должны быть тверды в своих убеждениях и православной вере (живой вере христианской).

Чем больше уголовно-процессуальная деятельность будет воплощать в себе целостный православный дух русского народа, тем более качественно она будет осуществляться. Чем живее духовно-нравственное здоровье русского народа, тем крепче благоустройство нашего государства. Ибо благоустройство русского государства возможно только в целостном православном духе народа. «Если оно будет не того духу, – писал в XX в. И. В. Киреевский, – то непременно будет стеснять свободное его выражение в жизни и слове под предлогом толерантности и, стесняя его, само будет стесняться им и утверждаться против него только насильственно, боясь каждой тени духа общественного, как привидения из другого мира» [2, с. 114].

В основе мышления должностных лиц и органов, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, должен быть положен целостный православный дух русского народа (русский дух). Именно целостный русский дух определяет сущность нашего уголовного процесса. Никакие его отдельные фрагменты, например воля, эмоции, чувства и т.п., не могут претендовать на статус сущности русского уголовного процесса. Ведь они являются результатами фрагментации (деления) русского духа, вследствие чего сам он утрачивает свою целостность. Целостен русский дух только тогда, когда он взаимосвязан с духовным и божественным миром.

Духовный и божественный мир являют собой вечность. Для вечности нет ограничений ни в пространстве, ни во времени. В этом смысле она бесконечна. Впрочем, как бесконечен и русский дух. Русский дух исходит из вечности, ради нее формируется и уходит в вечность. Именно им определяется духовная (божественная) сущность русского человека. Вне этой сущности невозможна наша жизнь, включая и ту ее часть, которая непосредственно относится к одному из ее компонентов – русскому (российскому) уголовному процессу. Наш уголовный процесс должен быть проявлением русского духа. Сам же русский дух должен исходить из вечности, быть ее проявлением в настоящей и будущей нашей жизни.

Взаимосвязь русского духа с вечностью позволяет нам говорить о его взаимообусловленности с духовным и божественным миром. Проявляется эта взаимообусловленность потенциалом символов вечности. Символы вечности – это наши знания о божественном и духовном мире, обрамленные вечностью. Для русского народа нашими знаниями о духовном и божественном мире являются такие символы, которые обеспечивают качество уголовно-процессуальной деятельности (уголовного преследования), например сострадание и правда. Сострадание являет собой духовно-нравственный закон

жизни русского народа. В нашем культурно-историческом наследии он получил наименование «сострадания в форме самопожертвования». Одним из проявлений этого духовно-нравственного закона жизни русского народа является чувство коллективизма, т.е. «способности самопожертвования ради коллектива и других его членов, в особенности таких, которые олицетворяют собой целое» [5, с. 285].

С позиции вечности правда как символ духовного и божественного мира являет собой духовно-нравственную основу целесообразного бытия (жизни). Сказанное в полной мере имеет отношение и к бытию (жизни) русского уголовного процесса. Правда (истина) является животворящей силой русского уголовного процесса. Истина (правда), будучи животворящей силой уголовного процесса (уголовного преследования), обеспечивает либо свертывание, либо вовсе утрату материальной (корыстной) мотивации при осуществлении уголовного преследования. Однако, для того чтобы подобное преобразование мотивации произошло, необходима как внешняя, так и внутренняя взаимосвязанность и взаимообусловленность уголовно-процессуальной деятельности (уголовного преследования) с духовными столпами православной веры, культурно-историческим наследием и системой ценностей российского народа. В противном случае даже при достойном финансировании труда адвоката-защитника уголовное преследование своим потенциалом не будет обеспечивать правду, а будет манипулировать кривдой (ложью) в отечественном уголовном судопроизводстве.

Отрыв уголовного преследования от духовных столпов православной веры, культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей способен привести к излишней его формализации. Формализация уголовного преследования – это формальные правила, которые являются обязательными как для ведомств и органов, осуществляющих уголовное преследование, так и для иных лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Не менее важное место в формализации уголовного преследования отведено взаимоотношениям (взаимодействию) со средой функционирования.

Сугубо внешне формализация уголовного преследования облегчает оказания управленческого воздействия в сфере уголовного судопроизводства. С позиции догматов управления это означает снятие «постоянного и неотложного вмешательства со стороны управляющих» [6, с. 104–105]. В этом суть формализации при осуществлении уголовного преследования. Оно линейно обеспечивает формирование мировоззрения (общественного и индивидуального сознания), способного в последующем оказывать управленческое воздействие на уголовное преследование без задействования дополнительных ресурсов. В рассматриваемой ситуации уголовное преследование осуществляется согласно параметрам, обозначенным на линейной фазе формализации.

Формализации уголовного преследования предусматривает стандартизацию мышления (мировоззрения) ведомств и органов, его осуществляющих. В либеральной доктрине, воплощенной в УПК РФ, такая стандартизация (унификация) мышления ведомств и органов производится на основе идеологием либерализма (они же – принципы уголовного судопроизводства). Их основным предназначением является манипулирование общественным и индивидуальным сознанием (мировоззрением) при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности (уголовного преследования).

Манипулирование общественным и индивидуальным сознанием является видимой основой формализации уголовно-процессуальной деятельности (уголовного преследования). В свою очередь формализация уголовного преследования ведет не только к свертыванию духовных столпов, культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа, но и к разрушению (омертвлению) мышления (сознательной деятельности) самих ведомств и органов, осуществляющих уголовное преследование.

Внешней основой омертвления сознания ведомств и органов, осуществляющих уголовное преследование, являются процессуальные правила, нашедшие свое закрепление в УПК РФ, а внутренней – либеральные идеологии, которые по своей сути являются проявлением религиозно-философской (надбиологической) программы католицизма, протестантизма и пантеистической мистики. Либеральные идеологии являются собой систему ложных для нашего народа ценностей западной цивилизации. В отечественное уголовное судопроизводство они были проведены под барабанный грохот речей об общечеловеческих ценностях в России, послуживших лишь ширмой для их внедрения. В результате этого на уровне целого «разрушена страна, так называемые реформы привели к разрушению экономики и к вымиранию народа» [1, с. 39].

В своих основаниях либерализм фундаментально опирается на чуждую российской общности мистику [7, с. 65–86]. Одним из опасных ее проявлений является омертвление сознания, ведомств и органов, осуществляющих уголовное преследование, а также активизация в их мировоззрении тенденций, поощряющих безразличие (равнодушие) к ценностно-смысловым основам бытия (жизнедеятельности) нашего народа. На наш взгляд, именно безразличие к правде (истине) в отечественном уголовном судопроизводстве является основной причиной замыкания (заикливания) уголовного преследования на собственных (ведомственных) интересах. В такой ситуации ведомства и органы, осуществляющие уголовное преследование, будут всячески стремиться к увеличению формальных (количественных) показателей эффективности своей деятельности, игнорируя качественные критерии ее оценки. Увлеченность формальными (количественными) показателями в оценке деятельности по осуществлению уголовного преследования способна повлечь за собой перерождение самого уголовного преследования в имитацию, в систему формальных отписок. Особую значимость эта проблема приобретает в деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. Косвенно на это обстоятельство указывает и Генеральный прокурор Российской Федерации И. В. Краснов, когда говорит следующее: «Не должно быть формальных отписок. Человеку, который обратился в прокуратуру, нужно разъяснять смысл ответа так, чтобы он остался им удовлетворен. И чтобы эта работа была организована на системной основе, я считаю важным подавать пример своим подчиненным» [8].

При осуществлении уголовно-процессуальной деятельности (уголовного преследования) достичь цели, поставленной Генеральным прокурором Российской Федерации, является делом крайне затруднительным. И вот почему. Наряду с безразличием при осуществлении уголовного преследования, чуждая и ложная по своим основаниям идеология либерализма направлена на

воспроизводство (бессмыслицы). На уровне целого утрачивается какая-либо возможность говорить о смысле (ценностно-смысловом единстве мотивации и цели уголовного преследования) в положительном аспекте. В этих условиях целеполагание будет осуществляться по «принципу редиски»: внутри белая (содержательная бессмыслица), а снаружи красная (внешняя бессмыслица). В своей совокупности они системно и будут обеспечивать воспроизводство бессмыслицы при осуществлении уголовного преследования.

Воспроизводство бессмыслицы при осуществлении уголовного преследования, даже при всех благих намерениях государственника-руководителя И. В. Краснова, будет осуществляться до тех пор, пока не будет изменена идейная основа российского законодательства, а идеологемы либерализма не будут свернуты под воздействием духовных столпов православной веры, культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа. И не только. На уровне государственного управления следует решить на первый взгляд несложную задачу – убрать одно из действенных средств обеспечения либеральной пропаганды потребительской жизни (жизни социального животного) – рекламу. Сегодня она выступает одним из линейных факторов внедрения либеральных установок в общественное и индивидуальное сознание российского народонаселения. Тем самым либеральная пропаганда оказывает нелинейную поддержку либеральной идеологии, маскирующей себя под «идеологическим многообразием» (ч. 1 ст. 13 Конституции РФ) и имеющей наименование «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной и обязательной» (ч. 2 ст. 13 Конституции РФ).

Только на первый взгляд может показаться – перевод уголовного преследования на ценностно-смысловой уровень является незатейливой задачей, а следовательно, для этого достаточно того, чтобы ведомство возглавлял руководитель-государственник, каковым является сегодняшний Генеральный прокурор Российской Федерации И. В. Краснов. По нашему глубокому убеждению, этого недостаточно. Для того чтобы ведомства и органы осуществляли уголовное преследование на ценностно-смысловой основе, следует произвести системные преобразования в целом государственного управления с учетом духовных столпов православной веры, культурно-исторического наследия и системы ценностей российского народа. В противном случае одиночные усилия руководителей ведомств, осуществляющих уголовное преследование, по приданию ему смысла приведут к диаметрально противоположному результату, а именно к формализации смысла.

Формализация смысла уголовного преследования влечет за собой воспроизводство бессмыслицы. Одним из ее ликов является заинтересованность ведомств и органов, осуществляющих уголовное преследование, в достижении формальных показателей эффективности уголовного преследования. Эти формальные показатели опасны тем, что они не учитывают качество уголовного преследования с точки зрения его влияния на саму жизнь: улучшается она или ухудшается. На уровне целого одним из индикаторов оценки качества уголовного преследования вполне может стать уровень доверия населения к ведомствам и органам, осуществляющим уголовное преследование. Во всяком случае полагаем – уголовное преследование должно быть целеустремлено не на удовлетворение собственных амбиций и интересов ведомств и органов,

его осуществляющих, а на укрепление и обеспечение жизнедеятельности российской общности.

Уголовное преследование должно быть жизненным, исходить из жизни и осуществляться ради жизни. В противном случае оно является бессмысленным. Даже более того, например в условиях социокультурной экспансии враждебных для нашей общности сил, оно будет способствовать как внутреннему саморазрушению (духовно-нравственному опустошению) субъектов, осуществляющих уголовное преследование, так и внесению собственного негативного (отрицательного) вклада в дезорганизацию фундаментальных устоев российской общности.

Уголовно-процессуальная наука не стоит на месте. Размышления некоторых российских исследователей о содержании уголовного преследования позволяют нам увидеть в них одну важную, с нашей точки зрения, закономерность, а именно осмысление содержания уголовного преследования в объективированном виде. Но в реальности (жизни) уголовное преследование имеет место лишь субъективно. При осуществлении уголовного преследования субъективное раскрывается в своем потенциале, его основой являются духовные столпы, культурно-историческое наследие и система традиционных духовно-нравственных ценностей русского народа.

На уровне целого и применительно к духовно-нравственным ценностям нашего народа секретарь Совета безопасности РФ Н. П. Патрушев пишет: «Именно духовно-нравственные ценности лежат в основе мировоззрения, выступают ориентиром жизнедеятельности, взаимопонимания людей, являются основой формирования стереотипов и моделей поведения человека в обществе» [9]. С приведенным суждением Н. П. Патрушева мы не только согласны, но и солидарны. Суждения Н. П. Патрушева о мировоззрении и истоках духовно-нравственных ценностей нашего народа и вредности либерализма должны выступить в качестве ценностно-фундаментальной основы для проведения правовых исследований, включая те из них, которые имеют непосредственное отношение к осмыслению уголовного преследования в отечественном уголовном судопроизводстве.

По своей сути мировоззрение является преобладающей и устойчивой тенденцией мышления, в которой духовно-нравственные ценности выступают в качестве должных ориентиров жизнедеятельности русского народа, установления взаимопонимания и доверия между людьми. Для большинства народонаселения нашей страны мировоззрение русского народа является фундаментальной основой формирования стереотипов и моделей поведения, включая и ту их часть, которая имеет непосредственное отношение к уголовному преследованию. Добавим: еще лучше было бы вести речь не просто о мировоззрении, а о национальном мировоззрении российской общности.

Мы последовательно и систематически ставим вопрос о необходимости перевода как в целом отечественного права [10, с. 1–6], так и правоохранительной (уголовно-процессуальной) деятельности в русло не просто мировоззрения, а национального мировоззрения. Будучи целостным мировоззрением, национальное мировоззрение является одним из проявлений духовного лика нашего народа, обеспечивая духовное, нравственное, ценностное (аксиологическое) и историческое единство жизнедеятельности нашего народа, придавая ему ценностно-смысловую сущность [11, с. 27–31]. В контексте

уголовного преследования национальное мировоззрение создает комфортную определенную устойчивую и ясную идейную среду функционирования для ведомств и органов, его осуществляющих.

Моделирование уголовного преследования на основе национального мировоззрения будет позволять ему действительно обеспечивать будущее, достойно прогнозировать и видеть будущее. Обусловленность уголовного преследования национальным мировоззрением создает духовно-нравственную основу для его функционирования. В такой ситуации само уголовное преследование будет целенаправлено не на удовлетворение интересов соответствующих ведомств, а будет иметь стратегические цели с учетом опыта жизни прошлых, настоящих и будущих поколений нашего отечества. Тем самым организационно субъекты уголовного преследования, разрешая тактические задачи, например борясь с преступностью (не забывая о нравонаставлении и воспитании), достигают стратегических целей – обеспечение жизненных устоев нашей общности и концептуально-смысловой основы функционирования российского государства.

С позиции духовного мышления одновременное разрешение тактических задач и достижение стратегических целей означает нейтрализацию пороков уголовного преследования, обусловленных временными ограничениями пространства и духа времени. Наиболее рельефно они проявлены в идеологии либерализма, которая в своей совокупности поощряет цинизм, эгоизм и индивидуализм в уголовно-процессуальной сфере. На уровне осуществления уголовного преследования эти либеральные «столпы» формируют систему крайне негативных мотиваций – от корыстной до экстремистской. В любом случае эти мотивации обуславливают инстинктивное (животное) мышление, своим потенциалом поощряющее бессмыслицу при осуществлении уголовного преследования.

Векторно бессмыслица уголовного преследования направлена на формирование и оправдание порочного и безжизненного круга «озверевшего духа» идеологии либерализма. Со своей стороны «озверевший дух» становится символом либеральной модели уголовного преследования. В свою очередь либеральная модель уголовного преследования выступает в роли действенного средства нейтрализации культурного и политического своеобразия отечественного уголовного судопроизводства. В результате своим потенциалом либеральная модель уголовного преследования обеспечивает нелинейную культурную и политическую экспансию отечественного уголовного судопроизводства.

Либеральная модель уголовного преследования является следствием порочного и безжизненного круга «озверевшего духа» идеологии либерализма. В отечественном уголовном судопроизводстве его символы насаждаются уже несколько столетий в форме различных новомодных концепций. Их насаждение осуществляется за счет пропаганды, исходящей, как правило, из либерально настроенных реформаторов государственных и окологосударственных структур. Для этих либеральных реформаторов либо не ведомы духовные столпы, культурно-историческое наследие и система традиционных ценностей, либо они являются идеологическими диверсантами. Для последних разрушение ценностно-смысловых основ уголовного преследования является просто-напросто хорошо оплачиваемой работой (получение заморских грантов).

На данное обстоятельство в теории уголовного процесса не обращается должного внимания. Хотя понимание опасности восприятия иноземных концепций имеется. Например, А. Н. Конев пишет: «...опасно принимать иноземные концепции, предварительно не пропустив их через отечественный идеологический фильтр. Отсутствие такого фильтра тоже весьма опасно» [12, с. 92–98]. К сожалению, указанный автор ни в данной работе, ни в последующих не указывает того, что, во-первых, следует понимать под «отечественным идеологическим фильтром». Во-вторых, не говорит о том, каково его содержание. Вполне возможно, что теория российского уголовного процесса предложит общую и частную методики (фильтра) идеологической проверки иноземных концепций. Сегодня таких фильтров нет. Их и не может быть.

Любой идеологический фильтр является атрибутом идеологии (иллюзорного сознания), порожденной(ого) духом времени в виде рационального мышления. Она ограничена им, вследствие чего для этой идеологии окажутся недоступными сущностные элементы иноземных концепций, внедряемых либералами в отечественное уголовное судопроизводство. По этой причине если уж создавать идеологический фильтр для иноземных концепций, то он должен быть не только рационален, но и разумен. Отечественный идеологический фильтр должен быть разумен. Но и это не самое главное. Он еще должен быть духовно-нравственным фильтром, потенциалом которого обеспечивается сохранение и преумножение ценностно-смыслового ядра мышления нашего народа. В интерпретации Президента Российской Федерации В. В. Путина прежде всего речь идет о духовных скрепах российского народа. В частности, в своем послании Федеральному собранию Российской Федерации Президент обратил внимание присутствующих на нижеследующее: «Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп – милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи, – дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились... Мы должны действовать не путем запретов и ограничений, а укреплять прочную духовно-нравственную основу общества» [13]. Духовные скрепы российского народа должны составлять ценностную, смысловую и идейную основу действенности идеологического фильтра, способного своим потенциалом отсеивать враждебные для российской общности заморские и иноземные концепции уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Бенедиктов Н. А. Русские святые. М., 2003. 272 с.
2. Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. М., 2007. 448 с.
3. Лосский Н. О. Ценность и бытие. Бог и царство Божие как основа ценностей. Париж, 1931. 132 с.
4. Лосский Н. О. Религиозность русского народа // Вестник Ленинградской духовной академии. 1990. № 2. С. 112–124.
5. Зиновьев А. А. Светлое будущее : избран. соч. М., 2008. 863 с.
6. Козьминский А. К., Буянов В. П., Емельняк Д., Хачатуров А. А. Основы управления : учебник / под общ. ред. А. А. Хачатурова. М., 2010. 444 с.
7. Агутин А. В., Трошкин Е. З. Концептуальные основы противодействия религиозному экстремизму и ценностно-смысловые проблемы науки уголовного судопроизводства и прокурорской деятельности по обеспечению национальной безопасности : монография. М., 2020. 248 с.

8. Егоров И. Генпрокурор переходит в защиту // Российская газета. 2020. № 211 (8265).
9. Патрушев Н. П. Духовно-нравственные ценности общества как основа суверенитета государства // Российская газета. 2020. № 132 (8186).
10. Агутин А. В., Синцов Г. В. К вопросу об истоках отечественного права и вреде либеральной правовой доктрины // Представительная власть. 2018. № 7–8 (166–167). С. 1–6.
11. Агутин А. В. Ценностно-смысловые основания национального мировоззрения и государственное управление правовыми ресурсами // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 7. С. 27–31.
12. Конев А. Н. Уголовно-процессуальная идеология как основа эффективного судопроизводства // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31). С. 92–98.
13. Путин В. В. Российское общество испытывает дефицит духовных скреп. URL: <https://www.bfm.ru/news/202233> (дата обращения: 05.10.2020).

References

1. Benediktov N.A. *Russkie svyatyni = Russian sacred objects*. Moscow, 2003:272. (In Russ.)
2. Kireevskiy I.V. *Dukhovnye osnovy russkoy zhizni = Spiritual foundations of Russian life*. Moscow, 2007:448. (In Russ.)
3. Losskiy N.O. *Tsennost' i bytie. Bog i tsarstvo Bozhie kak osnova tsennostey = Value and being. God and the Kingdom of God as the basis of values*. Parizh, 1931:132. (In Russ.)
4. Losskiy N.O. Religiousness of the Russian people. *Vestnik Leningradskoy dukhovnoy akademii = Bulletin of the Leningrad Theological Academy*. 1990;(2):112–124. (In Russ.)
5. Zinov'ev A.A. *Svetloe budushchee: izbran. soch. = Bright future: selected essays*. Moscow, 2008:863. (In Russ.)
6. Koz'minskiy A.K., Buyanov V.P., Emel'nyak D., Khachaturov A.A. *Osnovy upravleniya = uchebnyk = Management Basics: textbook*. Moscow, 2010:444. (In Russ.)
7. Agutin A.V., Troshkin E.Z. *Kontseptual'nye osnovy protivodeystviya religioznomu ekstremizmu i tsennostno-smyslovye problemy nauki ugovnogo sudoproizvodstva i prokurorskoj deyatel'nosti po obespecheniyu natsional'noy bezopasnosti: monografiya = Conceptual foundations of countering religious extremism and value-semantic problems of the science of criminal justice and prosecutorial activities to ensure national security: monograph*. Moscow, 2020:248. (In Russ.)
8. Egorov I. Prosecutor general goes to defense. *Rossiyskaya gazeta = Russian newspaper*. 2020;(211). (In Russ.)
9. Patrushev N.P. Spiritual and moral values of society as the basis of state sovereignty. *Rossiyskaya gazeta = Russian newspaper*. 2020;(132). (In Russ.)
10. Agutin A.V., Sintsov G.V. On the question of the origins of domestic law and the dangers of liberal legal doctrine. *Predstavitel'naya vlast' = Representative power*. 2018; (7–8):1–6. (In Russ.)
11. Agutin A.V. Value-semantic foundations of the national worldview and state management of legal resources. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local government*. 2020;(7):27–31. (In Russ.)
12. Konev A.N. Criminal procedural ideology as the basis for effective court proceedings. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii = Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015;(3):92–98. (In Russ.)
13. Putin V.V. *Rossiyskoe obshchestvo ispytyvaet defitsit dukhovnykh skrep = Russian society is experiencing a shortage of spiritual bonds*. (In Russ.). Available at: <https://www.bfm.ru/news/202233> (accessed 05.10.2020).

Информация об авторах / Information about the authors

Александр Васильевич Агутин

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
и уголовного процесса, Национальный
исследовательский Нижегородский
государственный университет
имени Н. И. Лобачевского
(Россия, г. Нижний Новгород,
проспект Гагарина, 23)

E-mail: agutin.av@yandex.ru

Alexander V. Agutin

Doctor of juridical sciences, professor,
professor of the sub-department of criminal
law and criminal procedure, Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod
(23 Gagarina avenue, Nizhny Novgorod,
Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 08.06.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.07.2021

Принята к публикации / Accepted 05.08.2021

УДК 347.963

doi:10.21685/2072-3016-2021-3-5

Особенности участия прокурора в арбитражном судопроизводстве в качестве третьего лица без самостоятельных требований

И. И. Головки

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
irinaivanovna2009@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Нормативная правовая основа участия прокурора в арбитражном судопроизводстве недостаточно полно и точно определяет особенности деятельности прокурора. Отмеченная проблема характерна и для вопросов участия прокурора в деле в качестве третьего лица. В связи с этим обращено внимание на практику участия прокурора в рассмотрении дел судами. *Материалы и методы.* Решение исследовательских задач обеспечено обращением к законодательству, подбором и изучением материалов судебной практики. Это позволило выявить особенности участия прокурора в арбитражном судопроизводстве в качестве третьего лица. *Результаты.* Исследованы особенности правового регулирования участия прокурора в процессуальном положении третьего лица. Обобщены типичные ситуации участия прокурора в деле, установлены задачи, которые решает при этом прокурор. Сопоставлены особенности полномочий прокурора, участвующего в деле в роли третьего лица и в случае вступления в дело для дачи заключения. *Выводы.* Определены основания участия прокурора в арбитражном судопроизводстве в качестве третьего лица. Выявлены допускаемые судами нарушения в определении процессуального положения прокурора. Сделан вывод о необходимости совершенствования законодательства об участии прокурора в арбитражном судопроизводстве.

Ключевые слова: прокурор, арбитражное судопроизводство, третье лицо, прокурорская проверка

Для цитирования: Головки И. И. Особенности участия прокурора в арбитражном судопроизводстве в качестве третьего лица без самостоятельных требований // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 54–64. doi:10.21685/2072-3016-2021-3-5

Specifics of the prosecutor's participation in arbitration proceedings as a third party without independent requirements

I.I. Golovko

Saint Petersburg Law Institute, branch of University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia
irinaivanovna2009@yandex.ru

Abstract. *Background.* The normative legal basis for the participation of the prosecutor in arbitration proceedings does not fully and accurately determine the features of the prosecutor's activities. The noted problem is also typical for the participation of the prosecutor in the case as a third party. In this regard, attention is drawn to the practice of the participation of the prosecutor in the consideration of cases by the courts. *Materials and methods.*

© Головки И. И., 2021. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The solution of research problems is ensured by an appeal to the legislation, the selection and study of materials from judicial practice. This made it possible to identify the peculiarities of the participation of the prosecutor in arbitration proceedings as a third party. *Results.* The features of the legal regulation of the participation of the prosecutor in the procedural situation of a third party have been investigated. Typical situations of the participation of the prosecutor in the case are generalized, the tasks that the prosecutor solves in this case are established. The features of the powers of the prosecutor participating in the case in the role of a third party and in the case of intervening in the case to give an opinion are compared. *Conclusions.* The grounds for the participation of the prosecutor in arbitration proceedings as a third party have been determined. The violations committed by the courts in the determination of the procedural position of the prosecutor were revealed. The conclusion is made about the need to improve the legislation on the participation of the prosecutor in arbitration proceedings.

Keywords: prosecutor, arbitration proceedings, third party, prosecutor's check

For citation: Golovko I.I. Specifics of the prosecutor's participation in arbitration proceedings as a third party without independent requirements. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;(3):54–64. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-3-5

Введение

Законодательство, регулирующее участие прокурора в гражданском и арбитражном процессе, не называет формы участия прокурора в рассмотрении судами дел, не содержит определение понятия «форма участия в судопроизводстве». В науке о прокурорской деятельности и в процессуальном праве сложились определенные представления о формах участия прокурора в судопроизводстве. В научной среде обоснованы точки зрения о двух формах (иницирование возбуждения производства по делу путем подачи заявления, искового заявления в защиту прав и охраняемых законом интересов иных лиц; принесение апелляционного, кассационного, надзорного представления, подача заявления о пересмотре дел по вновь открывшимся обстоятельствам, а также в стадии исполнения судебных решений; и вступление в процесс, возбужденный по инициативе других лиц) либо о трех формах (обращение в суд с заявлением, исковым заявлением; вступление в процесс для дачи заключения по делам; принесение апелляционных, кассационных и надзорных представлений) участия прокурора в рассмотрении дел судами вне уголовного судопроизводства.

Участие прокурора в судопроизводстве в первой форме – обращение в суд с заявлением (исковым заявлением) в защиту прав иного лица – предусмотрено ч. 1 ст. 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ)¹. Участвуя в рассмотрении судом дела во второй форме, прокурор вступает в дело в случаях, предусмотренных ч. 5 ст. 52 АПК РФ для дачи заключения.

Материалы и методика

Как самостоятельную форму участие в судопроизводстве в качестве третьего лица, как правило, не рассматривают, за некоторым исключением [1].

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

Законодательство, регулирующее участие прокурора в арбитражном судопроизводстве, не включает положения, отражающие особенности участия прокурора в деле в качестве третьего лица без самостоятельных требований. Однако, как показывают результаты обобщения судебной практики, неединичны дела, в которых прокурор занимает указанное положение. В таких случаях вопросы разрешаются, как правило, по аналогии закона. При этом практика также не сформировала единого подхода по вопросу участия прокурора в деле как третьего лица.

Мнение о невозможности участия прокурора в деле в таком качестве высказал Президиум Федерального арбитражного суда Поволжского округа в «Обобщении судебно-арбитражной практики рассмотрения споров, связанных с привлечением к участию в деле третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора», утвержденном 21.01.2011¹. По его мнению, право прокурора вступать в процесс предусмотрено в ст. 52 АПК РФ, однако в арбитражном процессе прокурор обладает особым статусом, так как выступает в защиту публичных интересов; согласно ч. 1 ст. 51 АПК РФ третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, могут вступать в дело, если судебный акт, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон. Таким образом, для участия в деле в качестве третьего лица субъект должен иметь материальную заинтересованность в исходе дела, которая у прокурора отсутствует.

Отметим, что практика привлечения прокурора в дело в качестве третьего лица формируется, что надлежит рассматривать как дополнительную гарантию защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности и публично-правовых образований.

Так, к участию в деле о взыскании с Российской Федерации в лице МВД России убытков в размере затрат на хранение груза и транспортных расходов привлечен Находкинский транспортный прокурор. Проверку, в ходе которой товар Общества был задержан сотрудником МВД, прокуратура признала незаконной, в возбуждении уголовного дела по ст. 194 УК РФ в отношении должностного лица Общества было отказано в связи с отсутствием состава преступления. Обществу были причинены убытки, связанные с хранением груза на складе, а также необходимостью обеспечить проезд представителей для участия в проверке. Постановлением Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17.10.2017 № Ф03-3762/2017 требование удовлетворено, так как неправомерность задержания товара доказана; размер убытков документально подтвержден; установлена причинно-следственная связь между действиями сотрудника МВД и убытками².

В другом случае к участию в деле об оспаривании решения и предписания антимонопольного органа привлечен прокурор г. Игарка Красноярского

¹ Обобщение судебно-арбитражной практики рассмотрения споров, связанных с привлечением к участию в деле третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора [утв. Президиумом ФАС Поволжского округа 21.01.2011] // Арбитражный Суд Поволжского округа. URL: <http://faspo.arbitr.ru/node/13733>

² Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17.10.2017 № Ф03-3762/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1445556167022600841562317142&cacheid=F9F374DBF7C7DAE054DE3F9423890CA4&mode=splus&base=ADV&n=101183&rnd=2A610E606C2F13B0E48B9A73A23DBCA9#qhoessnsjq>

края, так как проверка проведена на основании письма прокуратуры г. Игарки Красноярского края, в котором поставлен вопрос о проведении проверки исполнения антимонопольного законодательства в деятельности ООО «Энергопром», учредителем и единственным участником которого является муниципальное образование г. Игарка. В связи с установлением того, что заказчик является учредителем участника аукциона, в действиях администрации г. Игарки имеется нарушение п. 2 и 4 ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», выразившееся в допуске к участию в электронных аукционах и запросе котировок ООО «Энергопром» и предоставлении Обществу преимущественных условий участия, Красноярский УФАС России возбудил дело о нарушении антимонопольного законодательства. Заказчику предписано устранить нарушение порядка организации и проведения торгов. Суд первой инстанции в удовлетворении требования заявителя отказал, поскольку установлено наличие обстоятельств, которые свидетельствуют о конфликте интересов и могут привести к ограничению конкуренции. Постановлением Третьего арбитражного апелляционного суда от 14.06.2018 и постановлением Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 04.09.2018 по делу № А33-32422/2017¹ решение оставлено без изменения.

ООО «Панорама» обратилось в суд с заявлением к администрации Петрозаводского городского округа о признании недействительным приказа об отмене разрешения на строительство многоквартирного жилого дома. Так как в приказе указано, что он издан на основании протеста (в связи с незаконным разрешением на строительство) и представления прокуратуры г. Петрозаводска, прокуратура привлечена к участию в деле в качестве третьего лица. Арбитражный суд Республики Карелия в удовлетворении требований отказал (решение от 26.09.2019 по делу № А26-943/2019). В передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании судебной коллегии Верховного суда Российской Федерации отказано².

Иной аспект, характеризующий значимость участия прокурора в арбитражном судопроизводстве в качестве третьего лица, проявляется в случае оспаривания субъектами предпринимательской деятельности постановления органа административной юрисдикции о привлечении к административной ответственности, вынесенного по материалам прокурорской проверки. В этом случае в ходе судопроизводства прокурор нацелен на поддержание оспариваемого решения о привлечении к ответственности, для чего вправе осуществлять полномочия лица, участвующего в деле, например представить дополнительные доказательства, ходатайствовать о вызове и допросе свидетеля и пр.

По одному из дел ООО «НК Каурчак» обратилось в Арбитражный суд Республики Алтай с заявлением к Межрегиональному управлению Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Алтайскому

¹ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 04.09.2018 по делу № А33-32422/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1440131777017642035518897026&cacheid=474F8AE1FD4FAD40D0C5AA22479821E4&mode=splus&base=AVS&n=100869&md=2A610E606C2F13B0E48B9A73A23DBCA9#2h2mx5aax2>

² Определение Верховного Суда РФ от 21.07.2020 № 307-ЭС20-11439 по делу № А26-943/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1445556167022600841562317142&cacheid=7385845EB538E5C9E6561972695D18E5&mode=splus&base=ARB&n=635018&md=2A610E606C2F13B0E48B9A73A23DBCA9#1k6owok1lsw>

краю и Республике Алтай о признании незаконным постановления о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 7.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). К участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, привлечен Горно-Алтайский межрайонный природоохранный прокурор, так как по результатам прокурорской проверки исполнения требований водного законодательства и законодательства о недрах вынесено постановление о возбуждении дела об административном правонарушении в отношении ООО «НК Каурчак», материалы проверки переданы в орган административной юрисдикции для рассмотрения по существу (постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.04.2019 по делу № А02-1572/2018¹).

Заслуживает внимания следующий пример. ООО «Авангард» обратилось в суд с заявлением к Управлению Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Ставропольскому краю с требованием об отмене постановления о привлечении к административной ответственности по ст. 7.1 КоАП РФ. Решением Арбитражного суда Ставропольского края постановление о назначении административного наказания признано незаконным. Не согласившись с принятым решением, Управление и прокурор г. Пятигорска обратились с апелляционными жалобами. Прокурор указал, что суд первой инстанции не привлек прокуратуру в качестве третьего лица на стороне ответчика, хотя основания для привлечения имелись, поскольку дело об административном правонарушении возбуждено на основании результатов прокурорской проверки. Прокурор просил привлечь его к участию в деле в качестве третьего лица, удовлетворить апелляционную жалобу, решение суда отменить. Как следует из материалов дела, в заявлении об оспаривании постановления Общество указало прокуратуру г. Пятигорска в качестве третьего лица; судья в определении о принятии заявления к производству отметил, что указание в заявлении на третье лицо – прокуратуру – расценивает как ходатайство о привлечении к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, и считает его не обоснованным, не соответствующим ст. 51 АПК РФ и не подлежащим удовлетворению.

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что прокурор в административном производстве является заинтересованным лицом и в соответствии с положениями КоАП РФ и АПК РФ вправе подать апелляционную жалобу и в тех случаях, когда не был привлечен к участию в деле судом первой инстанции, рассматривающим жалобу на постановление о привлечении к административной ответственности. Суд первой инстанции не учел разъяснения п. 1 Постановления Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 23.03.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе»², положения ч. 1 ст. 202, ч. 1 ст. 207 гл. 25 АПК РФ,

¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.04.2019 по делу № А02-1572/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1445556167022600841562317142&cacheid=3F712BACB9B9D333416E7933BCEF5C53&mode=splus&base=AZS&n=155514&rnd=2A610E606C2F13B0E48B9A73A23DBCA9#2mpxql6d5b8>

² О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.03.2012 № 15 // СПС

ст. 24.6, 25.11, 28.4, 28.2, 30.6 КоАП РФ¹ и то обстоятельство, что постановление о привлечении к административной ответственности вынесено на основании материалов прокурорской проверки, и сделал необоснованный вывод о невозможности участия прокурора в деле.

В судебном заседании по ходатайству прокурора участвовал свидетель, государственный инспектор г. Пятигорска и Лермонтова Ставропольского края по использованию и охране земель ФИО (подтвердил виновность Общества в совершении правонарушения, обстоятельства извещения виновного лица о рассмотрении материалов производства).

Апелляционный суд постановил: привлечь к участию в деле в качестве третьего лица прокурора г. Пятигорска; изучив материалы дела, оценив доводы жалобы, отзыва на апелляционную жалобу, заслушав представителей лиц, участвующих в деле, свидетеля ФИО и проверив законность обжалуемого судебного акта, отменить решение Арбитражного суда Ставропольского края (постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.07.2016 по делу № А63-14246/2015²).

По одному из дел ходатайство прокурора о вступлении в дело было подано в суд кассационной инстанции, в судебном заседании указанного суда прокурор пояснил, что считает себя третьим лицом по делу, начиная с рассмотрения дела судом первой инстанции в силу закона, поскольку проверка исполнения закона проводилась прокурором. Суд кассационной инстанции ходатайство отклонил, так как участие прокурора в пересмотре постановления в суде кассационной инстанции не предусмотрено ч. 1 ст. 52 АПК РФ (постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 25.01.2013 по делу № А41-28084/12³).

В связи с указанной ситуацией необходимо отметить, что решение суда кассационной инстанции не основано на законе, так как случаи участия прокурора в деле не исчерпываются ч. 1 ст. 52 АПК РФ. Также представляется, что обращаться к суду по вопросам участия в судопроизводстве необходимо было с заявлением о вступлении в дело.

Имеют место дела по спорам материального характера с участием прокуратуры.

«КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1445556167022600841562317142&cacheid=741BDAE9991F0BC59FEED7DFB6C6D61C&mode=splus&base=ARB&n=270612&rnd=2A610E606C2F13B0E48B9A73A23DBCA9#5dabz64pkpw>

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=377937&dst=0&rnd=2A610E606C2F13B0E48B9A73A23DBCA9#06532745482160153>

² Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.07.2016 по делу № А63-14246/2015 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1445556167022600841562317142&cacheid=C094D99F7835D0A4646275C5BF09A6D6&mode=splus&base=RAPS016&n=37251&rnd=2A610E606C2F13B0E48B9A73A23DBCA9#2hur710nkh4>

³ Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 25.01.2013 по делу № А41-28084/12 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1445556167022600841562317142&cacheid=AC13324A218318707B1CBB3FA894C3AE&mode=splus&base=AMS&n=175751&rnd=2A610E606C2F13B0E48B9A73A23DBCA9#1wn39rihkvd>

Акционерное общество «Кировская теплоснабжающая компания» обратилось в суд с иском к администрации муниципального образования «Город Кирово-Чепецк» Кировской области о взыскании неосновательного обогащения, возникшего в результате неисполнения обязанности по оплате услуг по разработке схемы теплоснабжения муниципального образования «Город Кирово-Чепецк». К участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, суд привлек прокурора Кировской области (постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28.09.2017 по делу № А28-14643/2016¹).

По другому делу ООО «Амурская финансовая компания» обратилось в суд с исковым заявлением к администрации г. Благовещенска, Комитету по управлению имуществом муниципального образования о взыскании за счет казны муниципального образования г. Благовещенска убытков от изъятия земельных участков по иску прокурора; процентов за пользование чужими денежными средствами, начисленных на сумму, уплаченную по договорам купли-продажи земельных участков; неосновательного обогащения; процентов за пользование чужими денежными средствами на сумму неосновательного обогащения. Определением суда к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, привлечен прокурор г. Благовещенска, так как прокуратура обратилась в суд с заявлением о признании недействительными постановлений администрации, а также договоров купли-продажи земельных участков, поскольку спорные участки с видом разрешенного использования – для размещения сквера – относятся к территориям общего пользования и не подлежат приватизации. Требования прокурора удовлетворены, судом применены последствия недействительности сделок в виде двусторонней реституции (постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.10.2016 № Ф03-4654/2016²).

Представляется интересным следующее дело по заявлению индивидуального предпринимателя о взыскании убытков к муниципальному образованию г. Собинка Владимирской области в лице Комитета по управлению имуществом. К участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, привлечен межрайонный прокурор. В ходе рассмотрения спора истец уточнил иски требования и просил взыскать убытки солидарно с муниципальным образованием г. Собинка Владимирской области в лице Комитета и Российской Федерации в лице Генеральной прокуратуры Российской Федерации за счет казны Российской Федерации. В соответствии со ст. 46 АПК РФ с согласия истца к участию в деле в качестве соответчика привлечена Российская Федерация в лице Генеральной прокуратуры Российской Федерации (постановление

¹ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28.09.2017 по делу № А28-14643/2016 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1445556167022600841562317142&cacheid=6451EC5672959E48A57EC56E9A43A166&mode=splus&base=AVV&n=80226&rnd=2A610E606C2F13B0E48B9A73A23DBCA9#22br3v35htv>

² Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.10.2016 № Ф03-4654/2016 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ADV&n=96177#046335588268230854>

Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 19.09.2017 по делу № А11-1306/2016¹).

По делам об оспаривании решений, действий (бездействия) прокуроров, как показывает практика, в качестве третьего лица привлекается вышестоящая прокуратура по отношению к тому прокурору, действия и решения которого оспариваются. Типичной является ситуация, когда оспариваются действия и решения прокуратуры города, района, приравненной к ней специализированной прокуратуры и привлекается прокуратура субъекта Российской Федерации либо приравненная к ней специализированная прокуратура.

Так, по делу об оспаривании представления заместителя межрайонного прокурора суд привлек в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, прокуратуру Ивановской области (постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.04.2019 по делу № А17-4881/2018²).

ООО «Сладкая жизнь Н. Н.» обратилось в суд с заявлением о признании незаконным представления прокурора района. К участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, привлечена прокуратура Нижегородской области (постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 30.01.2019 по делу № А43-1788/2018³).

Является ли в этом случае прокуратура субъекта Российской Федерации третьим лицом без самостоятельных требований? Прокуратура города, района не является юридическим лицом. Именно в связи с указанным обстоятельством к участию в деле привлекается вышестоящая прокуратура (прокуратура субъекта Российской Федерации и приравненная к ней специализированная прокуратура, Генеральная прокуратура Российской Федерации), которая является юридическим лицом. Представляется, что в такой ситуации органы прокуратуры выступают на стороне заинтересованного лица, отвечающего на предъявленные к нему требования.

В качестве примера отвечающей требованиям закона практики укажем решение по делу по заявлению ООО «Синий» об оспаривании представления прокурора Кировского района Санкт-Петербурга. В качестве заинтересованного лица к участию в деле привлечена прокуратура Санкт-Петербурга. В удовлетворении заявления отказано (постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 31.05.2019 по делу № А56-54787/2018⁴).

Как показывает обобщение арбитражной судебной практики, по делам об оспаривании правовых актов, решений и действий органов государственной власти и органов местного самоуправления, органов контроля прокурор

¹ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 19.09.2017 по делу № А11-1306/2016 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVV&n=80185#004650981498143514>

² Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.04.2019 по делу № А17-4881/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVV&n=88512#0978354576183309>

³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 30.01.2019 по делу № А43-1788/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVV&n=87113#036070331413995116>

⁴ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 31.05.2019 по делу № А56-54787/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=217039#08310744695282468>

привлекается либо инициативно вступает в дело в качестве третьего лица, в то же время на основании ч. 5 ст. 52 АПК РФ вправе вступить в дело, указанное в ч. 1 ст. 52 АПК РФ, для дачи заключения (кроме оспаривания постановления о привлечении к административной ответственности – прокурор не дает заключений по делам указанной категории в арбитражном процессе).

Необходимо разделять участие прокурора в деле в качестве третьего лица и для дачи заключения. Полагая, что участие прокурора в деле в качестве третьего лица является самостоятельной формой участия, возможно отметить, что упомянутые нами две различные формы участия в процессе определяют различные полномочия прокурора.

Сравним полномочия прокурора в указанных двух формах участия в деле в арбитражном процессе.

В силу ч. 1 ст. 51 АПК РФ третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, могут вступить в дело на стороне истца или ответчика до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела в первой инстанции арбитражного суда, если этот судебный акт может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон. Они могут быть привлечены к участию в деле также по ходатайству стороны или по инициативе суда.

В судебной практике имели место указанные ситуации привлечения прокурора в дело: по своей инициативе, по ходатайству стороны, по инициативе суда.

В соответствии с ч. 2 ст. 51 АПК РФ третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, пользуются процессуальными правами и несут процессуальные обязанности стороны, за исключением права на совершение распорядительных действий (изменение основания или предмета иска, увеличение или уменьшение размера исковых требований, отказ от иска и пр.).

Следовательно, прокурор – третье лицо – наделен состязательными правами: представлять доказательства; делать заявления, давать объяснения арбитражному суду, приводить свои доводы по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам; возражать против ходатайств, доводов других лиц, участвующих в деле; пользоваться иными процессуальными правами, предоставленными им АПК РФ и другими федеральными законами.

В то же время в силу ч. 5 ст. 52 АПК РФ по делам, указанным в ч. 1 ст. 52 АПК РФ, прокурор вправе вступить в дело, рассматриваемое арбитражным судом, на любой стадии арбитражного процесса с процессуальными правами и обязанностями лица, участвующего в деле, в целях обеспечения законности.

Следовательно, в соответствии со ст. 41, 52 АПК РФ прокурор как лицо, участвующее в деле, вправе:

- знакомиться с материалами дела, делать выписки из них, снимать копии;
- знакомиться с доказательствами, представленными другими лицами, участвующими в деле, до начала судебного разбирательства;
- участвовать в исследовании доказательств; задавать вопросы другим участникам арбитражного процесса, заявлять ходатайства;
- знакомиться с ходатайствами, заявленными другими лицами;

- знать о жалобах, поданных другими лицами, участвующими в деле;
- обжаловать судебные акты;
- пользоваться иными процессуальными правами, предоставленными АПК РФ и другими федеральными законами.

Таким образом, надлежит сделать вывод о том, что прокурор, вступивший в дело для дачи заключения, состязательными правами не наделен.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что при необходимости отстаивать законность и обоснованность оспоренного решения уполномоченного органа, которое вынесено на основании материалов прокурорской проверки, целесообразно участие в деле в качестве третьего лица, в случае наличия оснований обжалования постановления суда – для инициирования его пересмотра.

Напротив, в случае отсутствия сомнений в перспективе рассмотрения дела судом в части признания решений, действий уполномоченного органа законными – уместно участие в деле для дачи заключения в целях содействия суду в вынесении решения, при необходимости – инициирования вынесения частного определения суда, в целом – оценивания законности действий и решений сторон и постановления суда.

Выводы

Таким образом, участие прокурора в арбитражном судопроизводстве в качестве третьего лица без самостоятельных требований взаимосвязано с осуществлением надзорных полномочий, позволяет представить суду доказательства и доводы в поддержку вынесенного решения о привлечении виновного лица к установленной законом ответственности (в части события правонарушения, доказывания виновности, порядка вынесения постановления о возбуждении дела об административном правонарушении, срока привлечения к ответственности и пр.).

Участвуя в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований, прокурор проверяет законность и обоснованность постановления суда первой инстанции и при наличии оснований принимает меры к обжалованию незаконного или необоснованного акта с тем, чтобы не допустить нарушение законности, а также прав и охраняемых интересов участвующих в деле лиц. Однако рассмотренные аспекты участия прокурора в арбитражном судопроизводстве требуют соответствующей нормативной правовой основы.

Список литературы

1. Головки И. И. Формы участия прокурора в гражданском и административном судопроизводстве: проблемы и перспективы // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 337–341.

References

1. Golovko I.I. Forms of participation of the prosecutor in civil and administrative proceedings: problems and prospects. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*. 2018;7(3):337–341. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Ирина Ивановна Головки

кандидат юридических наук, доцент,
декан факультета профессиональной
переподготовки и повышения
квалификации, Санкт-Петербургский
юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской
Федерации (Россия, г. Санкт-Петербург,
Литейный проспект, 44)

E-mail: irinaivanovna2009@yandex.ru

Irina I. Golovko

Candidate of juridical sciences, associate
professor, dean of the faculty of advanced
studies and professional retraining,
Saint Petersburg Law Institute, branch of
University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation (44 Liteyniy
avenue, Saint Petersburg, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 29.03.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.04.2021

Принята к публикации / Accepted 08.06.2021

УДК 340:343

doi:10.21685/2072-3016-2021-3-6

Проблемы противодействия ядерному терроризму и ограничения прав человека при отражении угроз в воздушном пространстве

А. Н. Метельков

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы
Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны,
чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий,
Санкт-Петербург, Россия
metelkov5178@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Нормы антитеррористического законодательства в кризисной ситуации позволяют Вооруженным силам при определенных условиях уничтожать захваченные террористами воздушные суда. Механизм правового регулирования такого пресечения теоретически недостаточно проработан и балансирует на острой грани между конституционностью и обеспечением безопасности общества и государства. Нормы права не учитывают возможные различия правосубъектности пассажиров. Целью работы является попытка исследовать сложные правовые вопросы пресечения терактов в воздухе в отношении радиационно опасных объектов с применением захваченных воздушных судов. *Материалы и методы.* Проанализированы нормы базового Федерального закона «О противодействии терроризму» в части реализации в них конституционных положений о правах человека и обеспечении общественной безопасности при применении оружия для устранения угрозы теракта в воздушной среде и его пресечения применительно к радиационно опасным объектам. Используемые автором конкретно-социологический и сравнительно-правовой методы позволяют сопоставить отдельные элементы правовой подсистемы противодействия терроризму с конституционными и международно-правовыми положениями и подходами. *Результаты.* Анализ полномочий субъектов противодействия актам ядерного терроризма свидетельствует о необходимости совершенствования правовой основы для обеспечения более ясной и четкой правовой основы пресечения терактов с использованием захваченных террористами воздушных судов. *Выводы.* Предотвращение актов ядерного терроризма с использованием в качестве орудия преступления захваченных террористами воздушных судов путем их уничтожения требует совершенствования норм антитеррористического законодательства, направленных на обеспечение пресечения и минимизации возможных негативных последствий.

Ключевые слова: ядерный терроризм, террористический акт, воздушное судно, пресечение, права человека, право на жизнь, экологическая катастрофа

Для цитирования: Метельков А. Н. Проблемы противодействия ядерному терроризму и ограничения прав человека при отражении угроз в воздушном пространстве // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 65–77. doi:10.21685/2072-3016-2021-3-6

Issues of countering nuclear terrorism and limiting human rights while repelling threats in the airspace

A.N. Metel'kov

Saint Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia,
Saint Petersburg, Russia
metelkov5178@mail.ru

Abstract. *Background.* Anti-terrorist legislation in a crisis situation allows the Armed Forces, under certain conditions, to destroy aircraft hijacked by terrorists. The mechanism of legal regulation of such suppression is theoretically insufficiently developed and balances on the sharp line between constitutionality and ensuring the security of society and the state. The law does not take into account possible differences in the legal personality of passengers. The purpose of the research is to attempt to investigate the complex legal issues of suppressing terrorist attacks in the air against radiation hazardous objects using hijacked aircraft. *Materials and methods.* The article analyzes the norms of the basic Federal law "On Countering Terrorism" in terms of implementing the constitutional provisions on human rights and ensuring public safety when using weapons to eliminate the threat of a terrorist attack in the air and its suppression in relation to radiation-hazardous objects. The specific sociological and comparative legal methods used by the author allow us to compare certain elements of the legal subsystem of countering terrorism with constitutional and international legal provisions and approaches. *Results.* The analysis of the subjects' powers of countering acts of nuclear terrorism indicates the need to improve the legal framework to provide a clearer and clearer legal basis for suppressing terrorist attacks using aircraft seized by terrorists. *Conclusions.* The prevention of acts of nuclear terrorism involving the use of aircraft seized by terrorists as an instrument of crime by destroying them requires the improvement of anti-terrorist legislation aimed at ensuring the suppression and minimization of possible negative consequences.

Keywords: nuclear terrorism, terrorist act, aircraft, suppression, human rights, right to life, environmental disaster

For citation: Metel'kov A.N. Issues of countering nuclear terrorism and limiting human rights while repelling threats in the airspace. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;(3):65–77. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-3-6

6 января 2021 г., по данным телекомпании CBS, авиадиспетчеры США получили сообщение об угрозе теракта, которая оказалась мнимой. Трагические события 11 сентября 2001 г., повлекшие в США гибель 2977 человек, показали, что на рубеже тысячелетий мир столкнулся с катастрофическими факторами, которые при воздушных атаках террористами радиационно опасных объектов могут вызвать непредсказуемые последствия. В случае разрушения террористами атомной электростанции (АЭС) и взрыва реактора последствия в долгосрочном плане могут быть равнозначны взрыву ядерной бомбы с последующим радиоактивным заражением. Нацеленность террористов на объекты энергетики и атомной отрасли, как отмечено 9 февраля 2021 г. председателем Национального антитеррористического комитета на заседании Комитета, обусловлена тем, что «вмешательство в их деятельность может повлечь гибель большого количества людей, нанести значительный экономический и экологический ущерб» [1].

Угрозы нападения на атомные станции и другие ядерные объекты с воздуха, а также их возможные последствия весьма полно описаны зарубежными и российскими специалистами [2–6]. Анализу проблем ядерного терроризма посвящены диссертационные исследования М. Л. Хабачирова [7] и К. И. Косачева [8]. Для совершения акта ядерного терроризма достаточно путем применения обычного оружия повредить один из ядерных реакторов и выпустить радиоактивные вещества в атмосферу, чтобы подвергнуть опасности большое количество людей [9]. Техногенное воздействие на АЭС при падении самолета является одним из самых опасных [10, с. 208]. Российскими и зарубежными нормами, рекомендациями Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) предусмотрен его учет при проектировании АЭС. В своей книге «Сетевые структуры терроризма» бывший резидент ЦРУ в Афганистане М. Сейджман пишет, что еще в 1996 г. Мухаммед предложил план воздушного нападения на США. Усама бен Ладен выслушал план и предложил «бульдозерный» вариант – захватить несколько панамериканских реактивных самолетов и направить их как летающие бомбы на соответствующие цели. Мухаммед расширил его план до одновременного захвата десяти самолетов на обоих побережьях США и включения в число целей атомных электростанций [11, с. 173]. В ноябре 1972 г. трое вооруженных американцев угнали самолет «Саузерн Эруэйз». Пилоту приказали лететь в Оук Ридж. Самолет стал кружить над научно-исследовательским ядерным объектом. Угонщики заставили пилота начать крутое снижение, когда у них возникли сомнения в готовности властей выплатить выкуп. Опасный маневр был прекращен только после обещания авиакомпании заплатить угонщикам 2 млн долл. Происшествие закончилось арестом преступников.

Все пренебрегающие целями и принципами ООН акты, методы и практика терроризма, ведущие к подрыву прав человека государствами – членами ООН, безоговорочно осуждены как преступные и не имеющие оправдания. Для противодействия угрозам в законодательства отдельных государств были внесены нормы правового регулирования сложных вопросов предотвращения актов терроризма. В связи с тем, что воздушное судно может быть захвачено террористами и вместе с заложниками использовано как орудие преступного посягательства для атак на потенциально опасные объекты, критическую инфраструктуру и места массового скопления людей, после трагических событий 11 сентября в некоторых государствах была установлена возможность уничтожения захваченного террористами авиалайнера. В дальнейшем в ФРГ, исходя из приоритета защиты прав человека, по решению Конституционного суда такие нормы были отменены.

Источниками событий чрезвычайного характера являются крупные техногенные аварии и катастрофы. Возникновение чрезвычайных ситуаций (ЧС), связанных с радиационно опасными объектами, а также сохранение террористических угроз в отношении объектов использования атомной энергии может затрагивать жизненно важные интересы личности, общества, государства, экологии и иметь долговременные негативные последствия, представляющие серьезную угрозу национальной безопасности [12, с. 28–29; 13; 14]. В России находится ряд экономически, оборонно и социально значимых радиационных объектов, потенциально опасных для окружающей среды,

здоровья и жизни населения в случае преднамеренного падения на них авиалайнеров. Концерн «Росэнергоатом» на 11 АЭС, включая плавучую АЭС, эксплуатирует 38 энергоблоков. Рядом с 10 АЭС, расположенными в густонаселенных районах, проживает свыше 4 млн человек.

Нельзя исключать возникновение радиационных аварий, вызванных обстоятельствами террористического характера. Применение транспортных средств как средств совершения терактов отмечается в криминальной практике в качестве нового преступного подхода [15, с. 99]. В этом случае ядерный ущерб может быть существенен не только для отдельного государства. Бывший Генеральный директор МАГАТЭ М. эль-Барадеи, выступая в 2001 г. на осенней сессии Генеральной Ассамблеи ООН, отметил, что, «поскольку радиоактивность не знает границ, государства должны признать, что обеспечение безопасности и физической защиты ядерных материалов является важнейшей конституционной обязанностью всех стран» [16].

С учетом социальных, экономических, политических, экологических и других возможных последствий ядерный терроризм представляет собой серьезную угрозу для общественной и экологической безопасности, конституционных основ государства. Прогнозируемые катастрофические последствия побуждают государства принимать экстраординарные меры. Нередко такие меры вызывают их полярную правовую, социально-политическую и нравственную оценку.

Теоретически механизм правового регулирования пресечения воздушных атак на радиационно опасные объекты в антитеррористическом законодательстве проработан весьма схематично. Он неустойчиво балансирует на крайне острой грани между конституционностью и обеспечением безопасности общества и государства. При этом в такой механизм закладываются дискуссионные нормы превентивного характера. В условиях вероятности предполагаемого чрезвычайного события безопасность пассажиров и экипажа авиалайнера обеспечивается за счет безопасности весьма неопределенной по численности группы людей. Предотвращение только «экологической катастрофы» может явиться основанием лишения права на жизнь пассажиров авиалайнера, включая женщин, детей и инвалидов, без веских на то оснований. В связи этим у правоприменителей могут возникнуть проблемы, обусловленные несовершенством правовых норм. Законодательные пробелы ограничивают их решительные действия при пресечении актов ядерного терроризма с использованием захваченных воздушных судов при реальной угрозе крупномасштабной экологической катастрофы. Учеными отмечается, что «падение авиалайнера, теракт могут привести к разрушению защитных оболочек и неядерному взрыву в корпусе или шахте реакторной установки, бассейнах выдержки и хранилищах отработавшего... топлива» [17, с. 122]. В условиях стремительно меняющейся угрозы со значительной долей неопределенности действуют бифуркационные механизмы, предполагающие не единственный сценарий развития ЧС с возможными масштабными последствиями.

С точки зрения противодействия ядерному терроризму обеспечение общественной безопасности требует согласованных усилий федерального центра и субъектов РФ, направленных на защиту населения и территорий, материальных и нематериальных социально значимых благ человека, общества и государства. Такое обеспечение, в свою очередь, предполагает

решительное государственно-властное устранение факторов, несущих в себе угрозу обществу и государству, жизни и здоровью людей, экологии. Обеспечение безопасности охватывает комплекс полномочий по формированию нормативной базы для функционирования системы правовых, организационных и иных мер в сфере защиты социальных благ и ценностей. Устанавливаемые государством меры предотвращения и пресечения актов ядерного терроризма должны соответствовать значимости социальных ценностей (таких как право на жизнь, равенство всех перед законом, непосредственное действие прав и свобод человека и др.), уровню и характеру реальных террористических угроз. Предотвращение причинения вреда национальным интересам, обеспечение безопасности государства, общества, экологической безопасности, критической инфраструктуры при террористических посягательствах с использованием ядерных средств и в отношении радиационно опасных объектов обуславливает государство принимать жесткие чрезвычайные нормы. Среди таких инструментов выделяются административно-правовые режимы, призванные не допустить и минимизировать для общества, государства и экологии последствия чрезвычайных обстоятельств, возникших вследствие таких терактов.

Меры государственного принуждения при их применении от имени государства за совершенное преступление являются мерами уголовного наказания. Согласно ст. 43 УК РФ наказание как мера государственного принуждения «применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления», и заключается в определенных Уголовным кодексом «лишении или ограничении прав и свобод этого лица»¹.

Анализ положений ст. 7 и 8 Федерального закона «О противодействии терроризму» (Федеральный закон № 35-ФЗ) показывает закрепление на уровне закона теоретической возможности ограничения основного конституционного права человека – права на жизнь. Согласно ст. 7 законодатель в целях устранения угрозы террористического акта в воздушной среде или его пресечения допускает возможность применения оружия и боевой техники Вооруженными силами для пресечения полета воздушного судна путем его уничтожения. Дискуссии в отношении содержания данной статьи ведутся с момента ее принятия, а дальнейшее развитие правовых норм в рассматриваемой проблемной ситуации характеризуется большей осторожностью в выбираемых формулировках. В частности, в Правилах применения оружия и боевой техники при охране государственной границы Российской Федерации в воздушном пространстве, утвержденных постановлением Правительства РФ от 22 февраля 2020 г. № 201, «при угрозе нарушения или нарушении государственной границы российскими воздушными судами, подвергшимися угону», по судну-нарушителю применяется оружие и боевая техника на поражение в случае отказа выполнять команды и (или) сигналы на посадку только «при наличии сведений об отсутствии на борту заложников»².

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 25. Ст. 2954.

² О порядке применения оружия и боевой техники при охране государственной границы Российской Федерации в воздушном пространстве Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 22.02.2020 № 201 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202002260006> (дата обращения: 08.08.2021).

Автор полагает, что расплывчатое условие «наступления экологической катастрофы» в ст. 7 Федерального закона № 35-ФЗ требует законодательного уточнения. Схожие обстоятельства более четко описываются в Федеральном конституционном законе «О чрезвычайном положении». Применительно к рассматриваемой ситуации среди них можно выделить как «террористические акты», так и «чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий и катастроф, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения и требующие проведения масштабных аварийно-спасательных и других неотложных работ»¹.

Для правомерного ограничения конституционных прав человека существуют объективные причины. Одна из основных причин – наличие угроз безопасности личности, экологии, государству и обществу. Угрозы и вызовы оказывают существенное давление на содержание института прав человека. Аналитики утверждают, что «в ближайшие десятилетия мир будет жить в условиях постоянной угрозы ядерной войны, возрастающей вероятности возникновения конфликтов..., в условиях стратегического соперничества... На этом фоне терроризм все чаще будет выступать как инструмент ведения новых форм войны и разрешения конфликтов» [18, с. 1], что подтверждают события в Афганистане, Сирии, Ираке, Ливии и многих других государствах.

Некоторые авторы буквально трактуют нормы федерального антитеррористического законодательства, предоставляющие возможность применять оружие и военную технику для уничтожения воздушного судна. Без глубокого исследования моделируемой ситуации многовариантного развития событий они полагают, что указанные нормы противоречат ст. 2, 15, 17–20, 56, ч. 2 и 3 ст. 55 Конституции РФ [19]. Такая внешне привлекательная правовая позиция обосновывает возможность государству в лице правоприменителя самоустраниться, бездействовать при внезапном воздействии мощных разрушительных факторов. Автором также не разделяется высказываемое в публикациях категоричное мнение о том, что целесообразность принятого решения об уничтожении самолета с пассажирами «должностные лица всегда смогут обосновать» [20].

Изложенная правовая позиция, вытекающая из международных документов, защищающих право человека на жизнь, отражает важную сторону рассматриваемой чрезвычайно острой проблемы правоприменения.

В научной литературе вполне справедливо высказывается мнение о том, что при принятии решения об уничтожении воздушного судна нельзя исключить влияние человеческого фактора и возможность ошибочной оценки ситуации лицом, принимающим такое решение. В мировой истории таких примеров достаточно. 21 февраля 1973 г. Boeing 727-224 авиакомпании Libyan Arab Airlines, следовавший рейсом из Триполи в Каир, сошел с курса из-за отказа навигационного оборудования и скрывшей наземные ориентиры

¹ О чрезвычайном положении : федер. конституцион. закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (с изм. и доп. от 03.07.2016 № 6-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

песчаной бури. В результате дезориентации лайнер оказался над оккупированным Синайским полуостровом и летел в направлении израильского ядерного центра в Димоне. Поднятые навстречу ему истребители открыли огонь из-за неверного истолкования пилотом гражданского самолета принятых сигналов и его ответных действий на позывные и покачивание крыльями – международный сигнал, означающий требование следовать за истребителем. Израильское командование решило, что самолет угнан, и приказало его уничтожить. В результате атаки лайнер совершил аварийную посадку. Погибли 108 из 113 человек. 1 сентября 1983 г. в районе Сахалина Су-15 сбил выполняющий рейс Нью-Йорк-Сеул пассажирский Боинг-747 южнокорейской авиакомпании, который грубо нарушил воздушное пространство СССР вероятно в разведывательных целях. 269 человек погибли. 3 июля 1988 г. над Персидским заливом Военно-морские силы США сбили иранский пассажирский А-300, ошибочно приняв его за неопознанный военный самолет. Погибло 290 человек, включая 66 детей. Возможность оплошности не исключена как с атакующей стороны, так и со стороны самолета-жертвы. Согласно докладу Генпрокурора России 10 апреля 2019 г. на пленарном заседании Совета Федерации ФС РФ в результате проверок безопасности перевозок пассажиров в 2018 г. установлены факты незаконной выдачи сертификатов на знание английского языка, что при международных полетах создает риски невыполнения команд диспетчеров, ставит под угрозу жизни людей. Сертификаты членам экипажей выдавались без надлежащего обучения и тестирования. По инициативе прокуроров аннулировано свыше 290 таких сертификатов.

Терроризм по своей природе связан с воздействием на политическую сферу. Он направлен на изменение конституционных принципов организации государства, в том числе умаление или отмену прав и свобод человека и гражданина. В. Д. Зорькин отмечает: «Перемены, происходящие в мире, диктуют необходимость изменения международно-правовых норм... Важно, чтобы эти изменения не заслоняли самого главного, во имя чего они проводятся, – человека с его правами» [20]. Поэтому положение Федерального закона «О противодействии терроризму», запрещающая ведение переговоров с террористами о выполнении их политических требований как посягающих на базовые конституционные ценности и допуская возможность предотвращения гибели людей и экологической катастрофы путем уничтожения захваченного террористами воздушного судна, по своему содержанию является определенной гарантией этих ценностей. Данное положение не предполагает отказ от признания и защиты прав и свобод человека, а равно пренебрежение жизнью и здоровьем граждан при пресечении террористического акта. Иное противоречило бы ст. 1, 2, 15 и 17 Конституции и ст. 2 Федерального закона № 35-ФЗ, определяющей в числе основных принципов противодействия терроризму «обеспечение и защиту основных прав и свобод человека и гражданина» и «приоритет защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности»¹.

Законодательное установление возможности уничтожения Вооруженными силами летящего воздушного судна в целях устранения угрозы

¹ О противодействии терроризму : федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (с изм. и доп. от 25.05.2021) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

террористического акта в воздушной среде или его пресечения зависит от установленных условий. Одним из таких условий является неподчинение воздушного судна требованиям о посадке и существование реальной опасности гибели людей либо наступления экологической катастрофы. Правовая позиция законодателя вызывает обоснованные вопросы, ставящие под сомнение возможность на практике применять такие чрезвычайно жесткие превентивные меры, направленные на предотвращение терактов. Перед правоприменителем при реализации мер пресечения может возникнуть сложная в правовом и моральном отношении задача выбора из таких трудно сопоставимых по количественным, этическим и конституционным критериям пар ценностей, как «жизнь пассажиров и членов экипажа» и «жизнь персонала и населения на радиационно опасном объекте и в его окружении», «жизнь пассажиров и членов экипажа» и «последствия экологической катастрофы», «жизнь пассажиров и членов экипажа» и «жизнь персонала на радиационно опасном объекте, населения в его окружении и последствия экологической катастрофы». В теоретически и практически возможной кризисной ситуации законодатель рассматривает только две нечеткие устрашающие альтернативы: либо «существование реальной опасности гибели людей», либо «наступление экологической катастрофы». На наш взгляд, такая позиция схематична. Она требует законодательного уточнения ряда понятий («люди», «экологическая катастрофа» и др.) и формулировок. Например, в ст. 7 Федерального закона № 35-ФЗ речь идет не только об угрозе совершения террористического акта, но и о захвате воздушного судна, которое с терактом может быть не связано и составлять самостоятельный состав иного преступного деяния, выходящего за очерченные законодательством границы борьбы с терроризмом¹.

В научной литературе отмечается необходимость разработки концепции государственного управления в сфере обеспечения особых правовых режимов с учетом собственного опыта и законодательной практики ведущих стран мира. Современную дилемму, перед которой оказался мир, В. А. Карташкин раскрывает как стремление «обеспечить безопасность государств и права человека на основе соблюдения Устава ООН... или бороться с терроризмом и другими нарушениями прав человека путем односторонних действий с применением вооруженной силы и дальнейшим ограничением основных прав и свобод человека» [21, с. 2]. С. В. Пчелинцев аргументировано полагает, что в рамках подготовки такой концепции имеет особое значение определение взвешенных методологических подходов, которые позволили бы «обеспечить объективное сочетание целесообразности и разумной достаточности мер государственного ограничения прав и свобод граждан при условии соблюдения положений Всеобщей декларации прав человека (п. 2 ст. 29), Международного пакта о гражданских и политических правах (ст. 19) и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 15)» [22, с. 3]. Решение этой задачи связано с установлением оптимального соотношения прав человека и интересов государства и общества с учетом перспектив развития российского законодательства и норм международного права. Изучая опыт ФРГ, В. Г. Романовский утверждает, что «практически

¹ О противодействии терроризму : федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (с изм. и доп. от 25.05.2021) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

любое государство в ситуации с самолетом, захваченным террористами, будет действовать, исходя из складывающейся ситуации» [23, с. 81].

В юридической науке доминирующей является позиция, основанная на положениях ст. 2 Конституции РФ и заключающаяся в утверждении безусловного приоритета прав человека. Вместе с тем в публикациях ставится под сомнение в современных условиях приоритет безопасности личности перед безопасностью общества и государства, когда интересы общества и государства определяются интересами личности. По мнению Т. Я. Хабриевой и В. Е. Чиркина, «не существует абсолютных прав и свобод, все они могут быть ограничены» [24, с. 133–134], а «в условиях чрезвычайных ситуаций осуществление субъективных конституционных прав может быть приостановлено» [24, с. 146]. Такая позиция согласуется с положениями ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и является преобладающей.

В этой связи актуальным является вопрос о ясных и понятных критериях, которые позволяли бы определить конкретные пределы ограничения прав и свобод граждан при пресечении актов ядерного терроризма с учетом принципа соразмерности принимаемых мер противодействия степени террористической опасности.

Пресечение актов ядерного терроризма осуществляется в целях защиты прежде всего жизни, здоровья и свободы граждан путем обеспечения баланса интересов государства и личности, что требует более тщательного их учета при разработке нормативных правовых актов. Именно поэтому представляется перспективной идея разработки научно обоснованной концепции государственного управления в условиях предотвращения и пресечения угрозы радиационной и химической аварии, опасной пандемии, возникшей в силу террористических проявлений. В рамках этой концепции внимание должно быть уделено не только сложным вопросам согласованного взаимодействия и координации деятельности субъектов различных профильных государственных систем, но и проблеме оснований, пределов и критериев ограничения прав и свобод человека. Рассматриваемая проблема признается «одной из важнейших теоретических проблем прав человека в современную информационную эпоху, нуждающихся в новом осмыслении и законодательном закреплении» [25, с. 438]. Приоритет мер предупреждения ядерного терроризма означает выбор законодателем превентивных методов борьбы с террористами, что направляет правоприменителя на реализацию данного принципа путем снижения рисков гибели и нанесения вреда здоровью людей, загрязнения радиоактивными веществами территорий вследствие возможной аварии, вызванной обстоятельствами террористического характера, либо взрывом ядерного или радиологического устройства.

Анализ антитеррористического законодательства РФ, регулирующего вопросы пресечения террористических актов, показывает необходимость его дальнейшего совершенствования для предотвращения актов ядерного терроризма путем уничтожения воздушного судна, если оно не подчиняется требованиям о посадке и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы. Необходимо дать четкое правовое определение понятия «экологическая катастрофа» и уточнить весьма расплывчатое в правовом понимании понятие «люди», которым угрожает использование террористами захваченного воздушного судна. При этом существование такой нормы, вызывающей ее непринятие частью юридического

сообщества и отдельными правоприменителями, может быть допустимо в качестве сдерживающего фактора для большинства категорий террористов за исключением смертников и психически больных людей. Реальная опасность гибели большой группы людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий правоприменителем определяется в каждой конкретной ситуации с учетом места, времени, средств, способа совершения преступления, сведений о количестве людей, находящихся в районе предполагаемого взрыва, скорости и типа воздушного судна и других обстоятельств. В результате государство в кризисной ситуации не будет пассивным наблюдателем, связывая руки правоприменителям в принятии сложных, но в отдельных экстраординарных случаях необходимых решений.

Список литературы

1. Безопасность объектов атомной отрасли и энергетики обсудил Национальный антитеррористический комитет // Новости. Первый канал. URL: <https://www.1tv.ru/news/2021-02-09/401352> (дата обращения: 08.08.2021).
2. Ayson R. After a Terrorist Nuclear Attack: Envisaging Catalytic Effects // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2010. № 33 (7). P. 571–593. doi:10.1080/1057610X.2010.483756
3. Riera J. D. On the Stress Analysis of Structures Subjected to Aircraft Impact Forces // *Nucl. Engng. and Des.* 1968. Vol. 8. P. 415–426.
4. Kazi Reshmi. Nuclear Terrorism: No Longer a Science Fiction // *Strategic Analysis*. 2008. № 32 (3). P. 477–494. doi:10.1080/09700160802063442
5. Allison G. Nuclear terrorism: the ultimate preventable catastrophe. New York : Times Books, 2004. 263 p.
6. Метельков А. Н. Ядерный терроризм: предотвращение угрозы : монография. Мурманск : МАГУ, 2019. 388 с.
7. Хабачиров М. Л. Международно-правовые проблемы борьбы с ядерным терроризмом : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2000. 222 с.
8. Косачев К. И. Концепция развития международного права в области борьбы с ядерным терроризмом : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2003. 228 с.
9. Krstic Marko M. Tendency of using chemical, biological, radiological and nuclear weapons for terrorist purposes // *Vojnotehnički glasnik*. 2017. № 65 (2). P. 481–498.
10. Бирбраер А. Н., Роледер А. Ю. Безопасность атомных электрических станций при экстремальных внешних воздействиях // *Биосфера*. 2010. № 2. С. 197–213.
11. Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. М. : Идея-Пресс, 2008. 216 с.
12. Сосунов И. В., Батырев В. В., Посохов Н. Н. [и др.]. Радиационная, химическая и биологическая защита населения: цель, задачи и направления совершенствования на период до 2020 г. // *Технологии гражданской безопасности*. 2014. № 4. С. 22–28.
13. Метельков А. Н. О проблемах организации предотвращения и пресечения актов терроризма и иных актов незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации // *Вестник Национального антитеррористического комитета*. 2016. № 1 (14). С. 92–105.
14. Метельков А. Н. Угроза ядерного терроризма и совершенствование национального законодательства по борьбе с ним // *Антитеррор: комплексный подход : сб. материалов науч.-практ. конф.* М. : Антитеррористический центр СНГ, 2007. С. 186–201.
15. Бецков А. В. О правовом обеспечении авиационной безопасности в Российской Федерации // *Труды Академии управления МВД России*. 2017. № 4. С. 89–104.

16. Calculating the New Global Nuclear Terrorism Threat // International Atomic Energy Agency. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/pressreleases/calculating-new-global-nuclear-terrorism-threat-0> (дата обращения: 08.08.2021).
17. Бортновский В. Н., Буздакин К. Н. Организационные основы медико-санитарного обеспечения участников реагирования на радиационные аварии // Проблемы здоровья и экологии. 2014. № 4. С. 121–125.
18. Зорькин В. Д. Права человека в контексте глобальной юриспруденции // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 2. С. 1–9.
19. Нардина О. В. Обеспечение права на жизнь заложников при пресечении действий террористов, захвативших воздушное или водное судно // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, № 1. С. 75–80.
20. Зорькин В. Д. Апология Вестфальской системы // Российская газета. 2004. № 3525.
21. Карташкин В. А. Права человека и международная безопасность // Юрист-международник. 2003. № 1. С. 2–8.
22. Пчелинцев С. В. Пределы ограничений прав и свобод человека в условиях особых правовых режимов: современные подходы // Журнал российского права. 2005. № 8. С. 3–21.
23. Романовский В. Г. Противодействие терроризму в воздушном пространстве в России и Германии: сравнительно-правовой аспект // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 2. С. 78–82.
24. Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М. : Норма, 2005. 319 с.
25. Глушкова С. И. Права человека в России. М. : Юристъ, 2005. 494 с.

References

1. The safety of nuclear industry and energy projects was discussed by the National Anti-Terrorism Committee. *Novosti. Pervyy kanal = News. The 1st channel*. (In Russ.). Available at: <https://www.1tv.ru/news/2021-02-09/401352> (accessed 08.08.2021).
2. Ayson R. After a Terrorist Nuclear Attack: Envisaging Catalytic Effects. *Studies in Conflict & Terrorism*. 2010;(33):571–593. doi:10.1080/1057610X.2010.483756
3. Riera J.D. On the Stress Analysis of Structures Subjected to Aircraft Impact Forces. *Nucl. Engng. and Des*. 1968;8:415–426.
4. Kazi Reshmi. Nuclear Terrorism: No Longer a Science Fiction. *Strategic Analysis*. 2008;32:477–494. doi:10.1080/09700160802063442
5. Allison G. *Nuclear terrorism: the ultimate preventable catastrophe*. New York: Times Books, 2004:263.
6. Metel'kov A.N. *Yadernyy terrorizm: predotvrashchenie ugrozy: monografiya = Nuclear terrorism: threat prevention: monograph*. Murmansk: MAGU, 2019:388. (In Russ.)
7. Khabachirov M.L. International legal problems of combating nuclear terrorism. PhD dissertation. Moscow, 2000:222. (In Russ.)
8. Kosachev K.I. Concept for the development of international law in the field of combating nuclear terrorism. PhD dissertation. Moscow, 2003:228. (In Russ.)
9. Krstic Marko M. Tendency of using chemical, biological, radiological and nuclear weapons for terrorist purposes. *Vojnotehnički glasnik*. 2017;(65):481–498.
10. Birbraer A.N., Roleder A.Yu. Safety of nuclear power plants under extreme external influences. *Biosfera = Biosphere*. 2010;(2):197–213. (In Russ.)
11. Seydzhman M. *Setevye struktury terrorizma = Terrorism network structures*. Moscow: Ideya-Press, 2008:216. (In Russ.)
12. Sosunov I.V., Batyrev V.V., Posokhov N.N. [et al.]. Radiation, chemical and biological protection of the population: purpose, objectives and areas of improvement for the period up to 2020. *Tekhnologii grazhdanskoy bezopasnosti = Civil security technologies*. 2014;(4):22–28. (In Russ.)

13. Metel'kov A.N. On the issues of organizing the prevention and suppression of terrorism acts and other acts of unlawful interference in the activities of civil aviation. *Vestnik Natsional'nogo antiterroristicheskogo komiteta = Bulletin of the National Anti-Terrorism Committee*. 2016;(1):92–105. (In Russ.)
14. Metel'kov A.N. The threat of nuclear terrorism and the improvement of national legislation to combat it. *Antiterror: kompleksnyy podkhod: sb. materialov nauch.-prakt. konf. = Counterterrorism: integrated approach: proceedings of scientific and practical conference*. Moscow: Antiterroristicheskii tsentr SNG, 2007:186–201. (In Russ.)
15. Betskov A.V. On the legal support of aviation security in the Russian Federation. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;(4):89–104. (In Russ.)
16. Calculating the New Global Nuclear Terrorism Threat. *International Atomic Energy Agency*. Available at: <https://www.iaea.org/newscenter/pressreleases/calculating-new-global-nuclear-terrorism-threat-0> (accessed 08.08.2021).
17. Bortnovskiy V.N., Buzdalkin K.N. Organizational bases of medical and sanitary support for participants in response to radiation accidents. *Problemy zdorov'ya i ekologii = Health and environmental issues*. 2014;(4):121–125. (In Russ.)
18. Zor'kin V.D. Human rights in the context of global jurisprudence. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya = Journal of constitutional justice*. 2009;(2):1–9. (In Russ.)
19. Nardina O.V. Ensuring the right to life of hostages while suppressing the actions of terrorists who hijacked an aircraft or watercraft. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Proceedings of Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Law*. 2020;20(1):75–80. (In Russ.)
20. Zor'kin V.D. Apology of the Westphalian system. *Rossiyskaya gazeta = Russian newspaper*. 2004;(3525). (In Russ.)
21. Kartashkin V.A. Human rights and international security. *Yurist-mezhdunarodnik = International lawyer*. 2003;(1):2–8. (In Russ.)
22. Pchelintsev S.V. Limits of restrictions on human rights and freedoms in the context of special legal regimes: modern approaches. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2005;(8):3–21. (In Russ.)
23. Romanovskiy V.G. Countering terrorism in the airspace in Russia and Germany: a comparative legal aspect. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Juridical Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(2):78–82. (In Russ.)
24. Khabrieva T.Ya., Chirkin V.E. *Teoriya sovremennoy konstitutsii = Modern constitutional theory*. Moscow: Norma, 2005:319. (In Russ.)
25. Glushkova S.I. *Prava cheloveka v Rossii = Human rights in Russia*. Moscow: Yurist", 2005:494. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Александр Николаевич Метельков
кандидат юридических наук, доцент
кафедры прикладной математики
и информационных технологий,
Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной
службы Министерства Российской
Федерации по делам гражданской
обороны, чрезвычайным ситуациям
и ликвидации последствий стихийных
бедствий (Россия, г. Санкт-Петербург,
Московский проспект, 149)

E-mail: metelkov5178@mail.ru

Aleksandr N. Metel'kov
Candidate of juridical sciences, associate
professor of the sub-department of applied
mathematics and information technology,
Saint Petersburg University of State Fire
Service of EMERCOM of Russia
(149 Moskovskiy avenue, Saint Petersburg,
Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 01.03.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 27.04.2021

Принята к публикации / Accepted 10.05.2021

УДК 340
doi:10.21685/2072-3016-2021-3-7

Актуальные проблемы правового регулирования государственно-конфессиональных отношений в современной России

А. Ф. Мещерякова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия
fuga9@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Рассматривается влияние процессов секуляризации и десекуляризации, происходящих в религиозной сфере современной России, на развитие государственно-конфессиональных отношений в современной России и, соответственно, на правовое регулирование этих отношений. Целью исследования является выявление основных проблем, возникающих в результате такого влияния. *Материалы и методы.* Цели исследования были достигнуты посредством изучения широкого массива законодательства, мнений специалистов и научных источников по заявленной теме. Методологическую базу исследования составляют такие методы познания, как анализ и синтез, формально-логический и сравнительно-правовой, которые позволили сопоставить положения нормативных правовых актов, в той или иной степени затрагивающих вопросы государственно-конфессиональных отношений, а также проследить влияние процессов секуляризации и десекуляризации на правовое сознание граждан и на законодательство. *Результаты.* Результаты проведенного исследования позволили сформулировать некоторые предложения по гармонизации государственно-конфессиональных отношений на современном этапе их развития. *Выводы.* В развитии государственно-конфессиональных отношений имеются как негативные, так и позитивные тенденции. К основным проблемам в этой сфере следует отнести появление юридических предпосылок к клерикализации общества и государства, злоупотреблений правом со стороны церкви и органов власти при решении вопросов, затрагивающих интересы религиозных объединений.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, право, религия, секуляризация, десекуляризация, церковь, религиозные объединения

Для цитирования: Мещерякова А. Ф. Актуальные проблемы правового регулирования государственно-конфессиональных отношений в современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 78–86. doi:10.21685/2072-3016-2021-3-7

Current issues of legal regulation of state-confessional relations in modern Russia

A.F. Meshcheryakova

Penza State University, Penza, Russia
fuga9@yandex.ru

Abstract. *Background.* The article is devoted to the processes' influence of secularization and desecularization occurring in the religious sphere of modern Russia on the development of state-confessional relations in modern Russia and, accordingly, on the legal regulation of

© Мещерякова А. Ф., 2021. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

these relations. The purpose of the study is to identify the main issues that arise as a result of such influence. *Materials and methods.* The objectives of the study were achieved by studying a wide array of legislation, the opinions of experts and scientific sources on the stated topic. The methodological basis of the research consists of such methods of cognition as analysis and synthesis, formal-logical and comparative-legal, which made it possible to compare the provisions of normative legal acts that to some extent affect the issues of state-confessional relations, as well as to trace the influence of the processes of secularization and desecularization on the legal consciousness of citizens and on legislation. *Results.* The results of the study allowed us to formulate some proposals for the harmonization of state-confessional relations at the present stage of their development. *Conclusions.* There are both negative and positive trends in the development of state-confessional relations. The main problems in this area include the emergence of legal prerequisites for the clericalization of society and the state, in the abuse of law by the church and authorities in resolving issues affecting the interests of religious associations.

Keywords: state-confessional relations, law, religion, secularization, desecularization, Church, religious associations

For citation: Meshcheryakova A.F. Current issues of legal regulation of state-confessional relations in modern Russia. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;(3): 78–86. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-3-7

На протяжении всей истории России вопрос о взаимоотношениях права и религии решался по-разному. Изначально церковь формировала русскую государственность, была опорой национального самосознания, затем государство дистанцировалось от религиозных объединений. Россия пережила и воинствующий атеизм, и 1942-й г., когда газета «Правда» стала печатать слово «Бог» с большой буквы [1, с. 213].

На современном этапе в Российской Федерации развиваются принципиально иные взаимоотношения между государством и церковью. Становится все более очевидным, что право и религия находятся в сложных диалектических отношениях и взаимозависимости.

Сегодня в нашей стране параллельно протекают два противоположных процесса – секуляризации и десекуляризации, которые оказывают влияние на правовое регулирование различных вопросов, связанных с религией, а также на правосознание граждан.

Традиционно секуляризацией принято называть ослабление влияния религии на общественное и индивидуальное сознание, переход от общества, регулируемого преимущественно религиозной традицией, к светской модели общественного и государственного устройства. В употребление термин ввел австрийский социолог П. Л. Бергер, который понимал под секуляризацией «процесс освобождения определенных сфер общества и культуры от господства религиозных институтов и символов» [2, с. 106]. Процесс десекуляризации, напротив, характеризуется духовным возрождением страны, связан с постепенным восстановлением религией утраченных позиций и влияния на индивидуальное и общественное сознание.

По Конституции Российской Федерации наше государство носит светский характер, религиозные объединения отделены от государства (ст. 14), но в то же время в законодательстве и на практике отчетливо прослеживается тенденция к сближению государства и церкви. Хотя светское государство

отказалось от использования религиозных предписаний и норм в качестве источников права, религия продолжает оказывать влияние на правовую жизнь современной России.

И сегодня религиозный фактор продолжает определять мотивы поведения человека как субъекта права. С одной стороны, он формирует законопослушное поведение у граждан. Примером этого являются призывы традиционных конфессий к верующим воздерживаться от посещения храмов во время пандемии и соблюдать режим самоизоляции [3]. С другой стороны, есть негативные примеры антиобщественного поведения в церкви (например, недавний инцидент в Екатеринбурге, где схиигумен Сергей предстал перед церковным судом и был лишен духовного сана) [4] или даже совершения преступлений священнослужителями [5].

Религиозные организации всегда настойчиво отстаивают право на достоинство личности, выступают в защиту традиционных общественных устоев, морали, нравственности, институтов семьи и брака. В настоящее время исторически сложившиеся в российской действительности конфессии восстановили свой ранее утраченный морально-нравственный авторитет [6, с. 136]. Не случайно в Конституцию Российской Федерации внесена поправка, защищающая материнство и детство, а также закреплено понятие брака как союза мужчины и женщины.

Сегодня религия для многих является своего рода способом солидарности, связывающим людей с определенными традициями, и церковь больше не рассматривается только как религиозный институт. Скорее, он становится неким символом идентичности, что, безусловно, важно для сохранения культурных традиций нескольких поколений людей. И даже люди, которые не придерживаются религиозных взглядов, понимают, что в наше время именно религия во многом обеспечивает стабильность общества и защищает его от культурной и моральной деградации.

При этом в последнее время в нашей стране заметна тенденция, когда представители Русской православной церкви (РПЦ) все чаще пытаются влиять на светскую жизнь. В качестве иллюстрации приведем протест РПЦ против определенных статей закона о культуре, концепция которого была в прошлом году представлена в нижнюю палату парламента Российской Федерации [7]. В частности, предлагалось ввести особые условия для искусства и исключить пьесы, фильмы, картины и скульптуры из действия ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей наказание за действия, направленные на оскорбление религиозных чувств верующих.

Глава юридического департамента Московской патриархии К. Чернега выразила мнение, что объекты культуры и искусства, упомянутые в законопроекте, являются «публичными акциями, предназначенными для публичного просмотра», и что они «явно относятся к тем общественным действиям, которые могут оскорбить религиозные чувства верующих». Она также упомянула, что представители церкви будут «работать над тем, чтобы исключить такие нормы из законопроекта» [7].

Критерии восприятия науки, политики, медицины, искусства, светского государства не должны определяться мнением религиозных организаций. Если сегодня мы начнем искать оскорбление чувств верующих в объектах культуры и искусства, то завтра есть риск запретить демонстрацию любых

представлений и фильмов, поэтому попытки РПЦ диктовать властям необходимость принятия карательных мер против проявлений искусства и культуры являются неприемлемыми.

В то же время следует согласиться с мнением, что для профессионального сообщества, работников культуры и искусства важно очень осторожно вторгаться в моральные устои верующих, применяя идеи, сюжеты и художественные средства их деятельности, поскольку иногда весьма сложно найти грань между законной реализацией свободы совести, свободы творчества и оскорблением религиозных чувств верующих [8, с. 140].

Достаточно вспомнить скандал 2016–2017 гг. вокруг художественного фильма «Матильда», разгоревшийся еще до момента его выхода на экран. Помимо отсутствия исторической правды картину обвинили в оскорблении религиозных чувств и пропаганде пошлости. Одним из критиков стала депутат Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации и бывший прокурор республики Крым Н. В. Поклонская, известная своим особым отношением к личности Николая II [9, 10].

Кроме того, этот случай демонстрирует, что чрезмерная приверженность религиозным ценностям, религиозный фанатизм могут привести к деформации правового профессионального сознания. Или другой пример. Недавно Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка А. Ю. Кузнецова, в жизни и общественной деятельности которой православные взгляды играют важную роль, выступила с инициативой запретить финансирование медицинских учреждений, практикующих аборты [11].

Церковь, как известно, против абортов. Тем не менее это достаточно деликатная тема, которая требует крайне взвешенных, осторожных решений. В каждом конкретном случае требуется индивидуальный подход. Кроме того, решение проблемы рождаемости сопряжено с другими острыми вопросами, например с повышением уровня социальной защиты населения. Запреты совершать аборты могут лишь усугубить ситуацию, способствовать учащению случаев совершения преступлений в отношении самых уязвимых членов общества, только появившихся на свет, развитию деятельности подпольных абортариев и родильных домов, специализирующихся на торговле новорожденными детьми. Одна из таких преступных организаций недавно была раскрыта в Москве [12].

Интересно, что под влиянием РПЦ или при ее непосредственном участии в последнее десятилетие были приняты законы, касающиеся различных аспектов религиозной сферы. Среди них поправки в Конституцию Российской Федерации, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»¹, Федеральный закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности»², поправка в Уголовный кодекс Российской Федерации³ об оскорблении чувств верующих и др.

¹ Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 08.06.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

² О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности : федер. закон от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ (ред. от 23.07.2014) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 49. Ст. 6423.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Среди поправок к проекту об изменении Конституции Российской Федерации было положение о Боге. С таким предложением выступил патриарх Московский и всея Руси Кирилл: «Если гимном может быть “сохраненная Богом родина”, почему этого нельзя сказать в нашей Конституции?». Патриарх отметил, что большинство в России верит в Бога – будь то христиане, мусульмане или последователи иных конфессий [13]. Таким образом, ст. 67 Основного закона теперь дополнена словами: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняющая память предков, которые передавали нам идеалы и веру в Бога,... признает исторически сложившееся государственное единство».

Ранее глава комитета Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А. А. Клишас заявлял, что вера в Бога и сохранение единства страны должны быть отражены в Конституции Российской Федерации, но принцип светского государства останется непоколебимым [14].

Но, по мнению П. В. Крашенинникова, сопредседателя рабочей группы по подготовкам предложений о внесении изменений в Конституцию Российской Федерации, неуместно упоминать Бога в Основном законе. Он отметил, что «у нас светское государство, есть свобода совести, и человек сам может выбирать» [15].

Соседство норм о Боге и о светскости государства в главном документе страны представляется нам по меньшей мере странным, если принять во внимание терминологическую неопределенность понятия «светское государство», которое в настоящее время носит декларативный характер и не раскрывается в законодательстве. Кроме того, в недавнем прошлом депутаты от Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) высказывали идею убрать слово «Бог» из гимна России [16].

В 2010 г. был принят Федеральный закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», который вызвал много дискуссий о клерикализации общества и государства. Хотя в законе речь идет обо всех религиозных объединениях, существующих в России, его принятие в первую очередь выгодно РПЦ, которая в имущественном отношении более остальных конфессий пострадала от секулярной политики советского атеистического государства. Но иногда церковь злоупотребляет этим правом, провоцирует сопротивление со стороны общества [17]¹.

Например, в 2017 г. общественный резонанс вызвало заявление губернатора г. Санкт-Петербурга Г. С. Полтавченко о передаче в пользование РПЦ Исаакиевского собора с сохранением за зданием одновременно функции музея. В 2009 г. предложение Саратовской епархии вернуть ей спортивный стадион «Динамо» [18], на котором до революции располагался кафедральный Александро-Невский собор, вызвало протест региональных и муниципальных властей. Этот стадион единственный в центре города, и неизвестно, куда деваться людям, желающим заниматься спортом.

¹ Впрочем, данная проблема актуальна не только для России. Весь христианский мир всколыхнуло известие о превращении в мечеть одной из главных православных святынь в Турции, которая, кстати, является светским государством.

Отсюда можно заключить, что реализация положений названного закона нарушает баланс интересов в обществе. Общественные интересы уступают место церковным интересам. Социальная справедливость, которая возглавляет список ценностей гражданского общества [19], подменяется исторической справедливостью.

Существует и положительная тенденция к тому, чтобы интересы религии и государства совпадали, чтобы совместно решать проблемы, стоящие перед российским обществом. Одной из таких проблем является формирование духовно-нравственных ценностей у подрастающего поколения.

В 2013 г. с участием религиозных организаций был принят Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», который предоставил школьникам возможность получать знания о религии и светской этике, что можно объяснить положительными аспектами влияния религиозных объединений. Изучение «Основ религиозных культур и светской этики» и «Основ духовно-нравственной культуры народов России» в школах способствует духовно-нравственному развитию ребенка, устойчивому развитию общества и защищает его от участия в сектах. Большим плюсом является придание религиозоведческого, культурологического характера изучаемым дисциплинам, т.е. они дают общую информацию о религии как социальном явлении, не касаясь религиозных догм и канонов.

Другой не менее острой проблемой, решаемой совместными усилиями государства и религиозных объединений, является предупреждение и пресечение совершения преступлений, имеющих религиозную основу.

В наше время множество опасных преступлений в религиозной сфере совершаются хорошо организованными и объединенными идеологически религиозными группами либо людьми, которые считают себя Мессией и пытаются исправить «греховный» мир. Появляется большое количество сект, которые негативно влияют на здоровье и нормальную жизнь их последователей.

Однако данный вопрос слабо урегулирован законодательством. В этом отношении полезным является опыт Франции, которая первой из европейских стран провозгласила себя светским государством. Здесь почти двадцать лет действует противосектантский закон [20]¹, относящий деятельность незаконных деструктивных религиозных образований к уголовно-наказуемым деяниям.

Мы не предполагаем, что все религиозные учения противоречат светским законам (за исключением определенных культов или сект, которые явно сосредоточены на незаконных действиях). Однако мы допускаем, что любая религия в определенных обстоятельствах, а также любое поклонение «сверхъестественному», «высшему идеалу» или «высшей цели», стоящему над человеческим разумом, могут создать предпосылки для незаконных действий.

Преступления, совершенные на религиозной почве, характеризуются высоким процентом неразглашения, поскольку вовлеченный в секту человек

¹ Имеется в виду Закон Франции № 2001-504 от 12 июня 2001 г. Окончательный вариант принятого законопроекта представлен на официальном сайте Национального собрания Франции (Assemblée nationale).

превращается в безвольный инструмент. Происходит полное подавление личности, изоляция, разрушение социальных связей, возникает негативное, враждебное отношение ко всему обществу вне группы. Его действия не логичны и потому непредсказуемы и опасны для окружающих людей.

Причины преступлений скрыты не в индивидуальных убеждениях человека, который нарушил закон. Основой, как правило, является деятельность религиозного сообщества, организации, проповедников, гуру, которые сознательно пропагандируют вероучения, оправдывающие обиды и культивирующие ритуалы или другие действия, направленные на изменения мировоззрения человека, подавление его воли и, как следствие, на создание предпосылок для совершения преступлений на религиозной почве. И, конечно, традиционные конфессии могут оказать неоценимую помощь в выявлении таких псевдорелигиозных организаций и лжепроповедников.

В заключение отметим, что религиозная жизнь современной России чрезвычайно насыщена и затрагивает правовую жизнь, влияя на формирование правового сознания, на правоприменительную деятельность и развитие законодательства о государственно-конфессиональных отношениях. Это влияние, несомненно, имеет свои сильные и слабые стороны и подлежит дальнейшему осмыслению не только юридической наукой, но и специалистами в других областях знания. Религия существует по времени столько же, сколько человечество, каждый раз проявляя себя с разных сторон в различных сферах человеческого бытия. Ее потенциал в правовой жизни еще не исчерпан до конца, и с течением времени он будет только развиваться.

Список литературы

1. Уткин А. И. Русские во Второй мировой войне. М. : Алгоритм, 2017. 1232 с.
2. Berger P. The Sacred Canopy. Elements of Sociological Theory of Religion. New York : Anchor Books, 1967. 229 p.
3. Религиозные организации России вводят особый порядок богослужений из-за коронавируса. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8005489> (дата обращения: 21.05.2021).
4. Лункин Р. Пример схиигумена Сергия вовсе не заразителен // Независимая газета. 2020. 30 июня.
5. Караваяев А. Священник-лихач доедет до колонии своим ходом. URL: https://www.gazeta.ru/auto/2016/06/15_a_8309033.shtml (дата обращения: 22.05.2021).
6. Ахмедов Р. М. Парадигма государственно-конфессиональных отношений. Теоретико-правовое исследование : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 183 с.
7. Коробов П., Тяжлов И. «Это отборное иезуитство» // Коммерсантъ. 2019. 26 марта.
8. Долейко А. А. Проблемы реализации конституционного права на свободу совести и свободу вероисповедания в российском обществе // Молодой ученый. 2018. № 46 (232). С. 139–141.
9. Поклонская попросила Генпрокуратуру проверить новый фильм Учителя «Матильда» // Ведомости. 2016. 2 ноября.
10. Сидорчик А. Жизнь за царя. Наталья Поклонская снова жалуется на фильм про Николая II // Аргументы и факты. 2017. 31 января.
11. Детский омбудсмен предложила сократить финансирование клиникам, проводящим аборт // Коммерсантъ. 2020. 29 мая.
12. Детей распродавали, как щенят: арестована группа врачей. URL: <https://www.vesti.ru/article/2430542> (дата обращения: 10.06.2021).
13. Патриарх Кирилл предложил упомянуть Бога в Конституции. URL: <https://ria.ru/20200202/1564152511.html> (дата обращения: 21.05.2021).

14. Клишас: единство страны и вера в Бога должны найти отражение в Конституции. URL: <https://tass.ru/politika/7863419> (дата обращения: 28.05.2021).
15. Белоконова Е. Крашенинников об упоминании Бога в Конституции: «На мой взгляд, было бы неправильно» // Комсомольская правда. 2020. 7 февраля.
16. «Мы» вместо «Бога». URL: <https://ria.ru/20091118/194362885.html> (дата обращения: 09.06.2021).
17. Асламова Д. Святая София разрушит новую турецкую империю Эрдогана // Комсомольская правда. 2020. 10 июля.
18. Стадион божий. Саратовская епархия требует вернуть ей спортивное сооружение // Коммерсантъ (Саратов). 2009. 2 июля.
19. Шкуренко О. В поисках социальной справедливости // Коммерсантъ. 2020. 22 февраля.
20. Proposition de loi tendant à renforcer la prévention et la répression des mouvements sectaires portant atteinte aux droits de l'homme et aux libertés fondamentales. URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/11/ta/ta0676.asp> (дата обращения: 28.05.2021).

References

1. Utkin A.I. *Russkie vo Vtoroy mirovoy voyne = Russians in World War II*. Moscow: Algoritm, 2017:1232. (In Russ.)
2. Berger P. *The Sacred Canopy. Elements of Sociological Theory of Religion*. New York: Anchor Books, 1967:229.
3. *Religioznye organizatsii Rossii vvodyat osobyy poryadok bogoslužheniy iz-za koronavirusa = Religious organizations in Russia introduce a special order of divine services due to coronavirus*. (In Russ.). Available at: <https://tass.ru/obschestvo/8005489> (accessed 21.05.2021).
4. Lunkin R. The example of the Father-Superior Sergius is not contagious at all. *Nezavisimaya gazeta = Independent newspaper*. 2020, Jun. 30. (In Russ.)
5. Karavaev A. *Svyashchennik-likhach doedet do kolonii svoim khodom = The reckless priest will reach the colony on his own*. (In Russ.). Available at: https://www.gazeta.ru/auto/2016/06/15_a_8309033.shtml (accessed 22.05.2021).
6. Akhmedov R.M. *Paradigma gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniy. Teoretiko-pravovoe issledovanie: monografiya = The paradigm of state-confessional relations. Theoretical and legal research: monograph*. Moscow: YuNITI-DANA, 2020:183. (In Russ.)
7. Korobov P., Tyazhlov I. “This is selective Jesuitism”. *Kommersant*. 2019, Mar. 26. (In Russ.)
8. Doleyko A.A. Issues of the implementation of the constitutional right to freedom of conscience and freedom of religion in Russian society. *Molodoy uchenyy = Young scientist*. 2018;(46):139–141. (In Russ.)
9. Poklonskaya asked the Prosecutor General's Office to check the new film “Matilda” by Uchitel. *Vedomosti = Vedomosti*. 2016, Nov. 2. (In Russ.)
10. Sidorchik A. A life for the king. Natalia Poklonskaya again complains about the film about the Nikolai II. *Argumenty i fakty = Argumenty and Fakty*. 2017, Jan. 31. (In Russ.)
11. Children's Ombudsman proposed to cut funding for abortion clinics. *Kommersant = Kommersant*. 2020, May 29. (In Russ.)
12. *Detey rasprodavali, kak shchenyat: arestovana gruppa vrachey = Children were sold like puppies: a group of doctors arrested*. (In Russ.). Available at: <https://www.vesti.ru/article/2430542> (accessed 10.06.2021).
13. *Patriarkh Kirill predlozhit upomyanut' Boga v Konstitutsii = Patriarch Kirill proposed to mention God in the Constitution*. (In Russ.). Available at: <https://ria.ru/20200202/1564152511.html> (accessed 21.05.2021).

14. *Klishas: edinstvo strany i vera v Boga dolzhny nayti otrazhenie v Konstitutsii = Klishas: the unity of the country and faith in God must be reflected in the Constitution.* (In Russ.). Available at: <https://tass.ru/politika/7863419> (accessed 28.05.2021).
15. Belokonova E. Krasheninnikov on the mention of God in the Constitution: “In my opinion, it would be wrong”. *Komsomol'skaya Pravda = Komsomolskaya Pravda*. 2020, Febr. 7. (In Russ.)
16. «Мы» вместо «Бога» = “We” instead of “God”. (In Russ.). Available at: <https://ria.ru/20091118/194362885.html> (accessed 09.06.2021).
17. Aslamova D. Hagia Sophia destroy Erdogan’s new Turkish empire. *Komsomol'skaya pravda = Komsomolskaya pravda*. 2020, Jul. 10. (In Russ.)
18. God’s stadium. Saratov diocese demands to return the sports facility to it. *Kommersant (Saratov)*. 2009, Jul. 2. (In Russ.)
19. Shkurenko O. In search of social justice. *Kommersant*. 2020, Febr. 22. (In Russ.)
20. *Proposition de loi tendant à renforcer la prévention et la répression des mouvements sectaires portant atteinte aux droits de l’homme et aux libertés fondamentales.* Available at: <http://www.assemblee-nationale.fr/11/ta/ta0676.asp> (accessed 28.05.2021).

Информация об авторах / Information about the authors

Анна Федоровна Мещерякова

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правосудия,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: fuga9@yandex.ru

Anna F. Meshcheryakova

Candidate of juridical sciences, associate
professor, associate professor of the
sub-department of justice, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 15.06.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.07.2021

Принята к публикации / Accepted 15.08.2021

УДК 340.15

doi:10.21685/2072-3016-2021-3-8

Британское пенсионное законодательство первой трети XX в.

А. В. Александрова¹, А. А. Рыжова²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹ann-alexandrova@mail.ru, ²17593r@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность исследования обусловлена потребностью реформирования пенсионных систем России и зарубежных стран на современном этапе развития. Цель исследования состоит в выявлении историко-правовых основ британского пенсионного законодательства, а также ключевых принципов, определивших его содержание. Значимость исследования определяется тем, что без уяснения историко-правовых основ невозможно понимание главных тенденций развития пенсионного законодательства Великобритании и путей его дальнейшего совершенствования. *Материалы и методы.* Методология исследования включает в первую очередь всеобщий диалектический метод, а также общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, статистический). *Результаты.* Выявлены и проанализированы основные акты пенсионного законодательства, принятые в Великобритании в первой трети XX в., на первоначальном этапе его развития. *Выводы.* В отличие от Германии и Франции Великобритания при принятии своего первого пенсионного закона (1908) опиралась на принципы бюджетного финансирования и установления критериев нуждаемости пожилых лиц. Однако в последующие годы был осуществлен переход к преимущественно страховой системе: законы 1911 и 1925 г. предусмотрели введение страховых пенсий, финансируемых за счет взносов работников, работодателей, а также при субсидиарном участии государства.

Ключевые слова: пенсия, социальное страхование, бюджетное обеспечение, законодательство, наемный работник

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00252.

Для цитирования: Александрова А. В., Рыжова А. А. Британское пенсионное законодательство первой трети XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 87–96. doi:10.21685/2072-3016-2021-3-8

British pension legislation of the first third of the 20th century

A.V. Aleksandrova¹, A.A. Ryzhova²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹ann-alexandrova@mail.ru, ²17593r@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the study is due to the need to reform the pension systems in Russia and foreign countries at the present stage of development. The purpose of the study is to identify the historical and legal foundations of British pension legislation, as

well as the key principles that determined its content. The significance of the study is determined by the fact that without understanding the historical and legal foundations, it is impossible to understand the main trends in the development of UK pension legislation and ways to improve it further. *Materials and methods.* The research methodology includes the universal dialectical method, as well as general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, systemic) and specific scientific methods (formal legal, comparative legal, historical legal, statistical). *Results.* Identified and analyzed the main acts of pension legislation adopted in Great Britain in the first third of the twentieth century, that is, at the initial stage of its development. *Conclusions.* Unlike Germany and France, Great Britain, when adopting its first pension law (1908), relied on the principles of budgetary financing and the establishment of criteria for the needs of older persons. However, in subsequent years, a transition was made to a predominantly insurance system: the laws of 1911 and 1925 provided for the introduction of insurance pensions, financed by contributions from employees, employers, as well as with subsidiary participation of the state.

Keywords: pension, social insurance, budgetary financing, legislation, employee

Acknowledgments: the reported study was funded by RFBR, project No. 20-011-00252.

For citation: Aleksandrova A.V., Ryzhova A.A. British pension legislation of the first third of the 20th century. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;(3):87–96. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-3-8

Внимание авторов настоящей статьи обращено на историко-правовые аспекты формирования пенсионного законодательства Великобритании в первой трети XX в. Объект исследования и его исторические рамки выбраны не случайно. Именно в указанный период в Великобритании были приняты первые акты о пенсионном обеспечении граждан. Изначально (в 1908 г.) был избран принцип бюджетного финансирования пенсий, впоследствии он был дополнен страховым принципом (финансирование за счет страховых взносов). Актуальность исследования британских пенсионных актов, принятых 100 лет назад, их теоретической базы и практики применения обусловлена потребностью реформирования пенсионных систем, отмечаемой в XXI в. не только в России, но и в развитых зарубежных странах. К 2020-м гг. социальное страхование в его традиционных формах оказалось в кризисе [1, с. 34–35]. Начало этого кризиса ученые констатировали еще в 1990-е гг. [2, с. 13], впоследствии он был усилен процессами цифровизации, а также экономическими ограничениями, вызванными пандемией коронавируса. В то же время для современной России как никогда актуален поиск новой парадигмы пенсионного обеспечения [3, с. 110; 4, с. 20]. В связи с этим особый интерес представляет изучение зарубежного и российского пенсионного законодательства в исторической ретроспективе, анализ его применения на практике, выявление тенденций его развития и наиболее удачных решений возникающих проблем. Определить перспективы развития пенсионного законодательства невозможно без выявления его основ, в том числе в сравнительно-правовом разрезе. Этим обусловлена актуальность и теоретическая значимость исследования.

1. Акт 1908 г.: бюджетное финансирование и принцип нуждаемости

Великобритания была в числе первых европейских стран, принявших общенациональные акты о пенсионном обеспечении [5, с. 11]. Традиционно

в качестве страны-пионера в области социального страхования называется Германия, где при Бисмарке в 1880–1890-е гг. был разработан и принят ряд важнейших актов в данной сфере. Реализация данных актов породила бурные дискуссии в других европейских странах. В частности, во французском парламенте высказывалось мнение о том, что введение обязательного социального страхования может повлечь возврат к корпоративизму и цеховому строю, т.е. поставить под удар завоевания Великой французской революции [6, с. 55].

Разработка проектов пенсионного обеспечения осуществлялась в XIX в. и в Великобритании. Важно отметить, что вопросы призрения нетрудоспособных лиц, в том числе пожилых, волновали английского законодателя за много веков до этого. Широко известными являются законы о бедных, принимавшиеся в Англии начиная с XVI в.¹, а также основанная на них практика функционирования работных домов.

Законы о бедных были адресованы главным образом лицам, оказавшимся в состоянии крайней нищеты. Однако значительная масса трудящихся Англии, даже имевших регулярный доход, оказалась в XIX в. подвергнута рискам старости, утраты трудоспособности и потери кормильца, в связи с чем возникла объективная необходимость урегулировать меры поддержки таких лиц на государственном уровне.

До этого страхование работников от ряда социальных рисков осуществлялось в Англии на добровольной основе обществами взаимопомощи либо профсоюзами (трэд-юнионами). Отдельные вопросы обеспечения рабочих были затронуты законами об ответственности предпринимателей при несчастных случаях на производстве. При этом судебная практика исходила из того, что вознаграждение потерпевшему рабочему производилось, только если он докажет, что несчастный случай произошел по вине работодателя. Например, закон 1847 г. установил ответственность работодателя за несчастный случай, произошедший вследствие его сознательного намерения или явной небрежности. Доказать этот факт в судебном процессе пострадавшему работнику было крайне сложно. Только закон 1897 г. изменил ситуацию, установив ответственность предпринимателя за все несчастные случаи, повлекшие потерю рабочим трудоспособности более чем на 2 недели (кроме случаев, возникших по причине грубой небрежности или сознательного намерения самого работника). Выплаты пострадавшему могли осуществляться как работодателем, так и частным страховым обществом – в том случае, если работодатель заключил с таким обществом договор страхования работника. Это положение закона 1897 г. имело положительный эффект: уже в первый год его действия работодателями было застраховано около 150 000 рабочих [7, с. 22]. Однако надо иметь в виду, что речь шла именно о страховании от несчастных случаев на производстве (которое могло предусматривать выплаты членам семьи погибшего работника). Риски утраты трудоспособности в силу болезни или старости этим законом не охватывались, такое страхование оставалось для большинства трудящихся «недоступным и тяжелым». В связи с этим

¹ Имеются в виду многочисленные документы XVI–XIX вв., регулировавшие вопросы борьбы с нищенством, учреждения налога на бедных, создания работных домов и др.: акты 1530, 1547, 1552, 1563, 1571, 1597, 1601, 1661, 1697, 1722, 1782, 1834 г.

конгресс британских тред-юнионов в начале XX в. принял резолюцию о необходимости государственной организации страхования на случай старости, финансируемого «за счет общего налога, падающего на все классы» [7, с. 22].

Необходимость введения государственного пенсионного обеспечения понимали и представители одной из ведущих партий британской двухпартийной системы – либералов. Г. Асквит, представитель либеральной партии, занимавший пост премьер-министра Великобритании с 1908 по 1916 г., в одном из своих выступлений отмечал: «Опыт нашей собственной страны и других передовых стран показывает, что в обществе имеются такие потребности, нужды, виды обслуживания, удовлетворение которых не может быть предоставлено ничем не регулируемому закону спроса и предложения, а для удовлетворения которых общество в целом может принять необходимые и эффективные меры...» [8, с. 124–125].

Министр финансов (канцлер казначейства) Ллойд Джордж, представляя в парламенте проект бюджета на 1910 г., высказался за увеличение налогов для целей финансирования социальной программы правительства. В своем докладе он отметил, что один из принципов, на котором базируются его предложения, состоит в том, чтобы «в условиях нынешней неотложной необходимости все классы нашего общества несли положенное бремя... Разве существует какое-либо добровольное общество, религиозное ли, филантропическое ли, общество ли взаимопомощи, которое освобождало бы от взносов ту или иную группу своих членов?» [9, с. 144].

Таким образом, либералы, пришедшие к власти на волне подъема рабочего движения, за период своего правления (1905–1916) смогли провести ряд важных законов в социально-трудовой сфере: о промышленных конфликтах, о пенсиях, о социальном страховании на случай болезни и безработицы и др.

Следует отметить, что первые предложения по введению пенсии по старости в Великобритании появились в 1870-х гг. Главным вопросом, который обсуждался в парламенте и многочисленных комиссиях, был вопрос об источнике финансирования пенсий. Высказывались как идеи введения страховых пенсий (например, проект У. Л. Блэкли 1878 г.), так и государственных, финансируемых за счет бюджета (проект Р. П. Хукхема 1879 г.) [10, с. 30]. Также предлагались различные варианты сочетания бюджетного и страхового финансирования (например, проект Дж. Чемберлена 1892 г.) [11, с. 254]. В целом работа над пенсионным законом продолжалась более 30 лет, в течение которых было представлено несколько сотен проектов [12, с. 30]. В конечном итоге в 1908 г. парламент принял проект, предусматривавший выплаты пенсий за счет государственного бюджета лицам, достигшим 70-летнего возраста и отвечавшим критерию нуждаемости.

Основными условиями получения пенсии согласно британскому закону о пенсиях по старости 1908 г. (его статье второй) выступали: а) достижение 70 лет; б) британское подданство и проживание в Соединенном Королевстве (как минимум в течение 20 лет до получения пенсии); в) нуждаемость: ежегодный доход получателя пенсии должен был составлять не более 31 фунта стерлингов 10 шиллингов¹. Важно отметить, что при подсчете дохода учитывались не только заработная плата, пособия или иная помощь, но и доход от

¹ Шиллинг – денежная единица, действовавшая в Великобритании до реформы 1971 г. Один шиллинг составлял 12 пенсов и был равен 1/20 фунта стерлингов.

имущества (земли, капитала), а также доход, который лицо могло бы получить «благодаря прибыльному использованию принадлежащего ему имущества или его инвестированию, но которое данное лицо не использует прибыльно и не инвестирует» (ст. 4 Закона) [9, с. 143].

Кроме этого, Закон предусмотрел широкий перечень лиц, лишаемых права на получение пенсии: это были лица, приговоренные к тюремному заключению; получатели пособия по бедности, медицинской помощи (в том числе питания и услуг); лица, находящиеся в домах для умалишенных или в работных домах; лица, не работавшие перед выходом на пенсию «в соответствии со своей квалификацией, своими возможностями и нуждами» (кроме тех, кто по достижении 60 лет в течение 10 лет регулярно делал страховые взносы в кассу взаимопомощи или кассу тред-юниона). Также суд был вправе лишить права на пенсию лицо, достигшее 60 лет и приговоренное к изоляции за нарушение закона 1898 г. о борьбе с пьянством (ст. 3 Закона).

По мнению советских исследователей П. И. Острикова и П. П. Ванделя, английские законодательные акты характеризует «множество предусмотренных казусов, обилие исключений, архаический язык и стиль» [9, с. 158]. Однако, если рассматривать именно пенсионный акт 1908 г., следует признать, что все его положения являются четкими, понятными и юридически проработанными, предусмотренные актом исключения логически обоснованны.

С точки зрения сущности вводимых положений, а не их юридического оформления в качестве недостатков можно назвать ограниченный круг получателей пенсии и ее низкий размер. Согласно ст. 12 закона, величина пенсий варьировалась в зависимости от дохода их получателей. Она могла составлять от 1 до 5 шиллингов в неделю. При этом максимальная сумма – 5 шиллингов – сама по себе была очень незначительной и могла покрыть лишь минимальные бытовые расходы. Об этом свидетельствуют данные, опубликованные британским журналом “Sociological revue”: в 1910 г. стандарт необходимых потребностей средней семьи мог быть обеспечен доходом в 25 шиллингов в неделю; лица с доходом 18 шиллингов в неделю уже относились к категории «бродяг» [8, с. 37–38].

Таким образом, следует согласиться с мнением П. Тэйна о том, что пенсионная реформа 1908 г. привела к улучшению положения только «очень старых, очень бедных и очень уважаемых» [13, с. 106].

2. Законы 1911 и 1925 г.: переход к пенсионному страхованию

16 декабря 1911 г. в Великобритании был принят Закон о государственном социальном страховании [14, с. 6–13], предусмотревший, помимо страхования на случай болезни и безработицы, и страхование на случай инвалидности. В частности, ст. 8 закона предусматривала выплату лицам, ставшим инвалидами в результате какой-либо болезни (физической либо душевной), пособия по болезни на срок не более 26 недель. Если состояние нетрудоспособности продолжалось сверх этого срока, лицу назначалось пособие по инвалидности. По достижении 70 лет получатель лишался права на пособие по болезни или инвалидности, так как ему могла быть назначена пенсия по старости в соответствии с законом 1908 г.

Страховые фонды для выплаты пособий формировались за счет взносов работников и работодателей, а также государства. Величина взносов дифференцировалась в зависимости от пола и возраста работника, а также величины заработка. По общему правилу 7/9 от величины взносов возлагалось на работника и работодателя; остальную часть (2/9) выплачивало государство. Указанные доли были установлены для взносов за работников-мужчин, за женщин они составляли 3/4 и 1/4 соответственно, т.е. за женщин государство платило несколько больше. Распределение страхового бремени между работником и работодателем определялось в зависимости от заработка работника: работодатель платил взносы в большем размере с более низкого заработка работника и в меньшем – с более высокого.

Значимым представляется именно участие государства в финансировании социального страхования. Известно, что накануне, а именно при обсуждении в британском парламенте бюджета на 1910 г., впервые было объявлено о создании в стране фонда социального страхования, на который планировалось выделить около 1 % всех расходов [9, с. 120]. Ллойд Джордж объявил о начале борьбы «против нищеты» и «против крупного капитала», в связи с чем был увеличен подоходный налог и налог на земельную собственность. Отказ палаты лордов от принятия данного законопроекта привел в конечном итоге к проведению знаменитого Билля о реформе 1911 г., существенно ограничившего полномочия верхней палаты британского парламента, особенно в финансовых вопросах.

Таким образом, в 1911 г. в Великобритании было учреждено национальное страхование на случай болезни, предполагавшее обязательную систему взносов, охватывающую все занятое население в возрасте от 16 до 70 лет (в 1928 г. предельный возраст был снижен до 65 лет). Миссия по аккумулярованию взносов была возложена на многочисленные организации добровольного социального страхования, широко распространенные в Англии в XIX – начале XX в. К таким организациям относились тред-юнионы, общества взаимопомощи – так называемые «дружеские общества» и другие добровольные ассоциации взаимного страхования рабочих. (В XIX в. «дружеские общества» получили в Великобритании большое распространение: к 1892 г. их участниками были 8 320 262 человека [7, с. 16], что составляло около четверти населения страны.) Административный контроль над создаваемой системой страхования по болезни был возложен законом на органы исполнительной власти (Министерство здравоохранения Англии, Совет здравоохранения Уэльса, Министерство здравоохранения Шотландии и Министерство труда Северной Ирландии).

31 июля 1925 г. в Великобритании был принят Закон о вдовах, сиротах и пенсиях по старости [15]. Закон установил систему страховых пенсий по старости для наемных работников в возрасте от 65 до 70 лет, а также пособий по случаю потери кормильца вдовам и детям умерших застрахованных работников.

Право на пенсию предоставлялось работникам, отвечавшим следующим условиям: а) наличие не менее 5 лет страхового стажа на момент достижения работником 65 лет (в противном случае право на пенсию возникало только после приобретения 5-летнего страхового стажа); б) уплата не менее 104 еженедельных взносов; в) уплата не менее 39 еженедельных взносов за

каждый год в течение 3 лет непосредственно перед выходом на пенсию (исключение из этого правила делалось для мужчин, регулярно плативших страховые взносы в возрасте от 50 до 60 лет, и для женщин, плативших такие взносы в возрасте от 45 до 55 лет).

Пенсионное страхование распространялось на наемных работников, годовой доход которых не превышал 250 фунтов стерлингов. Страховая пенсия по старости выплачивалась в твердой сумме. В частности, полная пенсия работника-мужчины, отвечавшего всем установленным в законе условиям, составляла 10 шиллингов в неделю. Жена застрахованного работника также могла получать пенсию в размере 10 шиллингов в неделю по достижении 65 лет [16, с. 15]. В таком же размере устанавливалась пенсия вдове умершего работника; пенсия выплачивалась ей вплоть до повторного вступления в брак либо до достижения 70 лет, когда она должна была перейти на государственную пенсию. Детям умершего застрахованного работника выплачивалась пенсия в размере 5 шиллингов в неделю на старшего ребенка и 3 шиллингов для всех остальных (для полных сирот – 7–6 шиллингов).

Закон 1925 г. предусмотрел создание интегрированной системы с положениями пенсионного акта 1908 г., установив, что в возрасте 70 лет все лица, получавшие страховую пенсию, приобретают право на государственную (бюджетную) пенсию без прохождения проверки в нуждаемости или требований к гражданству и месту жительства. Другими словами, закон предусмотрел для граждан переход в возрасте 70 лет из одной системы в другую, с тем чтобы застрахованные лица непрерывно получали пенсию по старости с 65 лет до самой смерти.

Система пенсионного страхования, учрежденная законом 1925 г., также была основана на взаимодействии с системой страхования на случай болезни, организованной в силу закона 1911 г. Пенсионному страхованию подлежали все лица, застрахованные в обязательном порядке в соответствии с законом 1911 г. Взносы, предусмотренные законами 1911 и 1925 г., объединялись в единовременный платеж. Контроль за поступлением платежей был возложен на созданное в 1919 г. Министерство здравоохранения. В то же время некоторые функции по администрированию взносов были возложены на так называемые «одобренные общества» (из числа рассмотренных выше обществ взаимопомощи). Одобренные общества обладали определенной самостоятельностью, поскольку вели учет плательщиков взносов и застрахованных лиц. По данным, приведенным журналом “Social Security Bulletin”, в 1937 г. таких обществ насчитывалось в Великобритании около 790 (с 5490 филиалами в Англии и Уэльсе) [16, с. 14].

В соответствии с обоими законами взносы должны были поступать от работодателей, наемных работников и государства. Ставка еженедельного взноса на пенсионное страхование составляла 5,5 % от величины заработка работника: такой взнос уплачивал и работодатель, и работник. Эта ставка применялась в отношении застрахованных работников-мужчин. Взнос за работниц-женщин составлял соответственно 2,5 % (уплачиваемых работодателем) и 3 % (уплачиваемых работницей).

Значение закона 1925 г. в отечественной и зарубежной историографии оценивается неоднозначно. По мнению В. Г. Каленского, советского исследователя социального законодательства Великобритании, реформа 1925 г. была

ориентирована на низкооплачиваемых работников и оставила за пределами системы обязательного страхования значительное число рабочих. Он подчеркивал, что система социального страхования, сложившаяся в стране к началу Второй мировой войны, «была неполной и не распространялась на всех трудящихся» [17, с. 192]. Тем не менее, согласно статистическим данным, по состоянию на 31 декабря 1937 г. расчетное число лиц, застрахованных на пенсионные цели в Великобритании и Северной Ирландии, составляло 20,5 млн [18, с. 88], в то время как общая численность населения страны составляла около 51 млн человек. К концу 1937 г. число пенсий по старости, выплачиваемых лицам в возрасте от 65 до 70 лет в Великобритании и Северной Ирландии, составило 828 312, а лицам старше 70 лет – 1 215 494 (в то время как по состоянию на 31 декабря 1908 г. число пенсий, назначенных лицам старше 70 лет, составляло 596 038) [16, с. 18].

Таким образом, в течение первой трети XX в. британское пенсионное законодательство прошло значительный путь развития, начиная с учреждения государственных бюджетных пенсий для малоимущих пожилых лиц и завершая созданием системы пенсионного страхования. Достоинствами системы, утвердившейся к 1930-м гг., были следующие: успешное сочетание страхового и бюджетного обеспечения, позволявшее гарантировать непрерывность получения пенсии для лиц, достигших 65 лет; интеграция системы пенсионного страхования в систему страхования на случай болезни и подчинение этих систем единому административному органу – Министерству здравоохранения; решение вопроса социальной поддержки наиболее обездоленных пожилых лиц, инвалидов, вдов и сирот. В то же время созданная система не была лишена недостатков: она охватывала незначительную часть трудящихся (была ориентирована лишь на низкооплачиваемых работников); не учитывала реальную продолжительность жизни британских граждан – пенсионный возраст был очень высок для того времени; гарантировала небольшие выплаты, позволявшие покрыть лишь базовые, самые основные потребности нуждающихся лиц, а не обеспечить им достойный уровень жизни.

Список литературы

1. Пенсионные накопления в России: кризис ожидания или новые возможности / отв. ред.: Ю. В. Воронин, В. П. Емельянцеv. М. : ИНФРА-М, 2020. 240 с.
2. Розанваллон П. Новый социальный вопрос. Переосмысливая государство всеобщего благосостояния. М. : Ad Marginem, 1997. 188 с.
3. Васильева Ю. В. Влияние демографических факторов и изменений в структуре занятости населения на российскую систему социального страхования // *Ex iure*. 2019. № 4. С. 105–115.
4. Васильева Ю. В. Общие вопросы соотношения международного и российского права социального обеспечения // *Международные и российские нормы социального обеспечения: сравнительный анализ* / отв. ред.: Э. Г. Тучкова, Ю. В. Васильева. М. : Проспект, 2013. 440 с.
5. Роик В. Д. Социальное страхование: экономика, финансы и управление. М. : АТиСО, 2014. 222 с.
6. Гольденвейзер А. С. Социальное законодательство Германской империи: страхование рабочих: больничное, от несчастных случаев, на случай потери способности к труду и старости (Доклад, читанный в заседании 18 ноября 1889 г.). 2-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2016. 184 с.

7. Зачинский Л. Страхование рабочих на Западе. СПб. : Молот, 1906. 79 с.
8. Read D. Documents from Edwardian England. 1901–1915. London : Harrap, 1973. 335 p.
9. Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. М. : Высш. шк., 1989. 295 с.
10. Booth Ch. Old Age Pensions and the Aged Poor. A Proposal by Charles Booth. London : Macmillan and Co., 1899. 84 p.
11. Collins D. The Introduction of Old Age Pensions in Great Britain // Historical Journal. 1965. Vol. 8, iss. 2. P. 254–255.
12. Коноплева С. В. Пенсионная реформа 1908 г. в Великобритании и источники ее финансирования // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2013. № 5. С. 27–40.
13. The Origins of British Social Policy / ed. by P. Thane. London : Croom Helm, 1978. 209 p.
14. English Historical Documents. 1906–1939. London : Routledge and Kegan Paul, 1967. 198 p.
15. Widows, Orphans and Old Age Contributory Pensions Act 1925. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1925/jul/31/widows-orphans-and-old-age-contributory> (дата обращения: 04.08.2021).
16. Fleisher A., Kocher E. British Contributory Pensions // Social Security Bulletin. 1939. April. P. 14–18.
17. Каленский В. Г. Социальное законодательство Англии. М. : Наука, 1969. 223 с.
18. Board of trade in conjunction with the Ministry of labour and the Registers-general Statistical abstract for the United Kingdom for each of the fifteen years, 1913 and 1924 to 1937. London : Her Majesty's stationery office, 1939. № 82. 453 p.

References

1. Voronin Yu.V., Emel'yantsev V.P. (ed.). *Pensionnye nakopleniya v Rossii: krizis ozhidaniya ili novye vozmozhnosti = Pension savings in Russia: a crisis of expectations or new opportunities*. Moscow: INFRA-M, 2020:240. (In Russ.)
2. Rozanvallon P. *Novyy sotsial'nyy vopros. Pereosmyslivaya gosudarstvo vseobshchego blagosostoyaniya = New social question. Rethinking the welfare state*. Moscow: Ad Marginem, 1997:188. (In Russ.)
3. Vasil'eva Yu.V. The impact of demographic factors and changes in the structure of employment of the population on the Russian social insurance system. *Ex jure*. 2019; (4):105–115. (In Russ.)
4. Vasil'eva Yu.V. General issues of the relationship between international and Russian social security law. *Mezhdunarodnye i rossiyskie normy sotsial'nogo obespecheniya: sravnitel'nyy analiz = International and Russian social security standards: a comparative analysis*. Moscow: Prospekt, 2013:440. (In Russ.)
5. Roik V.D. *Sotsial'noe strakhovanie: ekonomika, finansy i upravlenie = Social insurance: economics, finance and management*. Moscow: ATiSO, 2014:222. (In Russ.)
6. Gol'denveyzer A.S. *Sotsial'noe zakonodatel'stvo Germanskoy imperii: strakhovanie rabochikh: bol'nichnoe, ot neschastnykh sluchaev, na sluchay poteri sposobnosti k trudu i starosti (Doklad, chitannyy v zasedanii 18 noyabrya 1889 g.) = Social legislation of the German Empire: workers' insurance: sick leave, against accidents, in case of loss of ability to work and old age (Report read at the meeting on November 18, 1889)*. 2nd ed. Moscow: LENAND, 2016:184. (In Russ.)
7. Zachinskiy L. *Strakhovanie rabochikh na Zapade = Workers' insurance in the West*. Saint-Petersburg: Molot, 1906:79. (In Russ.)
8. Read D. *Documents from Edwardian England. 1901–1915*. London: Harrap, 1973:335.

9. Ostrikov P.I., Vandel' P.P. (comp.). *Sbornik dokumentov po istorii novogo vremeni. Ekonomicheskoe razvitie i vnutrennyaya politika stran Evropy i Ameriki. 1870–1914 = Collection of documents on the history of modern times. Economic development and domestic policy of the countries of Europe and America. 1870–1914*. Moscow: Vyssh. shk., 1989:295. (In Russ.)
10. Booth Ch. *Old Age Pensions and the Aged Poor. A Proposal by Charles Booth*. London: Macmillan and Co., 1899:84.
11. Collins D. The Introduction of Old Age Pensions in Great Britain. *Historical Journal*. 1965;8(2):254–255.
12. Konopleva S.V. Pension reform of 1908 in Great Britain and sources of its financing. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8, Istoriya = Bulletin of Moscow University. Series 8, History*. 2013;(5):27–40. (In Russ.)
13. Thane P. (ed.). *The Origins of British Social Policy*. London: Croom Helm, 1978:209.
14. *English Historical Documents. 1906–1939*. London: Routledge and Kegan Paul, 1967: 198.
15. *Widows, Orphans and Old Age Contributory Pensions Act 1925*. Available at: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1925/jul/31/widows-orphans-and-old-age-contributory> (accessed 04.08.2021).
16. Fleisher A., Kocher E. British Contributory Pensions. *Social Security Bulletin*. 1939; April:14–18.
17. Kalenskiy V.G. *Sotsial'noe zakonodatel'stvo Anglii = Social legislation of England*. Moscow: Nauka, 1969:223. (In Russ.)
18. *Board of trade in conjunction with the Ministry of labour and the Registers-general Statistical abstract for the United Kingdom for each of the fifteen years, 1913 and 1924 to 1937*. London: Her Majesty's stationery office, 1939;(82):453.

Информация об авторах / Information about the authors

Анна Викторовна Александрова

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: ann-alexandrova@mail.ru

Anna V. Aleksandrova

Candidate of juridical sciences, associate
professor, associate professor of the
sub-department of state law disciplines,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Анастасия Андреевна Рыжова

кандидат юридических наук, доцент
кафедры государственно-правовых
дисциплин, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: 17593r@mail.ru

Anastasia A. Ryzhova

Candidate of juridical sciences, associate
professor of the sub-department of state
law disciplines, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 16.08.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.09.2021

Принята к публикации / Accepted 18.07.2021

УДК 316.346.3

doi:10.21685/2072-3016-2021-3-9

**Проблемы коммерциализации института социальных услуг
для пожилых граждан в России**

Т. В. Темаев¹, О. П. Сынкина²

^{1,2}Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия

¹timur_temaev@mail.ru, ²synkina.olga@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Рассматривается актуальная проблема социальной сферы – коммерциализация в структуре института предоставления социальных услуг пожилым гражданам. Исследуются пенсионеры как одна из наиболее быстро растущих групп потребителей социальных услуг в современной России, в результате чего именно их коммерциализация позволяет удовлетворить расширяющийся спектр потребностей третьевозрастной когорты. *Материалы и методы.* Приводятся результаты качественного исследования (интервью), проведенного авторами в 2020–2021 гг. в г. Саратове и области. В качестве респондентов выступили получатели услуг центров социального обслуживания пожилых граждан мужского и женского пола в возрасте 67–83 лет ($N = 27$), в качестве экспертов выступили три специалиста по социальной работе с пожилыми людьми, работающие в центре социального обслуживания. *Результаты.* Опираясь на качественную методологию, авторы анализируют востребованность платных услуг института социального обслуживания со стороны пожилых людей. Исследуются процессы развития института социального обслуживания в направлении его коммерциализации, степень готовности пожилых людей выступать равноправными участниками новой системы взаимоотношений, основанной на рыночных принципах. *Выводы.* Выявлены патерналистские взгляды на роль государства в сфере социальной работы, отсутствие критической оценки деятельности государственных учреждений, незаинтересованность в развитии альтернативных участников рынка социальных услуг пожилыми потребителями. Также обозначены перспективы развития института социальных услуг в направлении его дальнейшей коммерциализации и востребованности новой сферы в его деятельности.

Ключевые слова: пожилые люди, коммерциализация социальной сферы, институт социального обслуживания, социальные услуги, качественные методы

Для цитирования: Темаев Т. В., Сынкина О. П. Проблемы коммерциализации института социальных услуг для пожилых граждан в России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 97–108. doi:10.21685/2072-3016-2021-3-9

Issues of the institute's social services commercialization for senior citizens in Russia

T.V. Temaev¹, O.P. Synkina²

^{1,2}Saratov State University, Saratov, Russia

¹timur_temaev@mail.ru, ²synkina.olga@mail.ru

Abstract. *Background.* The article is devoted to the actual issue of the social sphere – commercialization in the structure of the institution of providing social services to senior citizens. The article examines pensioners as one of the fastest growing groups of consumers of social services in modern Russia, as a result of which it is their commercialization that allows us to meet the expanding range of needs of the third-age cohort. *Materials and methods.* The article presents the results of a qualitative study (interview) conducted by the authors in 2020–2021 in the city of Saratov and the region. The respondents were male and female recipients of social service centers for senior citizens, aged 67–83 years ($N = 27$), and the experts were three specialists in social work with the elderly working in the social service center. *Results.* Based on a qualitative methodology, the authors analyze the demand for paid services of the Institute of Social services from the elderly. The article examines the processes of development of the social service institution in the direction of its commercialization, the degree of readiness of older people to act as equal participants in the new system of relationships based on market principles. *Conclusions.* Paternalistic views on the role of the state in the field of social work, the lack of a critical assessment of the activities of state institutions, lack of interest in the development of alternative participants in the market of social services by older consumers are revealed. The prospects for the development of the institute's social services in the direction of its further commercialization and the demand for a new sphere in its activities are also outlined.

Keywords: elderly people, commercialization of the social sphere, institute of social services, social services, qualitative methods

For citation: Temaev T.V., Synkina O.P. Issues of the institute's social services commercialization for senior citizens in Russia. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;(3):97–108. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-3-9

Вопросы социальной защиты населения интересовали государство и гражданское общество достаточно давно. Наиболее же широкое распространение институционализация этой сферы приобрело в XX в., причем различные государства демонстрировали относительную эффективность практик социального обслуживания, опираясь на национальные традиции, преломленные в фокусе местного политического режима и степени развитости экономической системы. Наше государство не является исключением в данном процессе. Действительно, начиная с советской истории Россия периодически расширяла спектр как получателей социальных услуг, так и их перечень. Спецификой же выступал монополизм и в данной сфере, что существенным образом тормозило развитие конкуренции на рынке оказания социальных услуг, с одной стороны, при высоких гарантиях их получения – с другой. Сегодня в России, наряду с государственным, существенное развитие отмечается в рыночном секторе предоставления социальных услуг нуждающимся гражданам.

Опираясь на мнение И. Андропова, под рынком социальных услуг мы понимаем целостную и взаимосвязанную систему социально-экономических

отношений, включающую в себя процессы формирования и распределения средств государственного бюджета, коммерческих и некоммерческих субъектов, связанных с производством и движением социально значимых товаров, работ, услуг, а также денежных средств для удовлетворения потребностей потребителей в форме платежеспособного спроса, трансфертов и бюджетного финансирования [1]. Одной из наиболее быстро растущих групп потребителей услуг института социального обслуживания в современной России являются пожилые граждане [2, с. 43]. Коммерциализация данной сферы вообще и социальной работы с пожилыми гражданами в частности – относительно новая тенденция в истории нашего государства, что и актуализирует необходимость ее исследования.

Анализ состояния института социального обслуживания граждан пенсионного возраста в нашей стране в настоящее время позволяет утверждать, что государство не способно решить все их социально-экономические проблемы и удовлетворить все их потребности. Современные реалии требуют существенной модернизации института социального обслуживания пожилых граждан в сторону привлечения иных участников рынка, так как государственные учреждения в данной сфере сосредоточены главным образом на предоставлении некоторых социально-медицинских и бытовых услуг, а спектр потребностей третьевозрастной когорты гораздо шире и продолжает расти. Как следствие – появление предложений о дополнительных социальных услугах, предоставляемых как за частичную, так и за полную плату. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики, доля пожилых людей, обслуживаемых на дому отделениями социальной службы за плату, по состоянию на 1 января 2020 г. составила 39,1 % (за частичную плату – 77,2 %). В Саратовской области, Республике Бурятия, Удмуртской Республике этот показатель превышает 80 %, в основном за счет частичной оплаты социальных услуг [3, с. 59]. При этом вопросы о наличии у современных пенсионеров по возрасту ресурсов полноценного участника рыночных отношений, желания оплачивать требующиеся им услуги в полном размере остаются открытыми.

Для выявления готовности и ресурсной способности пожилых граждан потреблять платные услуги института социального обслуживания нами в 2020–2021 гг. было проведено качественное исследование (глубинное интервью) в г. Саратове и Саратовской области. В качестве респондентов выступили получатели услуг центров социального обслуживания пожилых граждан мужского и женского пола в возрасте 67–83 лет ($N = 27$) (женщин – 15 человек, мужчин – 9 человек), в качестве экспертов выступили три специалиста по социальной работе с пожилыми людьми, работающие в центре социального обслуживания. Все интервью с получателями услуг проводились на территории проживания респондентов, а с экспертами – на рабочем месте.

В качестве **гипотезы** исследования выступило представление о том, что в настоящее время в России граждане пожилого возраста готовы обращаться в институт социального обслуживания не только за получением бесплатных услуг, гарантированных государством, но и за услугами за частичную и даже за полную плату.

Функционирование института социального обслуживания лиц третьего возраста, постепенно расширяясь и превращаясь в значимый сегмент рыночных отношений, по-прежнему характеризуется как ограниченный, требующий и государственной поддержки, и сдерживания ценовой конкуренции производителей. При этом, по мнению И. Айзинова, «платежеспособный спрос старших возрастных групп мог бы играть существенную роль в функционировании потребительского сектора, возможно, даже ббльшую, чем других категорий населения» [4, с. 130]. Связано это с тем, что пожилые граждане, во-первых, имеют стабильных доход в виде государственной пенсии по старости, во-вторых, увеличивающийся уровень качества жизни расширяет как спектр возможностей, так и спектр потребностей и у данной возрастной группы, и в-третьих, количество пожилых граждан стабильно увеличивается в последние десятилетия, превращаясь в значимого по численности потребителя.

Отталкиваясь от данных, представленных М. Шевченко, видим, что в настоящее время можно выделить четыре источника, из которых складывается материальное состояние граждан пожилого возраста: продолжение трудовой деятельности, внутрисемейное обеспечение, государственное пенсионное обеспечение и личные сбережения [5, с. 48]. Отмеченная схема пополнения личного бюджета характерна, конечно же, не для всех представителей третьего возраста. Более того, если мы говорим о наличии у гражданина всех четырех источников, то маловероятно, что человек находится в трудной жизненной ситуации и нуждается в посторонней, например государственной, помощи. Самым распространенным материальным доходом пенсионера по возрасту в современной России является гарантированная государством пенсия, размер которой, как правило, невелик. Справедливо подчеркивают М. Маркин и Е. Чефанова, что размер пенсии позволяет гражданам третьего возраста «...приобретать только продукты питания и товары первой необходимости <...> На прочие нужды им приходится искать дополнительные источники дохода» [6, с. 117–118]. Об этом свидетельствуют и результаты наших исследований:

Респондент (Р.): *Пенсия маленькая, прожить на нее невозможно, спасибо, у нас огород и мы еще можем (физически) что-то на нем вырастить. У соседки дети помогают, если б не они, она бы померла* (клиент центра, женщина, 72 года, декабрь 2020 г.).

Р.: *Когда могла, подрабатывала, а сейчас уж 80 лет, не могу, а пенсия вся на лекарства уходит, да на еду немного остается. Даже подарки внукам сделать не могу, кроишь, кроишь все время* (клиент центра, женщина, 81 год, декабрь 2020 г.).

Р.: *...у кого есть, а у кого и нет денег и пенсии не хватает, на лекарства только...* (клиент центра, мужчина, 83 года, январь 2021 г.).

Конечно же, среди респондентов оказались пожилые граждане, не указывающие на недостаток материальных ресурсов, что свидетельствует об институционализированных практиках взаимопомощи в пожилой семье, существенной поддержке со стороны родственников, имеющих накопления, а также о положительной динамике процесса увеличения государственных выплат:

Р.: *Помощь-то оказывают, но и мы сами живем на пенсию, вон, хватает с мужем* (клиент центра, женщина, 83 года, январь 2021 г.).

Р.: *Не езжу почти никуда, так, только в больницу, надо если. Ну это меня на машине возят, такси вызываем и едем. Можем сами заплатить. А то у нас в поселке есть и те, кто и заплатить не может, надо чтобы их кто-то довез незадорого или на автобусе сами едут, или еще как-то. Кого-то дети возят, а у кого, если и детей нет, то как же им добираться, вот тоже никак, не понятно, что делать (клиент центра, женщина, 79 лет, январь 2021 г.).*

Схожие тенденции в данном аспекте отмечают и другие исследователи. Так, А. Ильин и Д. Долженков указывали и на наличие положительной динамики при оценке уровня покупательной способности пенсий пожилых граждан в их регионе, и на ограниченность возможностей населения пожилого возраста на ведение достойной жизни по причине несовершенства механизмов социального обеспечения, определяющих низкий уровень пенсий и их слабую дифференциацию [7, с. 169]. Наши респонденты отмечают, что прибавки к пенсии наблюдаются, но они не являются ощутимыми, реально влияющими на качество жизни пожилых граждан, не увеличивают их платежный потенциал:

Р.: *Ну прибавили они пенсию, ну это ж смешно – копейки (клиент центра, женщина, 77 лет, февраль 2021 г.).*

Р.: *Я, например, не ощущаю прибавок к пенсии (клиент центра, мужчина, 79 лет, февраль 2021 г.).*

Более того, респонденты подчеркивают отставание прибавок к пенсии от реального повышения цен на продукты питания и лекарственные препараты, отмечают, что их платежный потенциал со временем снижается. Справедливо подчеркивает М. Шевченко, что ожидать роста реальных доходов пенсионеров пока не приходится, так как небольшого роста экономики (1,6 %) недостаточно для роста доходов населения [5, с. 53].

Таким образом, можно констатировать, что современные пенсионеры находятся в традиционном для последних десятилетий положении выживания. Данное состояние не характеризуется признаками спокойной старости в заслуженном длительной профессионально-трудовой деятельностью достатке, гарантированном государством и стабильной социально-экономической системой. Соответственно, на данный момент уровень готовности пожилых граждан к полноценному участию в рыночных отношениях в сфере социального обслуживания и полной оплате социальных услуг, если отталкиваться от их доходов, оценивается нами как достаточно низкий.

На сегодняшний день институт социального обслуживания достаточно развит, представляет из себя широкую разветвленную сеть социальных учреждений: различной специализации центры, службы и предприятия, функционирующие в социальной сфере вообще и для пожилых граждан в частности. Социальные службы предоставляют услуги нуждающимся гражданам с учетом строго определенных в законодательстве критериев [8, с. 84]. Услуги могут быть оказаны получателям бесплатно (на основании федерального и регионального законодательства), за частичную плату (на основе тарифов) и за полную плату (также на основе тарифов). Эта практика подтверждается и нашими исследованиями:

Р.: *У нас есть пожилые граждане, которым мы бесплатно предоставляем услуги, так как по закону они считаются той категорией, с которой мы не имеем право брать деньги. Также у нас обслуживаются граждане*

с оплатой услуг, их перечень есть у нас на сайте, там же есть цены, они, кстати, совсем не высокие. Ну и, конечно, мы предлагаем дополнительный перечень услуг, информация также имеется на сайте, за отдельную плату (специалист по социальной работе с пожилыми людьми 2, стаж работы – 11 лет, ноябрь 2020 г.).

В системе финансирования социальной сферы все заметнее наблюдаются поступления от предоставления платных услуг. Этот факт, по мнению И. Романычева, является свидетельством «важнейшего противоречия модернизации социальной защиты – между потребностью клиента в сохранении привычного уровня доступности социальных услуг и объективной необходимостью превращения социального учреждения в хозяйствующего субъекта с предоставлением возможности зарабатывать внебюджетные средства» [9, с. 119]. При этом в сфере социального обслуживания целый ряд социальных услуг, предоставленных в данной области, все еще относится к числу дефицитных, не гарантированных абсолютно каждому человеку [10, с. 16].

По данным О. Виноградова, наибольшим спросом у населения пользуются медико-социальные и социально-бытовые услуги, патронаж, услуги социально-психологической помощи, предусматривающие коррекцию психологического состояния граждан для их адаптации в среде обитания, а также ритуальные услуги [3, с. 60]. Приоритетной же формой социального обслуживания пожилых граждан является предоставление услуг в домашних условиях [2, с. 43] гражданам пожилого возраста, нуждающимся в посторонней помощи вследствие частичной утраты способности к самообслуживанию. В перечень основных входят услуги по организации быта, досуга, питания, по оказанию социально-медицинских и санитарно-гигиенических услуг, а также по организации ритуальных мероприятий.

Данные, представленные Е. Левиной, свидетельствуют о том, что перечнем предоставляемых услуг центрами социального обслуживания в большинстве своем клиенты довольны – 71 % респондентов, что-то не устраивает лишь 0,3 % всех опрошенных [11, с. 121]. Организация работы любого государственного учреждения социального обслуживания строится на соблюдении определенных условий, при этом практики денежного обращения присутствуют в центрах повсеместно, даже если граждане находятся на бесплатном обслуживании:

Р.: *Например, билеты в театры, на концерты, поездки, экскурсии, санатории мы предоставляем социальные, то есть по сниженным ценам, но нужно оплатить часть. Или, например, собираем вечер со сладким столом, то тоже по возможности они тратятся. А так оказание всех необходимых услуг бесплатно (специалист по социальной работе с пожилыми людьми 1, стаж работы – 7 лет, ноябрь 2020 г.).*

Р.: *Мы скидываемся (деньгами) на театральные костюмы для выступлений, ... за свой счет ездим на экскурсии, выставки, ... некоторые ходят на платные компьютерные курсы (клиент центра, мужчина, 70 лет, февраль 2021 г.).*

Тем не менее большого спроса на предложения об оказании платных услуг не наблюдается. Пожилые граждане готовы выступать полноценными участниками взаимоотношений на рыночных основаниях, но по личной

инициативе, оставаясь убежденными в том, что основная часть заботы о пенсионерах должна быть государственной и безвозмездной. Так, по данным опросов коллектива авторов, проведенных среди пожилых граждан еще в первой декаде XXI в., 8 % лиц старше 60 лет самостоятельно не покидают свои квартиры, 8 % не в состоянии осуществить самостоятельно гигиенические процедуры, 58 % пенсионеров оценивают свое здоровье как плохое, 10 % – как очень плохое, 11 % вызывают скорую помощь более 2–3 раз в месяц, 74 % постоянно принимают лекарства и в подавляющем большинстве не согласны получать платные медицинские и социально-бытовые услуги [12, с. 41]. Как правило, речь не идет о высоких тарифах, выставленных учреждениями социального обслуживания, – результаты проведенного исследования Е. Левиной свидетельствуют о том, что стоимость предоставляемых платных услуг оценили как высокую только 3,6 % респондентов, а 53,6 % отметили соотношение цены и качества [11, с. 120]. И хотя автор делает выводы о приемлемости для большинства пожилых граждан цен на предоставляемые платные услуги, мы полученные ею данные интерпретируем более сдержанно, так как ее респонденты подчеркнули лишь соотношение цены и качества, а не доступность стоимости услуг и готовность их приобрести. При этом наши исследования подтверждают мысль о наличии нематериальных факторов недовольства платными услугами:

*Р.: И убирают хорошо, и все остальное тоже. Относятся хорошо. Вот мне повезло конечно с соцработником. Но **минус** все же есть – что **обязательно надо платить**, понимаю, конечно, им за этот труд платить и нужно, но все же думаю, что государство и должно платить, а не мы, старики... (клиент центра, мужчина, 83 года, январь 2021 г.).*

*Р.: Вот, например, в плане того, **кто платит, тем и условия лучше** и все остальное им лучше, а не платишь, то, что есть, то и есть. Как говорится, довольствуйся тем, что есть или что досталось, это не справедливо (клиент центра, женщина, 83 года, январь 2021 г.).*

Таким образом, мы констатируем наличие представлений у граждан третьего возраста о «справедливом и должном» в распределении ответственности за пожилых людей в обществе, выражающемся в нежелании платить за услуги. Наблюдается тенденция балансирования между удовлетворенностью бесплатным перечнем и актуализирующейся потребностью в приобретении необходимой платной социальной услуги. Вместе с тем мы оцениваем данные практики как вполне приемлемые, так как естественным выглядит стратегия праводеспособного человека соизмерять собственный бюджет и личные потребности. Получение дополнительных социальных услуг за полную плату не распространено среди наших опрошенных респондентов, они в них не нуждаются, удовлетворяясь минимальным набором гарантированных государством бесплатных социальных услуг или получая их за частичную оплату:

Р.: Много ли мне надо. Все, что надо мне, соцработник делает, кое-что сама могу. Вот и все. Деньгами не бросаюсь, в дополнительных услугах, тем более за деньги, не нуждаюсь... всю жизнь так жила, по-скромному (клиент центра, женщина, 80 лет, январь 2021 г.).

Тем не менее мы вслед за многими исследователями подчеркиваем высокую социальную значимость развития института социального обслуживания

в направлении рыночноориентированных практик предоставления социальных услуг для пожилых граждан и соглашаемся с мнением Н. Гончаровой в том, что «...потенциальная перспективность рынка услуг лицам старше трудоспособного возраста требует разработки государственной политики его поддержки, включая налоговые льготы для субъектов предпринимательской деятельности, а также предоставление субсидий для создания и стимулирования реального спроса» [13, с. 120]. Популяризация платных услуг – процесс постепенный, связанный, в том числе, и со сменой одного поколения пожилых граждан другим, имеющим опыт функционирования в условиях рыночной экономики, сформировавшим в трудоспособный период накопления и рассчитывающим на собственные ресурсные возможности и, в меньшей степени, планирующим и ожидающим помощь только от государства.

Анализируя процесс коммерциализации социального обслуживания в России в настоящее время, мы вслед за О. Виноградовой отмечаем уже сегодня наличие в деятельности государственных учреждений целого ряда определенных тенденций: сосуществование гарантированных государством услуг по обеспечению минимальных социальных стандартов и платных социальных услуг различного профиля; подчиненный характер экономических свойств социальных услуг (цена, прибыль, рентабельность) по отношению к их общественной значимости; необходимость определения допустимых границ рыночного регулирования в различных секторах социальной работы [3, с. 60]. При этом в рамках институционализации услуг лицам старше трудоспособного возраста наблюдается увеличивающаяся роль некоммерческих организаций и бизнес-организаций. Однако, как справедливо указывает О. Парфенова, в силу относительно низкой рентабельности и недостаточной информированности населения о возможности получения социальных услуг, а также в силу низкого уровня доверия граждан пожилого возраста услугам негосударственных организаций, их доля в общем количестве поставщиков услуг лицам старше трудоспособного возраста невелика [14, с. 30]. Отмеченные факты мы также связываем с традиционными представлениями пожилых граждан о доминирующей роли государства в системе социального обслуживания и о неспособности современного бизнеса функционировать в условиях, где одновременно показатели дохода организации находятся на втором плане, а удовлетворенность клиента и качество предоставляемой услуги – на первом. Опрошенные нами респонденты, пожилые граждане, единогласно отметили, что кардинально ничего не требует изменений в системе государственного социального обслуживания и каких-то конкретных критичных моментов в работе центров не наблюдается:

Р.: *Меня все устраивает, сотрудник у нас хорошая, всем нам помогает* (клиент центра, женщина, 67 лет, январь 2021 г.).

Р.: *Ну, что изменить... главное – хуже бы не стало, а так... все нормально* (клиент центра, мужчина, 69 лет, февраль 2021 г.).

При этом такие показатели, как недостаток специализированного инвентаря (например, игровое, реабилитационное и другое оборудование), отсутствие возможности доставки (транспорта) получателей услуг до здания центра социального обслуживания на концерт или иные празднично-развлекательные мероприятия, не рассматриваются пожилыми гражданами как отрицательные черты именно государственной системы функционирования,

ограниченной сформированным бюджетом. Хотя восполнение данных и других пробелов в монополизированной государством системе и является миссией процесса коммерциализации социальных услуг в современной России. В этом отношении опрошенные нами эксперты, сотрудники центра, более адекватны и прогрессивны, они подчеркнули, что существует необходимость увеличения материальных ресурсов учреждения для более качественного функционирования:

Р.: *Улучшить хотелось бы материальную базу подобных учреждений. Но у нас произошли улучшения, наш центр пополнился спортивным инвентарем, теперь наши клиенты могут брать в аренду скандинавские палочки, самокаты, велосипеды и т.д. Появилась кухня и средства по реабилитации, уходу за тяжелобольными и для их обучения, для пользования предметами быта (специалист по работе с пожилыми людьми 3, стаж работы – 12 лет, ноябрь 2020 г.).*

Все вышесказанное позволяет утверждать, что необходимость в определенных трансформациях в сторону расширения спектра платных услуг наблюдается. Действительно, любая социальная сфера, ограниченная бюджетом, получила бы стимул к развитию в большей степени благодаря сбалансированности государственных и предпринимательских ресурсов. Данные, приведенные Н. Гончаровой, справедливо свидетельствуют о том, что объем совокупного спроса за последние десять лет не может быть признан значимым для развития рынка услуг лицам старше трудоспособного возраста за счет исключительно предпринимательской инициативы, при этом постоянный рост количества субъектов спроса свидетельствует о потенциальной привлекательности данного рынка для отечественных предпринимателей [13, с. 118]. Положительная сторона материальной составляющей в социальной сфере раскрывается не только в возможностях улучшения технического обеспечения учреждений и расширения спектра услуг. Важна роль и в материальной удовлетворенности работающих с получателями услуг сотрудников, опытных и молодых перспективных специалистов, желающих улучшать и развивать систему социального обслуживания. Но это уже тема отдельного самостоятельного исследования.

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, посвященного анализу готовности и ресурсной способности пожилых граждан обращаться к институту социального обслуживания за платными социальными услугами, можно сделать следующие выводы:

1. Современные пенсионеры по-прежнему в качестве основного дохода имеют гарантированную государством пенсию. Соответственно, ее размер позволяет бесплатно получать, а в отдельных случаях покупать (как правило, за частичную плату) минимальный набор гарантированных государством социальных услуг, предоставляемых, опять же, государственными учреждениями социального обслуживания.

2. Характерными чертами получателя социальных услуг пожилого возраста являются:

- патерналистские взгляды на роль государства в сфере социальной работы и социального обслуживания;
- отсутствие критической оценки в функционировании института социального обслуживания в рамках государственных учреждений;

– незаинтересованность в развитии альтернативных участников рынка социальных услуг по причине кажущейся неспособности современного бизнеса функционировать в условиях социальной некоммерческой целевой ориентированности.

3. Востребованность социальных услуг, предлагаемых некоммерческими организациями, социальными предпринимателями, государственными учреждениями за полную плату, не наблюдается. Развитие данного сектора ожидается в результате трансформации социально-экономической структуры третьевозрастной когорты, к характеристикам которой можно будет отнести следующие признаки:

- опыт функционирования в условиях рыночной экономики;
- наличие индивидуальных накоплений или пассивного дополнительного дохода;
- ориентация на собственные ресурсные возможности в отношении оставшейся жизненной траектории.

В результате можно констатировать, что заявленная гипотеза исследования подтвердилась частично, в настоящее время в России граждане пожилого возраста по-прежнему готовы обращаться в институт социального обслуживания за получением бесплатных услуг, гарантированных государством, и за услугами за частичную плату. Услуги, предоставляемые центрами социального обслуживания за полную стоимость, остаются в большинстве своем не востребованными.

Список литературы

1. Андронов И. С. Коммерциализация социальной сферы: тупик или перспективы развития? // Cyberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommertsializatsiya-sotsialnoy-sfery-tupik-ili-perspektivy-razvitiya>
2. Антропова О. И., Жигай А. А. Социальное обслуживание граждан пожилого возраста в России и зарубежных странах // Аллея науки. 2018. Т. 5, № 4 (20). С. 41–45.
3. Виноградова О. Е. Диверсификация услуг и сервисов как стратегия конкуренции в социальной сфере // Вестник государственного университета Дубна. Сер.: Науки о человеке и обществе. 2020. № 2. С. 56–63.
4. Айзинова И. М. Социально-экономические проблемы старшего поколения: Качество жизни населения старших возрастов // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4. С. 121–131.
5. Шевченко М. В. Способы материального обеспечения пенсионеров // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2019. № 1 (46). С. 46–55.
6. Маркин М. Е., Чефанова Е. И. Социальное значение денег для пенсионеров в российской деревне // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5 (159). С. 112–129.
7. Ильин А. Е., Долженков Д. В. Потребительская способность пенсий в регионе // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2018. № 5. С. 166–169.
8. Кицай Ю. А. Конкуренция в социальной сфере как объект правового регулирования // Актуальные проблемы права : материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2016 г.). М. : Буки-Веди, 2016. С. 83–86. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/224/11199>
9. Романычев И. С. Фрейм-анализ развития платного социального обслуживания пожилых граждан // Дискуссия. 2012. № 12 (30). С. 118–122.

10. Беззубко Л. В. Социальная защита пенсионеров в условиях социального государства // Вестник Уфимского государственного университета экономики и сервиса. Наука, образование, экономика. Сер.: Экономика. 2015. № 2 (12). С. 12–18.
11. Левина Е. В. О введении платных социальных услуг, предоставляемых территориальными центрами социального обслуживания населения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 5-2. С. 115–120.
12. Кононова И. В., Камкин Е. Г. Механизмы и формы взаимодействия системы здравоохранения и социальной защиты в Российской Федерации по улучшению качества жизни пожилых // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2014. № 3 (51). С. 40–43.
13. Гончарова Н. Л. Атрибуты рынка услуг лицам старше трудоспособного возраста // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 32 (6). С. 117–125.
14. Парфенова О. А. Ключевые агенты заботы о пожилых в современной России // Петербургская социология сегодня. 2019. № 11. С. 23–35.

References

1. Andronov I.S. Social commercialization: deadlock or development prospects? *Cyberleninka*. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommertsializatsiya-sotsialnoy-sfery-tupik-ili-perspektivy-razvitiya>
2. Antropova O.I., Zhigay A.A. Social services for senior citizens in Russia and foreign countries. *Alleya nauki = Alley of Science*. 2018;5(4):41–45. (In Russ.)
3. Vinogradova O.E. Diversification of services and services as a strategy of competition in the social sphere. *Vestnik gosudarstvennogo universiteta Dubna. Ser.: Nauki o cheloveke i obshchestve = Bulletin of Dubna State University. Series: sciences on human and society*. 2020;(2):56–63. (In Russ.)
4. Ayzinova I.M. Socio-economic problems of the older generation: Quality of life of the older population. *Problemy prognozirovaniya = Forecasting problems*. 2017;(4): 121–131. (In Russ.)
5. Shevchenko M.V. Ways of material support for pensioners. *Nauchnyy vestnik: finansy, banki, investitsii = Scientific bulletin: finance, banks, investments*. 2019;(1):46–55. (In Russ.)
6. Markin M.E., Chefanova E.I. The social significance of money for pensioners in the Russian countryside. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Public opinion monitoring: economic and social change*. 2020;(5): 112–129. (In Russ.)
7. Il'in A.E., Dolzhenkov D.V. Consumer capacity of pensions in the region. *Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii = Bulletin of Kursk State Agricultural Academy*. 2018;(5):166–169. (In Russ.)
8. Kitsay Yu.A. Competition in the social sphere as an object of legal regulation. *Aktual'nye problemy prava: materialy V Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, dekabr' 2016 g.) = Actual problems of law: proceedings of the 5th International scientific conference (Moscow, December, 2016)*. Moscow: Buki-Vedi, 2016:83–86. (In Russ.). Available at: <https://moluch.ru/conf/law/archive/224/11199>
9. Romanychev I.S. Frame analysis of the development of paid social services for senior citizens. *Diskussiya = Discussion*. 2012;(12):118–122. (In Russ.)
10. Bezzubko L.V. Social protection of pensioners in a welfare state. *Vestnik Ufimskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Ser.: Ekonomika = Bulletin of Ufa State University of Economics and Service. Science, education, economics. Series: Economics*. 2015;(2):12–18. (In Russ.)
11. Levina E.V. On the introduction of paid social services provided by territorial centers of social services for the population. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual issues of the humanities and natural sciences*. 2017;(5-2):115–120. (In Russ.)

12. Kononova I.V., Kamkin E.G. Mechanisms and forms of interaction between the health care system and social protection in the Russian Federation to improve the quality of life of the elderly. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta = Bulletin of Volgograd State Medical University*. 2014;(3):40–43. (In Russ.)
13. Goncharova N.L. Attributes of the market for services to persons over employment age. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural and humanitarian research*. 2020;(32):117–125. (In Russ.)
14. Parfenova O.A. Key Agents of elderly care in contemporary Russia. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya = Petersburg sociology today*. 2019;(11):23–35. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Тимур Вадудович Темаев

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Россия, г. Саратов, ул. Большая Казачья, 120)

E-mail: timur_temaev@mail.ru

Timur V. Temaev

Doctor of sociological sciences, professor of the sub-department of sociology of social work, Saratov State University (120 Bolshaya Kazachya street, Saratov, Russia)

Ольга Петровна Сынкина

аспирант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Россия, г. Саратов, ул. Большая Казачья, 120)

E-mail: synkina.olga@mail.ru

Olga P. Synkina

Postgraduate student, Saratov State University (120 Bolshaya Kazachya street, Saratov, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 07.04.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.05.2021

Принята к публикации / Accepted 09.06.2021

УДК 314

doi:10.21685/2072-3016-2021-3-10

Репродуктивные установки молодежи Пензенской области: разрыв между ожидаемым и желаемым

Н. В. Розенберг¹, А. М. Иванишко²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹elya@sura.ru, ²annadeenn@gmail.com

Аннотация. *Актуальность и цели.* Сложная демографическая ситуация в современной России, характеризующаяся низкой рождаемостью, откладыванием деторождений, нормализацией сожительства, обуславливает необходимость изучения репродуктивных установок молодежи, в том числе и на региональном уровне. Цель работы – выявить тенденции в репродуктивных установках молодежи Пензенской области, сравнить показатели ожидаемого и желаемого числа детей. *Материалы и методы.* Для выделения репродуктивных установок и зарубежные, и российские исследователи используют такие понятия, как идеальное, желаемое и ожидаемое число детей. В рамках настоящей работы были проанализированы данные, полученные в ходе социологического опроса «Брак и сожительство». Вопросы исследования были нацелены в том числе и на выявление установок относительно числа детей: идеального, желаемого, ожидаемого. *Результаты.* В результате анализа теоретического материала и данных исследования была подтверждена гипотеза о разрыве между желаемым и ожидаемым числом детей. Репродуктивные установки молодежи Пензенской области характеризуются ориентацией на двухдетную модель семьи. Образцы семьи с одним ребенком и семьи без детей не находят большой поддержки в качестве желаемых, однако часто упоминаются как ожидаемые. *Выводы.* Общая картина, полученная в результате исследования, говорит о соответствии репродуктивных установок молодежи Пензенской области общероссийским тенденциям. Важной характеристикой является значимый разрыв между ожидаемым и желаемым числом детей. В большинстве случаев желаемое число детей – это прожективный показатель, который ориентирован на внутренние эмоционально-когнитивные установки без учета реальной социально-экономической ситуации и жизненных условий.

Ключевые слова: семья, молодежь, демографические тенденции, репродуктивная установка, ожидаемое число детей, желаемое число детей

Для цитирования: Розенберг Н. В., Иванишко А. М. Репродуктивные установки молодежи Пензенской области: разрыв между ожидаемым и желаемым // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 109–117. doi:10.21685/2072-3016-2021-3-10

Reproductive attitudes of the youth in Penza region: the gap between the expected and the desired

N.V. Rozenberg¹, A.M. Ivanishko²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹elya@sura.ru, ²annadeenn@gmail.com

Abstract. *Background.* The article deals with the demographic situation in modern Russia that characterized by low fertility, postponing childbirth, normalization of cohabitation.

© Розенберг Н. В., Иванишко А. М., 2021. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

That's why much attention is given to the necessities of studying the reproductive attitudes of the youth at the regional level. The purpose of the work is to identify trends in the reproductive attitudes of young people in Penza region and to compare the indicators of the expected and desired number of children. *Materials and methods.* The text gives valuable information on reproductive attitudes that consist of the ideal, desired and expected number of children. Within the framework of this work, the data obtained in the course of the sociological survey "Marriage and Cohabitation" were analyzed. Data are given about identifying attitudes regarding the number of children: ideal, desired, expected. *Results.* As a result of the theoretical material and research data analysis, the hypothesis of the gap between the desired and expected number of children was confirmed. The reproductive attitudes of young people in the Penza region are characterized by an orientation toward a two-child family model. The patterns of a family with one child and a family without children do not find much support as desired, however, they are often referred to as expected. *Conclusions.* It is shown that the reproductive attitudes of the youth in Penza region correspond to all-Russian tendencies. An important characteristic is the significant gap between the expected and desired number of children. In most cases, the desired number of children is a projective indicator that focuses on internal emotional-cognitive attitudes without taking into account the real socio-economic situation and living conditions.

Keywords: family, youth, demographic trends, reproductive attitudes, expected number of children, desired number of children

For citation: Rozenberg N.V., Ivanishko A.M. Reproductive attitudes of the youth in Penza region: the gap between the expected and the desired. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;(3):109–117. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-3-10

Демографическая установка – это устойчивая склонность личности поступать так, а не иначе в вопросах брачных и репродуктивных отношений. Будучи сложным и многоаспектным объектом, она формируется не только под влиянием конкретных жизненных условий, на нее влияет весь жизненный опыт, накопленный в процессе социализации личности [1]. Примечательно, что определяющими являются именно те условия, в которых формировалась личность. Это обусловлено инерцией взглядов и привычек. Таким образом, демографическая установка является прочным набором убеждений, сформировавшихся в процессе формирования личности и с трудом поддающихся кардинальным изменениям.

Комплекс демографических установок включает в себя брачные установки, репродуктивные установки и установки мобильности (социальной, территориальной). В рамках научной дискуссии о репродуктивных установках рассматриваются как вопросы о методологии их исследования, так и теоретические основы и обоснованность использования тех или иных показателей. И зарубежные, и российские исследователи используют такие понятия, как идеальное, желаемое и ожидаемое число детей [2].

Обширный опыт, накопленный российской и советской демографией, позволяет изучить предпочтения различных социальных групп относительно вероятного числа детей и сравнить эти предпочтения с фактической рождаемостью. Определяющим в отечественном подходе к анализу репродуктивной установки является понятие потребности в детях и убеждение, что индивид может испытывать социально-психологические затруднения без наличия детей или их желаемого количества. Много внимания уделяется внутренней

структуре потребности в детях и ее разграничению с другими потребностями человека.

Степень выраженности потребности в детях и формирует репродуктивную установку, которая может быть выражена с помощью системы трех показателей: идеального, желаемого и ожидаемого числа детей [3]. Идеальное число детей – это когнитивная компонента репродуктивной установки, формирующаяся с ориентацией на социальные нормы. На представления об идеальном числе детей влияют нормы, усвоенные в процессе социализации (наиболее влиятельные и с трудом поддающиеся изменениям); нормы, распространенные в близком окружении, и нормы эталонной группы [4].

Желаемое – когнитивно-эмоциональная компонента, ожидаемое – практическая компонента (установка действия). Характерной чертой практического воплощения данного теоретического подхода выступают рекомендации включать в обследования все три вопроса и желательно подряд. Считается, что только в этом случае респондент будет различать эти понятия, в то время как при неполном наборе вопросов создается возможность для их смешения (рис. 1). Согласованность показателей отражает гармоничность установки в целом, а «более гармоничные установки более устойчивы, и семейные планы в этом случае точнее реализуются» [4].

Рис. 1. Структура репродуктивной установки

Именно желаемое число детей долгое время находилось в центре внимания исследователей. И российские, и зарубежные ученые убеждены, что желаемое число детей наиболее точно отражает индивидуальную потребность

в детях [5]. Следовательно, этот показатель максимально близок к числовому выражению репродуктивной установки детности. Однако в странах с низкой рождаемостью (к которым относится и Россия) желаемое число детей всегда оказывается ниже фактического. В таких случаях сказывается разница между желаемым и ожидаемым числом детей [6].

В рамках социологического опроса «Брак и сожителство» было опрошено 520 респондентов, проживающих в г. Пензе и Пензенской области. Вопросы исследования были нацелены в том числе и на выявление установок относительно числа детей: идеального, желаемого, ожидаемого. Критерием отбора респондентов стал возраст (от 18 до 35 лет) и наличие отношений – фактических или зарегистрированных официально.

Отвечая на вопрос, «Хотели бы вы иметь детей в текущих условиях? И если да, то сколько?», респонденты ориентировались на свои представления об ожидаемом числе детей (рис. 2). Самым популярным ответом стал вариант «Двоих детей» (26,9 %), почти столько же раз выбирали вариант «Одного ребенка» (25 %), третья по распространенности установка – «Я не хочу иметь детей» (18,3 %). Результаты опроса показывают, что большинство респондентов предпочитают двухдетную модель семьи. Вариант, подразумевающий нежелание иметь даже одного ребенка, идет вразрез со среднероссийскими нормами. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), только 6 % россиян относят себя к «чайлдфри», в то же время в 2005 г., согласно результатам прошлых исследований ВЦИОМ, их практически не было. По информации социально-демографического обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ) 2007 г., добровольная бездетность в России также не находила широкого распространения и отказ от рождения ребенка посчитали предпочтительным вариантом только 2 % респондентов [7].

ОЖИДАЕМОЕ И ЖЕЛАЕМОЕ

число детей

Рис. 2. Желаемое и ожидаемое число детей по данным опроса «Брак и сожителство»

На этом фоне полученные данные – 18,3 % опрошенных, которые не хотят иметь детей, – выглядят достаточно внушительными. Это объясняется возрастом респондентов – в исследовании принимали участие люди от 18 до 35 лет. Учитывая растущую популярность отложенных деторождений, вполне логично, что все больше молодежи не готово к рождению детей [8].

Однако главным основанием популярности ответа о нежелании становиться родителем является сама суть вопроса, который был нацелен на определение ожидаемого в настоящий момент числа детей. На ожидаемое число детей влияет материальное положение, уровень коммуникации с партнером, обстановка в стране и в мире, состояние здоровья и жилищные условия [9]. Этот параметр, как правило, ниже желаемого числа детей, но ближе к реальному, реализуемому.

Вопрос о желаемом числе – «Представьте себе ситуацию, в которой вы не ограничены материальными, жилищными и другими условиями – ваша жизнь складывается как нельзя лучше. Хотели бы вы иметь детей в таком случае? И если да, то сколько?» – позволил респондентам отбросить сдерживающие установки и предположить, сколько детей они бы действительно хотели иметь. Отвечая на этот вопрос, опрошенные были более смелыми в своих репродуктивных планах.

Самым распространенным по-прежнему остался вариант «Двое детей» (37,5 %). По сравнению с предыдущим вопросом, о желании иметь троих детей упомянули гораздо больше респондентов – 31,7 %, этот ответ на втором месте по распространенности. Одинаково часто выбирали утверждения об одном и о четырех и более детях – 8,7 % набрали оба варианта. Доля потенциальных «чайлдфри» значительно сократилась – до 2,9 %.

Было прогнозируемо, что желаемое число детей окажется выше ожидаемого числа детей. Идеальные условия, которые являются фоном для установки о желаемом числе детей, формируют ресурс для большего количества деторождений. Если в вопросе об ожидаемом числе детей практически одинаковое количество респондентов упомянули об одном или двух (25 и 26,9 %), то, говоря о желаемом уровне детности, чаще выбирали двух- и трехдетную модель семьи (37,5 и 31,7 %).

Еще одно значимое различие – уменьшение доли респондентов, планирующих иметь только одного ребенка. Стало меньше и тех, кто вообще не хочет иметь детей. В то же время малодетность является нормой в современном обществе. Больше половины российских семей воспитывают только одного ребенка, при этом родители не планируют появление последующих детей, аргументируя это отсутствием необходимого количества денежных средств, нехваткой времени и сил, неподходящими жилищными условиями [10]. Если в 2002 г. среди всех российских семей с детьми 65,2 % приходилось на однодетные, то уже в 2015 г. их стало меньше – 59,8 %. За этот же период доля семей с двумя детьми увеличилась с 28,1 до 31,1 %, а многодетные семьи (с тремя и более детьми) – с 6,6 до 9,1 %.

Общероссийские данные о количестве детей в семьях соотносятся с репродуктивными установками молодежи Пензенской области. В ответах на вопрос об ожидаемом числе детей мнения респондентов распределились практически в том же соотношении, которое соответствует реальной картине в российских семьях. В то же время ответы на вопрос о желаемом числе детей далеки от текущей демографической ситуации, что подтверждает гипотезу

о том, что желаемое число детей является прожективным показателем, который большинство, к сожалению, не способно воплотить в жизнь.

Наибольшая разница в ожидаемом и желаемом числе детей наблюдается между утверждениями об одном ребенке и о трех детях (табл. 1). Если в текущей ситуации 25 % респондентов готовы к появлению только одного ребенка, то в более комфортных условиях людей, выбирающих однодетную модель семьи, было бы гораздо меньше – 8,7 %. Наиболее значимый разрыв мнений наблюдается относительно трехдетной модели семьи. В идеальном случае 31,7 % респондентов хотели бы иметь троих детей, однако фактические условия позволяют планировать такое количество деторождений только 12,5 %.

Таблица 1
Разница между желаемым и ожидаемым числом детей, в процентах

Варианты ответа	Ожидаемое число детей	Желаемое число детей	Разница ответов
Я не хочу иметь детей	18,3	2,9	-15,4
Одного ребенка	25	8,7	-16,3
Двоих детей	26,9	37,5	+10,6
Троих детей	12,5	31,7	+19,2
Четверых и более детей	2,9	8,7	+5,8
Загрудняюсь ответить	14,4	2,9	-11,5

Оценка размера и состава семьи также может многое рассказать об установках относительно детности. Респондентам было предложено отметить, какое количество детей, по их мнению, соответствует маленькой, средней и большой семье. Среди вариантов были как соответствующие чайлдфри-установкам, так и подходящие людям с ориентацией на большое количество детей (рис. 3).

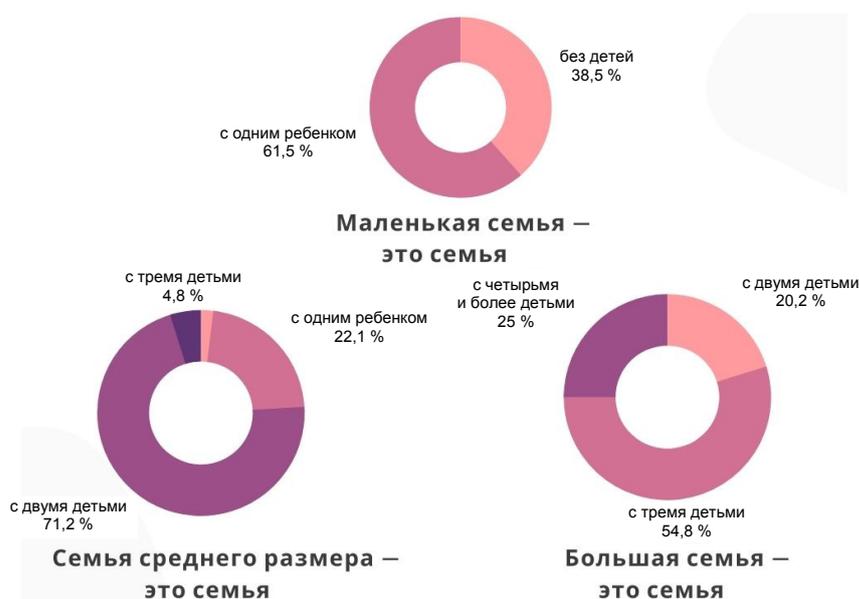

Рис. 3. Размер и состав семьи по данным опроса «Брак и сожителство»

В вопросе о составе маленькой семьи респонденты разделились на две группы. Представители первой (38,5 %) назвали маленькой семьей, в которой нет детей. В то же время 61,5 % респондентов отметили, что для них типичный образ маленькой семьи – это семья с одним ребенком. Можно предположить, что респонденты из второй группы имеют более высокие установки детности и нацелены на большее количество детей.

Во мнении относительно семьи среднего размера опрошенные были более единодушны – 71,2 % респондентов посчитали, что в ней присутствует двое детей. Двухдетная модель семьи считается наиболее желанной в современном российском обществе [11]. Однако реализовать свои планы могут не все, что подтверждает преобладание однодетных семей в структуре российских домохозяйств. Кроме того, 22,1 % респондентов считают, что семья среднего размера – это семья с одним ребенком. Именно вопрос о семье среднего размера наилучшим образом репрезентует социальные нормы, усвоенные респондентом. Средний размер ассоциируется с типичностью, общепринятыми нормами. Описывая семью такого типа, респонденты обращаются к собственным стандартам семьи, которые были усвоены в процессе социализации. Как правило, ответ на этот вопрос совпадает с установками относительно идеального числа детей.

Семья большого размера, по мнению половины респондентов (54,8 %), – это семья с тремя детьми. Двухдетные семьи считают большими 20 % респондентов. В то же время четверть опрошенных могут назвать семью большой только в том случае, если в ней присутствует четверо и более детей. Ответившие подобным образом имеют более высокие установки относительно детности в целом.

Общая картина, полученная в результате опроса, выглядит, с одной стороны, довольно оптимистичной, а с другой – поднимает вопрос относительно уровня жизни населения, который не позволяет большинству реализовать свои репродуктивные намерения.

Однодетную модель семьи «добровольно» в идеальных условиях готовы выбрать меньше 10 % молодежи. Однако наличие только одного ребенка в семье – это современная реальность, в которой живет больше половины населения России. Вероятно, в течение жизненного цикла по мере столкновения с проблемами финансового, жилищного, профессионального и психологического характера люди склонны делать свой выбор в сторону меньшего количества детей, считая, что они просто не могут позволить себе семью с более чем одним ребенком. Однодетную семью считает нормой («семьей среднего размера») 22,1 % опрошенных, в то же время 61,5 % убеждены, что семья с одним ребенком – это маленькая семья.

Двухдетную модель семьи выбрали в качестве ожидаемой 26,9 % и в качестве желаемой 37,5 % респондентов. По сравнению с установками относительно другого количества детей, ориентация на двухдетную семью достаточно стабильна, разрыв между ожидаемым и желаемым составляет всего 10 %. Это подтверждает гипотезу о том, что с середины 2010-х гг. в России наметилось движение в сторону модели двухдетной семьи.

Трехдетная модель, как правило, остается труднореализуемой в современном обществе [12]. Именно по этому показателю наблюдается самый большой разрыв между ожидаемым и желаемым – 19,2 %. В то же время

семью с тремя детьми считают «семьей среднего размера» только 4,8 % респондентов. Современная молодежь считает, что иметь троих детей – это то, к чему можно стремиться, однако реальные трехдетные семьи считаются скорее исключением из правил, чем нормой и стандартом.

Репродуктивные установки молодежи Пензенской области отличаются ориентацией на двухдетную модель семьи. Образцы семьи с одним ребенком и семьи без детей не находят большой поддержки в качестве желаемых, однако часто упоминаются как ожидаемые. Настораживает большой разрыв между ожидаемым и желаемым числом детей – как правило, реальное число детей оказывается ближе к ожидаемому, поскольку желаемое число детей – это прожективный показатель, который ориентирован на внутренние эмоционально-когнитивные установки без учета реальной социально-экономической ситуации и жизненных условий.

Список литературы

1. Антонов А. И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изменений и социального неравенства // *Семья и демографические исследования*. 2014. № 1. С. 3–20.
2. Антонов Г. В. Основные факторы формирования демографических установок населения современной России // *Вестник Московского университета. Сер. 18, Социология и политология*. 2015. № 4. С. 169–182.
3. Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М. : Статистика, 1972. 144 с.
4. Архангельский В. Н. Факторы рождаемости / Центр по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ. М. : ТЕИС, 2006. 399 с.
5. Тындик А. О. Репродуктивные установки и их реализация в современной России // *Журнал исследований социальной политики*. 2012. Т. 10, № 3. С. 361–376.
6. Бодрова В. В. Сколько детей хотят иметь россияне? // *Электронная версия бюллетеня «Население и общество»*. 2002. № 81–82.
7. Хачатрян Л. А. Тенденции изменения современной российской семьи // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2014. № 4 (20). С. 111–120.
8. Тольц М. С., Антонова О. И., Андреев Е. М. Рождаемость и трансформация семьи в современной России // *Вопросы статистики*. 2005. № 7. С. 51–60.
9. Балабанов С. С., Наук Б., Саралиева З. Х.-М. Типология мотивов иметь или не иметь детей // *Социс*. 2009. № 3. С. 129–136.
10. Малева Т., Тындик А. Ловушка низкой рождаемости в Москве: высокообразованные бездетные // *Регион: экономика и социология*. 2014. № 2 (82). С. 116–136.
11. Гурко Т. А. Репродуктивные планы супругов // *Социологические исследования*. 2014. № 9. С. 77–85.
12. Скрыбина Я. А. Особенности репродуктивного поведения населения в условиях трансформационной российской экономики : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Уфа, 2011. 259 с.

References

1. Antonov A.I. Institutional crisis of the family and family-demographic structures in the context of social changes and social inequality. *Sem'ya i demograficheskie issledovaniya = Family and demographic studies*. 2014;(1):3–20. (In Russ.)
2. Antonov G.V. The main factors in the formation of demographic attitudes of the population of modern Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18, Sotsiologiya i politologiya = Bulletin of Moscow University. Series 18, Sociology and politology*. 2015;(4):169–182. (In Russ.)

3. Belova V.A., Darskiy L.E. *Statistika mneniy v izuchenii rozhdaemosti = Opinion statistics in the study of fertility*. Moscow: Statistika, 1972:144. (In Russ.)
4. Arkhangel'skiy V.N. *Faktory rozhdaemosti = Fertility factors*. Tsentr po izucheniyu problem narodonaseleniya ekonomicheskogo fakul'teta MGU. Moscow: TEIS, 2006: 399. (In Russ.)
5. Tyndik A.O. Reproductive attitudes and their implementation in modern Russia. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki = Journal of social policy research*. 2012; 10(3):361–376. (In Russ.)
6. Bodrova V.V. How many children do Russians want to have? *Elektronnaya versiya byulletenya «Naselenie i obshchestvo» = Electronic version of the Bulletin "Population and society"*. 2002;(81–82). (In Russ.)
7. Khachatryan L.A. Trends of change in the modern Russian family. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya = Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2014;(4):111–120. (In Russ.)
8. Tol'ts M.S., Antonova O.I., Andreev E.M. Fertility and family transformation in modern Russia. *Voprosy statistiki = Statistics issues*. 2005;(7):51–60. (In Russ.)
9. Balabanov S.S., Nauk B., Saralieva Z.Kh.-M. Typology of motives to have or not have children. *Sotsis. = Sotsis*. 2009;(3):129–136. (In Russ.)
10. Maleva T., Tyndik A. Low fertility trap in Moscow: highly educated childless. *Region: ekonomika i sotsiologiya = Region: economics and sociology*. 2014;(2):116–136. (In Russ.)
11. Gurko T.A. Spouses' reproductive plans. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2014;(9):77–85. (In Russ.)
12. Skryabina Ya.A. Features of the reproductive behavior of the population in the conditions of the transformational Russian economy. PhD dissertation. Ufa, 2011:259. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Владимировна Розенберг

доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии
и социальных коммуникаций,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: elya@sura.ru

Natal'ya V. Rozenberg

Doctor of philosophical sciences, associate
professor, head of the sub-department
of philosophy and social communications,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Анна Михайловна Иваннико

аспирант, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: annadeenn@gmail.com

Anna M. Ivanishko

Postgraduate student, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 31.03.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 01.06.2021

Принята к публикации / Accepted 24.08.2021

УДК 316

doi:10.21685/2072-3016-2021-3-11

Возможности повышения качества и эффективности ресоциализации наркозависимых лиц

С. М. Тихомиров

Экспертно-правовой центр «Куаттро», Санкт-Петербург, Россия

tikhomirovspb@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Продолжающийся рост потребления наркотиков в России актуализировал необходимость улучшения качества и эффективности социальной помощи наркозависимым лицам. Их осуждение за преступления, совершенные в сфере незаконного оборота наркотиков, сопровождается стигматизацией и эксклюзией из общества. Одной из длительно существующих проблем является соблюдение прав наркозависимых при возвращении их в общество. Цель работы – установить значимость социальных факторов в процессе ресоциализации наркозависимых лиц. *Материалы и методы.* Выполнение задач исследования было осуществлено с помощью применения сравнительного анализа. Результаты оценки квалиметрическим методом воздействия социальных факторов на поведение в процессе проведения ресоциализационных мероприятий сравнивались в двух группах реабилитантов. Сопоставлялось также нормативно-правовое обеспечение оказания социальных услуг на свободе и в местах принудительной изоляции. *Результаты.* Выявлены основные факторы, наличие которых повышает качество и эффективность ресоциализации наркозависимых лиц – восстановление контактов и отношений с родными, близкими и другими социально значимыми лицами, обмен информацией с территориальными социальными службами, проведение трудового обучения, трудоустройство, желательно на основе квоты, а также возможности их реализации. *Выводы.* Изучение процесса ресоциализации наркозависимых позволило выяснить, что повышения качества и эффективности социальной помощи наркозависимым лицам возможно при договорном межведомственном взаимодействии территориальных социальных служб, наркологических учреждений и уголовно-исполнительных инспекций.

Ключевые слова: наркозависимые лица, реадaptация, ресоциализация, анализ деффектов, проблемы трудоустройства, стигматизация, возможности улучшения

Для цитирования: Тихомиров С. М. Возможности повышения качества и эффективности ресоциализации наркозависимых лиц // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 118–126. doi:10.21685/2072-3016-2021-3-11

Opportunities to improve the quality and efficiency of drug addicts' resocialization

S.M. Tikhomirov

Legal center “Quattro”, Saint Petersburg, Russia

tikhomirovspb@mail.ru

Abstract. *Background.* The continuing growth of drug use in Russia has made it necessary to improve the quality and effectiveness of social assistance to drug addicts. Their conviction for crimes committed in the field of drug trafficking is accompanied by stigmatization

© Тихомиров С. М., 2021. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

and exclusion from society. One of the long-standing problems is the observance of the rights of drug addicts when they return to society. The purpose of the research is to establish the significance of social factors in the process of re-socialization of drug addicts. *Materials and methods.* The tasks of the study were carried out using comparative analysis. The results of the qualimetric assessment of the impact of social factors on behavior during resocialization measures were compared in two groups of rehabilitators. The normative and legal support for the provision of social services in freedom and in places of forced isolation was also compared. *Results.* The main factors that improve the quality and effectiveness of drug-dependent persons' resocialization are identified – the restoration of contacts and relationships with relatives, friends and other socially significant persons, the exchange of information with territorial social services, the conduct of labor training, employment, preferably on the basis of quotas, as well as the possibility of their implementation. *Conclusions.* The study of the process of drug addicts' resocialization allowed us to find out that improving the quality and effectiveness of social assistance to drug addicts is possible with the contractual interdepartmental interaction of territorial social services, drug treatment institutions and penal enforcement inspections.

Keywords: drug addicted persons, recovery, resocialization, defects, employment problems, stigmatization, opportunities for improvement

For citation: Tikhomirov S.M. Opportunities to improve the quality and efficiency of drug addicts' resocialization. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;(3): 118–126. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-3-11

Введение

Начало XXI в. характеризовалось в России заметным увеличением масштабов потребления наркотиков и наркопреступности. Основными причинами роста интенсивности этих негативных явлений явились:

- синтезирование и распространение новых дешевых наркотиков, преимущественно психостимуляторов и галлюциногенов, быстро ставших «модными» в молодежной среде;
- переход от кустарного изготовления наркотиков к их подпольному промышленному производству;
- прекращение государственного финансирования федеральных целевых программ профилактики потребления наркотиков в общеобразовательных учреждениях;
- изменение общественного мнения о потреблении наркотиков с негативного на безразличное.

Государство дополнительно ввело в качестве меры сдерживания наркотизации людей применение такой принудительной меры медицинского характера к наркозависимым лицам, как принудительное лечение и медико-социальную реабилитацию без лишения свободы и изоляции от общества с отсрочкой исполнения приговора. Реализация этой меры была возложена на наркологическую службу Министерства здравоохранения России (МЗ РФ). В МЗ разработаны методические рекомендации по организации и реализации принудительных медицинских мер к наркозависимым лицам в учреждениях здравоохранения [1]. Дополнительно Государственным антинаркотическим комитетом (ГАК) утверждены на заседании от 25 июня 2014 г. протоколом № 24 п. 2.1 «Критерии оценки качества услуг по социальной реабилитации и ресоциализации лиц, допускающих незаконное потребление наркотических

средств и психотропных веществ»¹. Определены и стандартизированы социальные услуги для лиц, потребляющих психоактивные вещества, а также членов их семей². Отдельным приказом Министерства юстиции России (МЮ РФ) утвержден порядок оказания социальной помощи лицам, отбывающим наказание за совершенные преступления в исправительных учреждениях (ИУ). Целью этой работы явился сравнительный анализ структуры, процесса и результатов ресоциализации наркозависимых лиц в рамках принудительного лечения в условиях нахождения в ИУ и реабилитационном центре без изоляции от общества для нахождения дефектов и формулирование предложений по улучшению качества и эффективности ресоциализации.

Материалы и методы исследования

Проведено исследование нормативно-правовой базы реализации принудительного лечения и медико-социальной реабилитации наркозависимых лиц в условиях пребывания в ИУ, расположенных в Ленинградской области, и нахождения на свободе с отсрочкой приговора в государственном наркологическом реабилитационном центре г. Санкт-Петербурга. Характеристики исследуемых в обеих группах по их социально-демографическим данным были гомогенными по всем релевантным переменным, все они были мужчинами совершеннолетнего возраста.

Исследование качества оказываемой реабилитантам социальной помощи осуществлялось с помощью общенаучных методов: статистического и сравнительного анализа, социологического исследования. Качество социальной помощи, ее эффективность и результативность определялись методом социальной квалиметрии. Оценка качества проводилась на основании триады индикаторов качества: ресурсы (структура и условия), процесс, результат [2], позволяющих интегрально оценивать качество социальных услуг, предоставляемых в целях социальной реабилитации наркозависимым лицам.

В качестве ресурсов оценивалась материально-техническая база учреждений, в которых проводилась реабилитация, – необходимые помещения, оборудование, сервисные условия, уровень подготовки и компетентность, профессионализм социальных работников.

Процесс выполнения мер, направленных на восстановление у реабилитантов способностей к инклюзии в социум, оценивался с учетом возможностей, предоставляемых реализацией норм и правил федеральных и региональных законов, а также ведомственных правовых и нормативных актов, государственных стандартов, регламентов, инструкций, методических указаний, доступа к современным технологиям социальной работы, полноты применения возможностей социальной реабилитации для наркозависимых лиц.

¹ Критерии оценки качества услуг по социальной реабилитации и ресоциализации лиц, допускающих незаконное потребление наркотических средств и психотропных веществ : протокол заседания Государственного антинаркотического комитета от 25 июня 2014 г. № 24. М., 2014. 20 с.

² ГОСТ Р54990–2012. Социальное обслуживание населения. Реабилитационная услуги лицам, зависимым от наркотических средств, психотропных веществ и алкоголя. Основные виды социальных услуг. Утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 18 сентября 2012 г. № 327-ст // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200095491>

Результаты социальной реабилитации оцениваются при сравнении необходимых ориентиров с фактически достигнутыми результатами по восстановлению правопослушного поведения и трезвого, здорового образа жизни, отсутствию рецидивов преступной деятельности и потребления наркотических средств и психотропных веществ, трудоустройству, нормализации отношений с родственниками и другими социально значимыми лицами.

Результаты и обсуждение

Значительные различия имеются в условиях содержания в период реабилитации между содержащимися в ИУ и оставшимися в условиях свободы. Проживание заключенных в ИУ обеспечивается в общежитиях казарменного типа без границ между личными пространствами. Сохранение свободы не препятствует проживанию реабилитантов по месту регистрации, в привычных им бытовых условиях, совместно с социально значимыми для них лицами.

Материально-техническая база для проведения ресоциализации наркозависимых лиц в ИУ отсутствует. В качестве помещений для этой деятельности задействуются помещения клуба, классы школы. Законы о проведении ресоциализационных мероприятий в ИУ не подкреплены выделением бюджетных средств для строительства зданий, закупки оборудования, т.е. для создания реабилитационных центров, для организации их работы не были выделены должности специалистов.

Наркологические реабилитационные центры МЗ РФ располагают лицензированным комплексом помещений и оборудования для проведения индивидуальных и групповых мероприятий с реабилитантами и технических устройств для просмотра видеоматериалов, персональных компьютеров, позволяющих применять в ресоциализационных целях информацию из сети Интернет.

Сопоставление содержания законодательных и ведомственных нормативно-правовых документов по ресоциализации лиц с наркотической зависимостью с реальной ситуацией выявило ряд существенных недостатков в возможности регулирования и обеспечения эффективности и качества социальной помощи указанным лицам. Приказ МЮ о создании в ИУ групп социальной защиты осужденных не содержит требований участия социальных работников в реабилитации и ресоциализации лиц с наркологическими проблемами, ограничивая помощь им содействием в установлении контактов с родными, близкими и социально значимыми для них людьми¹.

Разработанный МЗ РФ приказ, определяющий порядок проведения медико-социальной реабилитации наркозависимых², приближен к целостному воздействию на личность, включает в себя коррекционное воздействие и на

¹ Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы : приказ МЮ РФ от 30 декабря 2005 г. № 262 (с изм. на 13 марта 2015 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901979686>

² Об утверждении порядка оказания медицинской помощи по профилю «психиатрия-наркология» и порядка диспансерного наблюдения за лицами с психическими расстройствами и (или) расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ : приказ МЗ РФ от 30 декабря 2015 г. № 1034н (в редакции Минздрава РФ от 30 июля 2019 г. № 573н, от 21 февраля 2020 г. № 114н) // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/71360612/> (дата обращения: 14.05.2021).

родственников реабилитанта. Однако введение в практическую деятельность государственных наркологических учреждений положений и норм этого ведомственного нормативного акта не имело опоры на материальную базу в виде стационарных реабилитационных центров, должное количество которых не создано до настоящего времени, вследствие чего оказалось недостаточно эффективным. Период нетрудоспособности при проведении реабилитации наркозависимых не финансируется в порядке, предусмотренном обязательным медицинским страхованием. Одновременно законодателем были увеличены ограничения в трудоустройстве лиц с наркотической зависимостью. ГАК в созданном им документе достаточно четко определил качественные критерии работы с реабилитантами¹. При этом создание и финансирование реабилитационных центров для наркозависимых лиц в учреждениях уголовно-исполнительной системы предусмотрено не было, что сделало подготовленный акт декларацией, не подразумевающей последующей реализации.

Ресоциализация наркозависимых лиц требует солидарных партнерских усилий нескольких министерств – МЮ, МВД, МЗ, Минтруда. Выступая на конференции по комплексной реабилитации и ресоциализации наркозависимых пациентов в Санкт-Петербурге, главный нарколог МЗ РФ, доктор медицинских наук, профессор Е. А. Брюн обратил внимание на то, что при реализации мер комплексной ресоциализации режим трезвости на протяжении года соблюдают 50 % реабилитантов, при проведении только медицинской реабилитации – лишь 14,2 %. Вопрос о взаимодействии между ведомствами в деле реабилитации наркозависимых остался открытым до настоящего времени [3].

В 2020 г. был издан совместный приказ МЮ и МЗ РФ по реализации принудительных мер медицинского характера к больным наркоманией. Документ имеет серьезные дефекты, препятствующие достижению обозначенных в нем целей. Взаимодействие министерств подразумевает лишь обмен информацией о наркозависимых лицах и наказании нарушителей режима из числа проходящих лечение и реабилитацию как исполнение судебного решения. Более того, социальная реабилитация не регламентирована в документе как обязательный ряд мероприятий, а обозначена как «или», т.е. процесс ресоциализации может ограничиться на практике лишь медицинской реабилитацией. Какое-либо обязательное к исполнению содействие реабилитантам в части их трудового обучения и трудоустройства в приказе отсутствует².

Сравнение тяжести репрессии, ощущаемой реабилитантами после приговора суда, выявило количественное различие в силе и тяжести последствий социального стресса, которому подверглись обследованные реабилитанты. Стресс, получаемый лицами, лишаемыми свободы, стоит на втором месте по тяжести своего негативного эффекта после смерти близких родственников.

¹ Критерии оценки качества услуг по социальной реабилитации и ресоциализации лиц, допускающих незаконное потребление наркотических средств и психотропных веществ : протокол заседания Государственного антинаркотического комитета от 25 июня 2014 г. № 24. М., 2014. 20 с.

² Об утверждении Порядка осуществления контроля за исполнением осужденными, признанными больными наркоманией, обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию : приказ МЮ РФ и МЗ РФ от 3 февраля 2020 г. № 7/59 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345048/

Аналогичные выводы были получены при квалиметрической балльной оценке и сравнительном анализе социальных протективных факторов в двух группах реабилитантов.

Наглядно, исходя из динамики развития стресса, отраженной на рис. 1, видно, что пусковыми и доминирующими факторами являются социальные. Именно социальные позитивные факторы при квалиметрии у лиц, оставшихся на свободе, были на 23,56 % больше, чем у лиц, проходивших ресоциализацию в условиях ИУ.

Рис. 1. Модель психосоциального стресса [4]

В начале 2020 г. в ИУ России находилось 67,3 тыс. человек с алкогольной и наркотической зависимостью [5], т.е. наркологические проблемы были зафиксированы у каждого седьмого заключенного [6]. Зная это, необходимо иметь в виду, что потребители наркотиков, являясь носителями и адептами контркультуры наркотизма, транслируют ее окружающим путем прозелитизма, агитируя за прием наркотиков при личных контактах. Препятствовать этому явлению не представляется возможным. Наличие такой ситуации, согласно теории дифференциальной ассоциации Э. Сазерленда [7], существенно увеличивает сохранение приверженности «ценностям» наркотизма у наркозависимых и высокий уровень вовлечения в потребление наркотиков ранее интактных к приему наркотиков лиц.

Лица, проходящие лечение в условиях, не связанных с лишением свободы, сохраняют возможность общения с родными и социально значимыми для них лицами и могут совместно со специалистами по социальной работе прилагать усилия по их нормализации. Лишенные свободы нередко отправляются в ИУ, находящиеся достаточно далеко от места проживания родственников, встречи с которыми ограничиваются режимом ИУ. Наркозависимые лица вынуждены контактировать с родными и близкими людьми только по телефону и по почте.

Реабилитанты, проходящие принудительное лечение и медико-социальную реабилитацию в наркологических учреждениях системы МЗ РФ, имеют возможность обращения к специалистам по всем необходимым медицинским профилям и к социальной помощи, так как наличие психиатра-нарколога, психотерапевта, медицинского психолога, специалистов по социальной работе и социальных работников предусмотрено штатным расписанием наркологических центров. Находящиеся на реабилитации в ИУ не могут получить наркологическую помощь и социальные услуги в адекватном их состоянию объеме.

Обучение, в том числе профессиональное, более доступно реабилитируемым без лишения свободы, что не в последнюю очередь связано с развитием дистанционного обучения. Осужденным, находящимся в ИУ, запрещен доступ в Интернет, они могут воспользоваться только заочным образованием, осуществляемым без непосредственного контакта с преподавателями. В некоторых ИУ реализуется получение среднего профессионального образования с учетом потребностей региона, что не всегда совпадает с намерениями реабилитантов.

В целом подтверждаются выводы экспертов, подкрепленные данными опроса сотрудников наркологической службы в РФ, о недостаточной правовой регуляции оказания наркологической помощи [8].

Заключение

Система мер по социальной помощи наркозависимым должна быть структурирована, функционировать на всех этапах реабилитации, а также в поддерживающих постреабилитационных мероприятиях и программах. Целью ее является содействие созданию прочных связей с общественными и государственными организациями и службами, способствующими интеграции (инклюзии) реабилитантов в социум. Социальная работа, базируемая на холистическом отношении к людям и окружающей их среде, фактически является главным позитивным фактором социокультурного воздействия на социализацию и инклюзию девиантов в общество.

Стресс, вызванный осуждением за преступление в сфере незаконного оборота наркотиков без лишения свободы, имеет меньше негативных последствий для наркозависимых лиц, поэтому альтернативное принудительное лечение и медико-социальную реабилитацию наркозависимых лиц без лишения их свободы следует считать более перспективной.

Нерешенной задачей остается собственно трудоустройство наркозависимых лиц, прошедших реабилитацию и ресоциализацию. Причин этого несколько:

- законодательные ограничения в трудоустройстве при наличии зависимости от наркотиков, которые усугубляются негативным мнением работодателей по отношению к ранее судимым лицам и потребителям наркотиков;
- уровень безработицы в стране;
- наличие мигрантов, готовых работать за минимальную заработную плату;
- во многих случаях низкий уровень какой-либо профессиональной подготовки, имеющейся у наркозависимых, и (или) наличие безразличной либо негативной установки по отношению к трудовой деятельности;
- отсутствие необходимых квот для трудоустройства наркозависимых лиц, прошедших ресоциализацию, включающих определенные финансовые льготы для предприятий, предоставляющих рабочие места для наркозависимых лиц.

Необходимо введение государственного регулирования трудоустройства наркозависимых лиц, взаимодействия в сфере социальной реабилитации медицинских, социальных служб и органов правопорядка, прежде всего уголовно-исполнительных инспекций, на основе солидарной ответственности всех ведомств.

Список литературы

1. Игонин А. Л., Кекелидзе З. И., Клименко Т. В., Кошкина Е. А., Макушкин Е. В., Шишков С. Н. Организация лечения и медико-социальной реабилитации больных наркоманией, совершивших преступление небольшой тяжести и получивших отсрочку отбывания наказания : метод. рекомендации. М. : ГНЦССП им. В. П. Сербского Минздрава России, 2013. 23 с.
2. Donabedian A. *The Criteria and Standards of Quality*. Michigan : Health Administration Press, 1982. 504 p.
3. Мишина В. Коммерческая реабилитация наркозависимых ждет контролера // Коммерсант. 2019. № 206. С. 5. URL: <https://kommersant.ru/daily/118276>
4. Martikainen P., Bartley M., Lahelma E. Psychosocial determinants of health in social epidemiology // *Int. J. Epidemiol.* 2002. Vol. 31. P. 1091–1093.
5. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2019 году. М. : Государственный антинаркотический комитет, 2020. 51 с.
6. Щербакова Е. Преступность в России, 2019 // Демоскоп Weekly. 2020. № 857–858. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2020/0857/barom01.php>
7. Скочиллов Р. В. Современные подходы к оказанию социальной и психологической помощи потребителям наркотиков : учеб.-метод. пособие. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2016. 76 с.
8. Канунникова Л. В., Кормилина О. М. Экспертная оценка нормативно-правового регулирования наркологической помощи в Российской Федерации // *Медицинское право*. 2011. № 1. С. 8–11.

References

1. Igonin A.L., Kekelidze Z.I., Klimenko T.V., Koshkina E.A., Makushkin E.V., Shishkov S.N. *Organizatsiya lecheniya i mediko-sotsial'noy rehabilitatsii bol'nykh narkomaniy, sovershivshikh prestuplenie nebol'shoi tyazhesti i poluchivshikh otsrochku otbyvaniya nakazaniya: metod. rekomendatsii = Organization of treatment and medical and social rehabilitation of drug addicts who have committed a crime of minor severity and have received an adjournment of the sentence: guidelines*. Moscow: GNTsSSP im. V.P. Serbskogo Minzdrava Rossii, 2013:23. (In Russ.)
2. Donabedian A. *The Criteria and Standards of Quality*. Michigan: Health Administration Press, 1982:504.
3. Mishina V. Commercial rehabilitation of drug addicts awaits the controller. *Kommersant*. 2019;(206):5. (In Russ.). Available at: <https://kommersant.ru/daily/118276>
4. Martikainen P., Bartley M., Lahelma E. Psychosocial determinants of health in social epidemiology. *Int. J. Epidemiol.* 2002;31:1091–1093.
5. *Doklad o narkosituatsii v Rossiyskoy Federatsii v 2019 godu = Report on the drug situation in the Russian Federation in 2019*. Moscow: Gosudarstvennyy antinarkoticheskiy komitet, 2020:51. (In Russ.)
6. Shcherbakova E. Crime in Russia, 2019. *Demoskop Weekly*. 2020;(857–858). (In Russ.). Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2020/0857/barom01.php>
7. Skochilov R.V. *Sovremennye podkhody k okazaniyu sotsial'noy i psikhologicheskoy pomoshchi potrebitelyam narkotikov: ucheb.-metod. posobie = Modern approaches to the provision of social and psychological assistance to drug users: training aid*. Saint-Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2016:76. (In Russ.)
8. Kanunnikova L.V., Kormilina O.M. Expert assessment of the legal regulation of drug treatment in the Russian Federation. *Meditinskoe pravo = Medical law*. 2011;(1):8–11. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Сергей Михайлович Тихомиров

эксперт, экспертно-правовой центр
«Куаттро» (Россия, г. Санкт-Петербург,
Лермонтовский проспект, 7 А)

E-mail: tikhomirovspb@mail.ru

Sergey M. Tikhomirov

Expert, Legal center “Quattro”
(7 A Lermontovskiy avenue,
Saint Petersburg, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 18.03.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 21.04.2021

Принята к публикации / Accepted 25.05.2021

УДК 334.7

doi:10.21685/2072-3016-2021-3-12

Информационно-просветительское обеспечение социального предпринимательства в молодежной среде

И. В. Шавырина¹, И. А. Демененко², О. И. Дивиченко³

¹Белгородский институт развития образования,
Белгород, Россия

^{2,3}Белгородский государственный технологический университет
имени В. Г. Шухова, Белгород, Россия

¹shavyrina_77@mail.ru, ²inna12manager@gmail.com,
³divichenko31@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В современных условиях развития социально-экономических отношений социальное предпринимательство рассматривается как многомерная конструкция, направленная на формирование социальной и экономической ценности для выявления и использования возможностей повышения социального благосостояния, решения социальных проблем, создания новых предприятий, а также обеспечения скоординированности действий всех участников с использованием современных инновационных инструментов. Целью данной статьи является актуализация роли феномена социального предпринимательства на региональном уровне, а также рассмотрение мероприятий по информационно-просветительскому обеспечению социального предпринимательства в молодежной среде. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач достигается на основе научного анализа и синтеза широкого спектра источников, включая научную и периодическую литературу по проблематике исследования. *Результаты.* Определена роль социального предпринимательства в системе общественных отношений, рассмотрен региональный опыт реализации социального предпринимательства, представлены мероприятия информационно-просветительского обеспечения социального предпринимательства в молодежной среде. *Выводы.* Популяризация социального предпринимательства в молодежной среде способствует раскрытию новых возможностей, инновационного потенциала молодежи на основе взаимодействия представителей бизнеса, государственных органов и общественных организаций.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, бизнес-сообщества, предпринимательская деятельность, молодежь, информационная кампания

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00350 «Технология развития социального предпринимательства в молодежной среде (региональный аспект)».

Для цитирования: Шавырина И. В., Демененко И. А., Дивиченко О. И. Информационно-просветительское обеспечение социального предпринимательства в молодежной среде // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 127–135. doi:10.21685/2072-3016-2021-3-12

Information and educational support of social entrepreneurship in the youth environment

I.V. Shavyrina¹, I.A. Demenenko², O.I. Divichenko³

¹Belgorod Institute of Education Development, Belgorod, Russia

^{2,3}Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov,
Belgorod, Russia

¹shavyrina_77@mail.ru, ²inna12manager@gmail.com,

³divichenko31@yandex.ru

Abstract. *Background.* In modern conditions of the socio-economic relations' development, social entrepreneurship is considered as a multidimensional structure aimed at the formation of social and economic value to identify and use opportunities to improve social well-being, solve social problems, create new enterprises, as well as ensure the coordination of actions of all participants using modern innovative tools. The purpose of the research is to actualize the role of the phenomenon of social entrepreneurship at the regional level, as well as to consider measures for informational and educational support of social entrepreneurship in the youth environment. *Materials and methods.* The implementation of research tasks is achieved on the basis of scientific analysis and synthesis of a wide range of sources, including scientific and periodical literature on research issues. *Results.* The role of social entrepreneurship in the system of public relations is determined, the regional experience in the implementation of social entrepreneurship is considered, the activities of information and educational support of social entrepreneurship in the youth environment are presented. *Conclusions.* The popularization of social entrepreneurship among young people contributes to the disclosure of new opportunities, the innovative potential of young people through the interaction of business representatives, government agencies and public organizations.

Keywords: social entrepreneurship, business communities, entrepreneurship, youth, information campaigns

Acknowledgments: the research was financed by the RFBR within the research project No. 20-011-00350 "Technology for the development of social entrepreneurship in the youth environment (regional aspect)".

For citation: Shavyrina I.V., Demenenko I.A., Divichenko O.I. Information and educational support of social entrepreneurship in the youth environment. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;(3):127–135. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-3-12

Развитие направлений инновационной экономики предполагает «превращение интеллекта, творческого потенциала человека в ведущий фактор экономического роста и национальной конкурентоспособности, наряду со значительным повышением эффективности использования природных ресурсов и производственного капитала. Источником высоких доходов станет не только возможность получения ренты от использования природных ресурсов и мировой конъюнктуры, но и производство новых идей, технологий и социальных инноваций»¹.

¹ Об утверждении стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года : постановление правительства Белгородской области от 25 января 2010 г. № 27-ПП // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/428596289> (дата обращения: 03.03.2021).

В свою очередь возможности городского и регионального бюджетов также ограничены, и полностью решить все социальные проблемы в обозримые сроки за счет средств города и области практически невозможно. Такая предпосылка требует выработки инструментов участия представителей городского сообщества в решении социальных проблем города и механизма привлечения средств бизнеса в социально-значимые проекты.

Необходимо признать, что привлечение бизнес-сообщества к решению социальных проблем через систему благотворительности не может создать устойчивую, долговременную систему решения социальных проблем [1]. Сформировать такую систему можно только через эффективный бизнес-инструмент, деятельность которого потребует финансовой и организационной поддержки только на начальном этапе с последующим самообеспечением своей деятельности.

Примером такого инструмента является социальное предпринимательство, распространяющееся в последние годы в отечественной бизнес-практике [2]. Главным вектором развития данного вида бизнеса выступает в большей степени не только и не столько получение финансовой выгоды, а сколько реализация деятельности, направленной на оптимизацию имеющихся проблемных направлений социальной сферы региона.

При определении понятия «социальное предпринимательство» можно отметить, что при всем многообразии определений социального предпринимательства в России наметились два противоположных по смыслу: «предпринимательская деятельность, направленная на решение социальных и экологических проблем, и достижение социально полезных целей», что соответствует классическому пониманию, и «предпринимательство в социальной сфере», нацеленное на извлечение прибыли [3]. В силу отсутствия четких критериев данное явление трудно закрепить в законодательстве, которое могло бы урегулировать спорные вопросы, а также обеспечить активное участие государственных структур в его продвижении и развитии. А между тем предпринимательский подход к решению социальных проблем может способствовать росту социально-экономического развития регионов с учетом различных особенностей и специфики развития отдельных регионов.

В настоящее время рассмотрение вопросов социального предпринимательства обретает особую актуальность в российском научном сообществе. Так, различные вопросы поддержки и развития социального предпринимательства освещены в работах О. Ю. Ангеловой [4], Е. А. Ветровой [5], Е. С. Синельникова [6].

В научных трудах Г. Б. Кошарной [7], Е. Г. Логуновой [8], С. М. Сафарова [9] рассмотрен региональный опыт развития социального предпринимательства, его влияния на социально-экономические показатели развития агломераций.

Направления развития молодежного предпринимательства, в том числе социального, рассматриваются в работах О. В. Вильчинской [10], О. В. Заборовской [11], И. В. Рожнёвой [12]. Авторы акцентируют внимание на потенциале молодежи в рамках построения моделей интеграции социального предпринимательства в бизнес-среду.

Основываясь на Стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 г., Законе Белгородской области от 3 октября 2013 г. № 223 (в редакции законов Белгородской области от 03.07.2017

№ 179, от 07.06.2018 № 283) «О поддержке молодежи в Белгородской области», а также Паспорте проекта «Популяризация предпринимательства в Белгородской области на 2019–2024 гг.», целью которого является формирование положительного образа среди населения, а также вовлечение различных категорий граждан, включая самозанятых, в сектор малого и среднего предпринимательства, мы предлагаем разработку и совершенствование нормативного правового сопровождения в сфере социального предпринимательства на региональном уровне [13]. С этой целью необходимо создание региональной Концепции социального предпринимательства как эффективного механизма развития региона и повышения качества жизни местного сообщества.

Одним из важнейших структурных составляющих модели реализации социального предпринимательства в молодежной среде является ее информационно-просветительское обеспечение.

Информационно-просветительский блок направлен на популяризацию социального предпринимательства в молодежной среде.

Как показали результаты проведенного авторского исследования, а также вторичный анализ социологических данных исследований, проведенных исследовательской группой ЦИРКОН, в общественном сознании отмечается существование определенного информационного вакуума касательно социального предпринимательства как вида предпринимательской деятельности. Данные Всероссийского мониторинга еще в большей степени показывают, что в современной российской действительности имеется огромный пробел и информативности, и знаний, и осведомленности относительно социального предпринимательства и социальных предпринимателей.

В данном случае выявленные проблемы информационного вакуума в рамках феномена социального предпринимательства в большей степени ограничивают оценку вероятности появления в России предпринимателей, деятельность которых будет направлена на создание организаций и ведение собственного бизнеса, ориентированного на решение различных социальных проблем. Более того, отсутствие информативности, знаний и осведомленности относительно социального предпринимательства и социальных предпринимателей порождает недоверие общества к социальному предпринимательству как инновационному направлению развития социальных услуг.

В рамках информационно-просветительского блока предполагается ряд мероприятий, направленных на привлечение внимания молодежной аудитории к возможности создания и развития собственного социального бизнеса. Схематично мероприятия информационно-просветительского блока представлены на рис. 1.

Реализация информационно-просветительского блока предполагает обеспечение информационной кампании по популяризации социального предпринимательства в молодежной среде, включающей продвижение образа социального предпринимателя в сети Интернет и социальных сетях, создание специализированных медиа-проектов. Предполагается проведение комплекса мероприятий, направленных на активное информационное сопровождение, а также проведение просветительской кампании. Миссия информационной кампании прежде всего должна быть направлена на три ключевые аудитории: широкую общественность, представителей региональных органов власти и потенциальных социальных предпринимателей.

Рис. 1. Мероприятия информационно-просветительского блока

В рамках информационной кампании по популяризации социального предпринимательства в молодежной среде нами предлагается:

1. Создание специализированных медиа-проектов о существующих социальных предприятиях и деятельности социальных предпринимателей не только на территории Белгородской области, но и за ее пределами. В рамках данного направления целесообразно:

- создавать серии передач, демонстрирующих опыт социальных предприятий и социальных предпринимателей;
- создавать рекламные ролики, направленные на популяризацию социального предпринимательства;
- организовывать проведение рекламы – информировать о реализации основных направлений комплекса мероприятий «Вовлечение молодежи в предпринимательскую деятельность в социальной сфере»;
- продвигать средствами массовой информации и интернет-ресурсами позитивный образ социального предпринимателя.

2. Создание единой информационной платформы.

В рамках данного направления целесообразно:

1) создание единого интернет-портала «Социальное предпринимательство Белгородской области» (возможно на базе официального сайта Центра инноваций социальной сферы (ЦИСС) Белгородской области).

С нашей точки зрения, создание единого интернет-портала «Социальное предпринимательство Белгородской области» позволит решить две основные проблемы на пути развития социального предпринимательства в молодежной среде: во-первых, проблему информационного вакуума, во-вторых, проблему тиражируемости проектов социальных предпринимателей. Проведенное исследование показало, что тиражируемость, которая является одним из основных признаков социального предпринимательства, не является достаточно развитым признаком [14];

2) создание Банка социальных идей на базе единого интернет-портала «Социальное предпринимательство Белгородской области». Банк социальных идей, возможно, послужит отправной точкой при решении создания социального предприятия с представлением актуальных проектов и с формой запроса на поддержку проектов.

3. Использование корпоративных сайтов учебных заведений города и области, в том числе вузов, для создания информационных площадок, направленных на популяризацию социального предпринимательства в молодежной среде.

Реализация данного направления позволит:

– информировать о направлениях программ поддержки малого и среднего предпринимательства, в том числе в социальной сфере, приглашать к участию в них;

– проводить распространение агитационных материалов, содержащих информацию о мероприятиях, конкурсах проектов в сфере социального предпринимательства.

4. Разработка и широкое тиражирование информационного буклета «В помощь молодому социальному предпринимателю».

Целесообразно включение в буклет следующей информации: о Всероссийском конкурсе проектов «Социальный предприниматель», мероприятиях, действующих на территории области, областных и городских конкурсах на получение поддержки для создания социального предприятия, а также перечень субъектов поддержки развития и популяризации социального предпринимательства с указанием их официальных сайтов.

На наш взгляд, данные мероприятия будут способствовать вовлечению школьников, учащихся, получающих среднее профессиональное образование (СПО), студентов в социально-ориентированную предпринимательскую деятельность.

Реализация направлений деятельности по развитию и популяризации социального предпринимательства в молодежной среде: просветительская и пропагандистская деятельность – это в первую очередь создание условий для вовлечения молодежи в предпринимательскую деятельность, в социальной сфере – это обучение основам предпринимательской деятельности, в том числе в сфере социального предпринимательства. Ареал данных направлений

распространяется на организацию и предоставление оптимальных условий для вовлечения молодежи в предпринимательскую деятельность в социальной сфере, опосредованных просветительской и пропагандистской деятельностью.

Таким образом, мероприятия по информационно-просветительскому обеспечению развития социального предпринимательства в молодежной среде способствуют в первую очередь популяризации данной сферы на региональном уровне посредством взаимодействия представителей бизнеса, государственных органов и общественных организаций.

Список литературы

1. Диковицкая Д. В. Анализ международного рейтинга стран по уровню развития социального предпринимательства // *Новости науки и технологий*. 2020. № 2 (53). С. 38–45.
2. Беспалый С. В. Социальное предпринимательство и его роль в социальном воздействии на общество // *Grand Altai Research & Education*. 2020. № 1 (12). С. 33–43.
3. Мезенцева Е. В., Рудасова В. В. Тенденции развития социального предпринимательства России в разрезе регионов // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021. № 3-2 (54). С. 213–216.
4. Ангелова О. Ю., Чепьюк О. Р., Бряндинская Н. Г. Социальное предпринимательство: синтез гуманитарного и экономического подхода // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2017. № 9. С. 105–114.
5. Ветрова Е. А. Социальное предпринимательство как фактор социально-экономического развития общества // *Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки*. 2015. № 1 (141). С. 20–24.
6. Синельников Е. С. Феномен социального предпринимательства: ключевые особенности и направления развития // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*. 2018. № 10. С. 299–303.
7. Кошарная Г. Б. Социальная ответственность субъектов предпринимательства: история и современность // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2014. № 1. С. 100–108.
8. Логунова Е. Г., Логунова О. А. К вопросу о социальном предпринимательстве в Удмуртской республике // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2018. № 2. С. 56–60.
9. Сафаров С. М. О мерах поддержки по развитию социального предпринимательства в сфере территориального общественного самоуправления // *Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Экономика*. 2020. № 2 (44). С. 45–50.
10. Вильчинская О. В., Чагина А. В. Проблемы развития предпринимательства в молодежной среде // *Вестник Университета*. 2014. № 10. С. 20–23.
11. Заборовская О. В. Социальное предпринимательство как механизм устойчивого развития региона // *Экономика и предпринимательство*. 2017. № 10-1 (87). С. 455–459.
12. Рожнёва И. В. К проблеме формирования социально-предпринимательской компетенции // *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 3, Гуманитарные и общественные науки*. 2018. № 2. С. 129–134.
13. Данакин Н. С., Шавырина И. В., Демененко И. А. Сущностные характеристики феномена социального предпринимательства // *Миссия конфессий*. 2020. Т. 9, № 3 (44). С. 382–388.
14. Смирнов В. А. Региональные системы социального предпринимательства в России: типология, факторы развития, ключевые противоречия // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. Т. 19, № 1. С. 23–40.

References

1. Dikovitskaya D.V. Analysis of the international ranking of countries by the level of development of social entrepreneurship. *Novosti nauki i tekhnologii = Science and technology news*. 2020;(2):38–45. (In Russ.)
2. Bespalyy S.V. Social entrepreneurship and its role in social impact on society. *Grand Altai Research & Education*. 2020;(1):33–43. (In Russ.)
3. Mezentsseva E.V., Rudasova V.V. Trends in the development of social entrepreneurship in Russia by region. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International journal of humanities and natural sciences*. 2021;(3-2):213–216. (In Russ.)
4. Angelova O.Yu., Chep'yuk O.R., Bryandinskaya N.G. Social entrepreneurship: synthesis of a humanitarian and an economic approach. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik = Russian foreign economic bulletin*. 2017;(9):105–114. (In Russ.)
5. Vetrova E.A. Social entrepreneurship as a factor in the socio-economic development of society. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki = Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*. 2015;(1):20–24. (In Russ.)
6. Sinel'nikov E.S. The phenomenon of social entrepreneurship: key features and development directions. *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo = Sociology in the modern world: science, education, creativity*. 2018;(10):299–303. (In Russ.)
7. Kosharnaya G.B. Social responsibility of business entities: history and modernity. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2014;(1):100–108. (In Russ.)
8. Logunova E.G., Logunova O.A. On the issue of social entrepreneurship in the Udmurt Republic. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2018;(2):56–60. (In Russ.)
9. Safarov S.M. On measures of support for the development of social entrepreneurship in the field of territorial public self-government. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika = Bulletin of Ivanovo State University. Series: economics*. 2020;(2):45–50. (In Russ.)
10. Vil'chinskaya O.V., Chagina A.V. Problems of the development of entrepreneurship in a similar environment. *Vestnik Universiteta = University Bulletin*. 2014;(10):20–23. (In Russ.)
11. Zaborovskaya O.V. Social entrepreneurship as a mechanism for sustainable development of the region. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship*. 2017;(10-1):455–459. (In Russ.)
12. Rozhneva I.V. On the problem of the formation of social and entrepreneurial competence. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Ser. 3, Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series 3, Humanities and social sciences*. 2018;(2):129–134. (In Russ.)
13. Danakin N.S., Shavyrina I.V., Demenenko I.A. Essential characteristics of the phenomenon of social entrepreneurship. *Missiya konfessiy = Mission of denominations*. 2020; 9(3):382–388. (In Russ.)
14. Smirnov V.A. Regional systems of social entrepreneurship in Russia: typology, development factors, key contradictions. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki = Journal of Social Policy Research*. 2021;19(1):23–40. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Ирина Валерьевна Шавырина

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии
и дефектологии, Белгородский
институт развития образования (Россия,
г. Белгород, ул. Студенческая, 14)
E-mail: shavyrina_77@mail.ru

Irina V. Shavyrina

Candidate of sociological sciences, associate
professor, associate professor of the
sub-department of psychology and defectology,
Belgorod Institute of Education Development
(14 Studencheskaya street, Belgorod, Russia)

Инна Арамовна Демененко

кандидат социологических наук, доцент
кафедры социологии и управления,
Белгородский государственный
технологический университет
имени В. Г. Шухова (Россия,
г. Белгород, ул. Костюкова, 46)

E-mail: inna12manager@gmail.com

Inna A. Demenenko

Candidate of sociological sciences,
associate professor of the sub-department
of sociology and management, Belgorod
State Technological University
named after V.G. Shukhov
(46 Kostyukova street, Belgorod, Russia)

Олег Игоревич Дивиченко

кандидат социологических наук, доцент
кафедры социологии и управления,
Белгородский государственный
технологический университет
имени В. Г. Шухова (Россия,
г. Белгород, ул. Костюкова, 46)

E-mail: divichenko31@yandex.ru

Oleg I. Divichenko

Candidate of sociological sciences,
associate professor of the sub-department
of sociology and management, Belgorod
State Technological University
named after V.G. Shukhov
(46 Kostyukova street, Belgorod, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 21.06.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.08.2021

Принята к публикации / Accepted 28.08.2021

УДК 316.356.2

doi:10.21685/2072-3016-2021-3-13

Роль физической активности ребенка-инвалида в формировании доверия в структуре социального капитала его семьи

М. В. Курникова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

mkurnikova@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Рассматривается феномен доверия как необходимый элемент и ресурс для генезиса социального капитала семьи с ребенком-инвалидом и его трансформации в социальном пространстве физической культуры и спорта. Цель работы – выявить влияние регулярных занятий физической культурой и спортом ребенка-инвалида на формирование доверительных отношений в экосистеме семьи. *Материалы и методы.* Опрошены методом анкетирования семьи с ребенком-инвалидом, практикующие и не практикующие регулярную физическую активность ребенка (родители и сиблинги старше 14 лет, $n = 218$ и $n = 267$ соответственно) и члены семей со здоровым ребенком ($n = 374$). В качестве индикаторов доверия определены преимущественные поля коммуникаций индивида для формирования социальных связей и получения новостной информации, отношение индивида к социальным институтам в трудной жизненной ситуации. *Результаты.* Наличие в семье ребенка-инвалида снижает уровень доверительного вербального взаимодействия у всех членов семьи, концентрируя общение преимущественно в локальных сообществах и в социальных сетях, при этом матери более склонны надеяться на государственные структуры и учреждения, а отцы рассчитывают на собственные силы в решении семейных и жизненных задач. Благодаря регулярной и структурированной физической активности ребенка-инвалида у его родителей и сиблингов формируется мотивация к изменению образа жизни на фоне активного взаимодействия с пространством физической культуры и спорта. У отцов прослеживается положительная динамика увеличения доверия родственным связям, друзьям, общественным и волонтерским организациям, а у матерей – рост уверенности в собственных силах на фоне снижения ожиданий помощи от государственных структур. *Выводы.* Физическая культура и спорт могут рассматриваться как средство трансформации социального капитала через генезис доверия путем включения ребенка-инвалида в регулярные спортивные или иные формы рекреационной физической активности в условиях сотрудничества родителей детей-инвалидов и физкультурно-спортивных организаций.

Ключевые слова: социальный капитал, доверие, семья с ребенком-инвалидом, физическая активность

Для цитирования: Курникова М. В. Роль физической активности ребенка-инвалида в формировании доверия в структуре социального капитала его семьи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 136–150. doi:10.21685/2072-3016-2021-3-13

The disabled child physical activity role in the formation of trust in structure of the family's social capital

M.V. Kurnikova

Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod, Nizhniy Novgorod, Russia
mkurnikova@yandex.ru

Abstract. *Background.* The phenomenon of trust is considered as a necessary element and resource for the genesis of the social capital of a family with a disabled child and his transformation in the social space of physical culture and sports. The purpose of the work is to reveal the influence of regular physical activity of a disabled child on the formation of trusting relationships in family ecosystem. *Materials and methods.* Families with a disabled child, practicing and not practicing regular physical activity (parents and siblings over 14 years old, $n = 218$ and $n = 267$, respectively) and family members with a healthy child ($n = 374$), were interviewed by questionnaire. The preferential fields of communication of the individual for forming social connections and receiving news information, the individual's attitude to social institutions in a difficult life situation are defined as indicators of trust. *Results.* The presence of a disabled child in the family reduces the level of trusting verbal interaction among all family members, concentrating on communication in local communities and social networks. Mothers tend to rely on government structures and institutions, while fathers rely on their own strength in solving their family and life problems. Due to the regular and structured physical activity of a disabled child, his parents and siblings are motivated to change their lifestyle against the background of active interaction with the space of physical culture and sports. Fathers show positive dynamics of increasing trust in family ties, friends, public and volunteer organizations, and mothers show an increase in self-confidence against the background of declining expectations of help from government agencies. *Conclusions.* Physical culture and sports can be considered as a means of transforming social capital through the genesis of trust by including a disabled child in regular sports or other forms of recreational physical activity in the context of cooperation between parents of disabled children and physical culture and sports organizations.

Keywords: social capital, trust, a family with a disabled child, physical activity

For citation: Kurnikova M.V. The disabled child physical activity role in the formation of trust in structure of the family's social capital. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;(3):136–150. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-3-13

Введение

Современные социологические исследования проблем семьи, попавшей в трудную жизненную ситуацию в связи с появлением у ребенка стойких нарушений здоровья, интенсифицировались в последние годы [1–4]. Семья как таковая является фундаментальным элементом общества; уровень социального благополучия семей с ребенком, имеющим стойкое нарушение здоровья, вносит особый вклад в формирование благополучия всего государства. Социологические эмпирические исследования социального благополучия семей с ребенком-инвалидом, на основании которых формируется современная государственная политика, отражают изменения тренда от пассивного получения набора социальных услуг и средств поддержки к переходу взаимодействия с семьей как активным партнером со взаимными правами и обязательствами. Очень широкий и персонализированный перечень проблем и

каждодневных задач, отсутствие единого методологического подхода к оценке качества жизни членов такой семьи делает эту группу чрезвычайно многообразной и разнонаправленной как по методикам оценки, так и по применяемым подходам социальной коррекции. Формирование большинства социальных государственных программ нуждается в выработке системного подхода и в научном обосновании единого вектора социальных вмешательств. Современные социальные программы поддержки семьи должны базироваться на социально-экологических теориях [5] и теориях социального пространства и социального капитала [6–7], где широкий комплекс прикладных задач для семьи с ребенком-инвалидом может характеризоваться либо через понятия макросистемы, экосистемы, мезосистемы, микросистемы, либо посредством анализа социальных полей и ресурсов (капиталов). В основе этих подходов лежит исследование взаимосвязей между различными жизненными ситуациями и областями, формирующимися под воздействием позиций всех членов семьи, близкого окружения семьи и общественных институтов [8]. Такие подходы учитывают специфику субъективных мнений, оценок и проецирования представлений, которые образуются под влиянием доверия как наиболее важного компонента социального взаимодействия.

Актуальность нашего исследования вызвана необходимостью ресурса, который будет одновременно положительно влиять на расширение социальных связей семейной микросистемы, находиться в зоне доступности и способствовать генезису доверия, т.е. привлекать, связывать людей, группы, сообщества; иметь достаточный объем и сетевые ресурсы и демонстрировать конкретные или потенциальные преимущества.

Мы полагаем, что таким ресурсом для семьи с ребенком-инвалидом является пространство физической культуры и спорта, в котором есть возможность реализации двигательной активности ребенка-инвалида, имеющей значительный потенциал расширения его коммуникативных и – шире – социальных связей. Цель представленной статьи – выявить влияние регулярных занятий физической культурой и спортом ребенка-инвалида на формирование доверия как элемента социального капитала его семьи.

Методология исследования

Одно из первых определений термина «социальный капитал» принадлежит американскому исследователю Л. Дж. Ханифану [9], который в основу этой дефиниции положил критерии солидарности и социальных связей между членами социальной группы. В природе социального капитала необходимым условием эффективности экономических и управленческих взаимодействий в трудах П. Бурдьё, Дж. Коулмана, Р. Патнэма, Ф. Фукуямы подчеркивается такая значимая для социального взаимодействия ценность, как доверие [10–13]. Доверие предстает и источником, и результатом социального капитала. Психологическое состояние индивидов – ключевой критерий доверия, а социальный капитал – особенность социальной структуры и характеристика сформированных социальных отношений.

Современной тенденцией научных исследований является оценка социального капитала с этической точки зрения как формы существования доверия [14]. Л. А. Беляева даже выделяет особый вид социального капитала –

моральный капитал, определяющий отношения, сформированные на качествах доверия, лояльности, солидарности, взаимности, уважения и справедливости. Автор считает, что его функция реализуется через действия по моральным правилам как способ смягчить имеющуюся несправедливость в распределении социального капитала [15].

Иной взгляд на доверие мы находим у А. Портеса и Дж. Сенсенбреннера, которые определяют доверие как вынужденную категорию и ставят его на последнее место в рейтинге источников социального капитала, так как, по мнению данных авторов, не моральный закон, а система поощрений и наказаний заставляет членов группы придерживаться определенных норм [16].

Исходя из наиболее известных концепций социального капитала конца XX в., экономист Томá Г. Подé (Шербрукский университет, Канада) в 2011 г. предложил обобщить под термином «социальный капитал» совокупность полиморфных категорий, относящихся к разнообразным аспектам социальных взаимодействий, таких как доверие, стандарты, культура, сообщество, сети [17].

Таким образом, во всех теориях, посвященных структуре и производству социального капитала, определенная роль отводится доверию, пусть даже в качестве рационального выбора и обязательств, подлежащих исполнению. Социальный капитал как источник силы и благополучия возникает и существует лишь в условиях взаимных доверительных отношений людей. Анализ активно ведущихся дискуссий показывает, что большинство авторов едины во мнении относительно важности доверия как системообразующего элемента социального капитала для формирования горизонтальных и неформальных сетей, ценностей и норм. Являясь базовым каноном, доверие, наполняет уверенность ожидания, направляет стремление людей следовать традициям, законам, содействует формированию предсказуемой социальной среды. Социальные отношения, имеющие доверительный характер, характеризуются надежностью информации о действиях и репутации друг друга от всех членов социальной сети. Доверие – основной показатель социального капитала общества, определяющий возможность эффективного партнерства в решении сложных, комплексных проблем между различными общественными структурами, сословиями, конфессиями. Это институциональный феномен, определяющий гармоничность взаимодействия во всех сферах жизни человека и, что самое главное, обладающий качеством направленных изменений.

Доверие как социологический феномен имеет сложную структуру. Информационная составляющая включает знание о субъекте, определенный уровень открытости, сформированную обратную связь. Эмоциональная составляющая включает широкую гамму чувств и эмоций, а поведенческая – накопленный опыт межличностного взаимодействия, общения, трудовой деятельности. Формирование и кондиционирование уровня доверия требует вложения финансовых, временных и интеллектуальных ресурсов. Инволюция доверия в современном обществе определяется общемировыми трендами индивидуализации, обесцениваем института семьи во многих странах мира, атомизацией и изоляцией индивидов в социуме, общим понижением их социальной мотивации и активности.

Изначально доверие формируется в семье на уровнях социально-экологических систем. В микросистеме дети доверяют родителям, члены семьи доверяют друг другу, мезосистема формирует доверительные отношения

с ближним кругом родственников и друзей. В экосистеме доверие необходимо для выстраивания социального продуктивного взаимодействия с коллегами, партнерами, с сотрудниками организаций, обеспечивающих инфраструктуру, социальное обслуживание, медицинскую помощь и т.д. Доверие в макросистеме подразумевает доверие гражданина государству, его внутренней и внешней политике. Социальные связи семьи (дружеские, ассоциированные, статусные) оказывают непосредственное влияние на становление молодого поколения. Выходцы из семей с высоким уровнем социальных и культурных ресурсов чаще следуют советам родителей и так формируется матрица доверия по всем экосистемам взаимодействия семьи [18]. Семейный социальный капитал родителей оказывает существенное влияние на детей, однако он может быть нерелевантным, если роль родителей в жизни ребенка снижена. Под семейным капиталом социологами понимается совокупность социального, материального, культурного капиталов членов семьи и других ресурсов, от которых зависит социальная успешность детей [19]. Семейный социальный капитал может быть создан и используется для повышения стрессоустойчивости и здоровьесберегающего поведения молодого поколения [20].

По данным А. М. Алмакаевой (2018), важность семьи в России довольно высока, о чем заявляют 96–98 % опрошенных, и уровень доверия в семье также демонстрирует высокие значения в диапазоне от 90 до 99 %. Доверие знакомым как еще один индикатор неформального социального капитала находится на уровне 78 %. По уровню доверия к организациям у россиян наиболее популярны спортивные и культурные организации, а наименее – экологические. Обращение за помощью в случае трудной жизненной ситуации является индикатором наличия доверия. Чем больше у человека знакомых людей, к которым он может обратиться за помощью и советом, тем большим социальным капиталом он обладает. В российских семьях наиболее надежными помощниками считаются брачные партнеры и родители (55,7 %) [21].

Семья, воспитывающая ребенка-инвалида, ограничена в ресурсах производства и накопления социального капитала. Ключевыми показателями при определении уровня социального капитала для такой семьи являются: трудоспособность членов семьи, уровень образования и материальной обеспеченности, наличие мотивации приобретать новые знания и навыки; качество поддержки со стороны ближайшего окружения – друзей, родственников, детей, соседей; а также со стороны государственных институтов социального профиля [22, 23].

Ограничения состояния здоровья ребенка препятствуют социальной адаптации из-за комплекса физических, психологических и социальных проблем, которые проявляются в ограниченной мобильности, сенсорной депривации, отставании от здоровых сверстников в психическом развитии, невозможности вести полноценную коммуникацию, получить образование, трудоустроиться [24]. С позиции социологических теорий социальное пространство такой семьи нарушается во всех полях деятельности: профессиональном, образовательном, в сфере охраны здоровья, общественной активности и досуга. Воспроизводство социального капитала и поддержание его на достаточном уровне определяется напряженной деятельностью по установлению

непрерывных контактов, утверждающих и закрепляющих социальные коммуникации. Данная трудозатратная деятельность часто недоступна семье с ребенком-инвалидом из-за акцентуации практически всех материальных и эмоциональных ресурсов на его реабилитации и поддержании жизнедеятельности. Привычный образ жизни семьи с ребенком инвалидом нарушен, изменяются межличностные отношения родителей, дисгармоничен баланс с окружающим миром, нередко наблюдаются признаки эмоционального выгорания, и все это ведет к вынужденной или добровольной изоляции от общества здоровых членов семьи. Скудными становятся социальные связи семьи, приоритетом становится выбор модели поведения с движением в область определенного набора экономических и социальных услуг, отбираются понимаемые как приемлемые для семьи способы реагирования и адаптированный стиль жизни [25, 26].

Международными документами Всемирной организации здравоохранения определено, что физическая активность играет важнейшую роль в формировании качества жизни современного человека во всех возрастных периодах. Системный обзор современной литературы (систематические обзоры и метаанализы на глубину 10 лет) показывает не только существенный рост числа исследований, но и смену парадигмы в концептуальном понимании физической активности детей-инвалидов как многомерной конструкции, охватывающей биологические, педагогические и социологические аспекты и самооценку вовлеченности [27].

В последние годы законодательно и методически определены программы и стандарты использования средств физической культуры для лиц с отклонениями в состоянии здоровья. Научно обосновано применение адаптивной физической культуры – эффективного средства социальной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья. Общеизвестно, что социальная безопасность детей в субъектах России определяется доступностью организованных занятий физической культурой для семей с детьми-инвалидами во всех многообразных формах [28].

Физическая культура и спорт являются социальным пространством, которое имеет сетевую структуру за счет наличия нескольких социальных полей – физического воспитания, спорта, физической реабилитации, двигательной рекреации; оно имеет достаточную степень открытости и доступности материально-технической базы и форм занятий; обладает необходимыми социальными коммуникативными функциями, создавая условия реализации гуманного отношения к детям-инвалидам. Пространство физической культуры и спорта как ресурс генезиса доверия имеет следующие преимущества:

- формирует процесс освоения социально-культурного опыта, интеграцию детей-инвалидов в систему воспитания и обучения вместе со здоровыми детьми;

- дает возможность реализации тесного сотрудничества и расширения социальных взаимодействий с членами семьи инвалида;

- формирует индивидуальный подход к ребенку для персонализации средств физической культуры во избежание физических, моральных и эмоциональных перегрузок во время тренировочного процесса, учитывает особенности (пол, возраст, двигательный опыт, когнитивные способности, состояние сохранных функций);

– обеспечивает постепенное и систематическое формирование у ребенка и членов его семьи мотивационных убеждений в необходимости физических упражнений, совершенствование познавательной деятельности, психических процессов, нравственных качеств, т.е. формирование новых практик, которые станут основой для активности индивида в социальном пространстве;

– регулярная физическая активность дает возможность восстановления нарушенных или утраченных функций организма ребенка.

Материалы и методика

В исследование были включены семьи с ребенком-инвалидом, практикующие и не практикующие регулярную физическую активность ребенка. Организованная физическая активность предполагала обязательное наличие: систематических занятий в центрах физической реабилитации, тренировок, направленных на достижение спортивного результата, в секциях адаптивного спорта; регулярных физических упражнений для развития нормативных двигательных навыков и физических качеств для социальной адаптации. Выборка формировалась как стихийно (в учреждениях социальной защиты населения, реабилитационных центрах, коррекционных образовательных учреждениях, общественных организациях родителей детей-инвалидов), так и методом «снежного кома» с использованием сетей взаимодействия родственников данной категории семей.

В группу 1 были включены 218 членов семей с детьми-инвалидами в возрасте $9,55 \pm 4,4$ года, которые не занимаются физической культурой и спортом (матери – 124 человека, отцы – 64 человека, сиблинги старше 14 лет – 30 человек).

Группа 2 состояла из 267 членов семей с детьми-инвалидами в возрасте $9,34 \pm 6,2$ лет, регулярно практикующими физкультурные либо спортивные тренировки в образовательных, физкультурно-спортивных или социальных учреждениях (матери – 154 человека, отцы – 74 человека, сиблинги старше 14 лет – 39 человек).

В качестве контрольной группы опрошены 374 члена семьи со здоровым ребенком в возрасте $10,0 \pm 2,9$ года (матери – 236 человек, отцы – 86 человек, сиблинги старше 14 лет – 52 человека). Отношения ребенка с пространством физической культуры и спорта в этой группе не учитывались.

Опрос осуществлялся методом анкетирования. В качестве индикаторов доверия были определены преимущественные поля доверия для коммуникаций индивида по формированию социальных связей и получения новостной информации, отношение индивида к социальным институтам, к которым возможно обратиться в трудной жизненной ситуации. Результаты ответов анализировали с использованием критерия χ^2 , статистически значимыми принимали отличия при $p < 0,05$.

Результаты и обсуждение

У матерей здоровых детей структура социальных сетевых коммуникаций в 56 % случаев состоит из контактов в области профессиональной деятельности и персонализированного образования, при этом практически

отсутствует доверие таким социальным полям общения, как интернет-сообщества и хобби, 22,0 % респонденток считают достаточным контактировать только с друзьями детства и не нуждаются в формировании новых доверительных социальных контактов.

В группе 1 у матерей работа и образование так же доминируют, как приоритетные поля социальных связей, но при этом увеличивается доля респонденток, предпочитающих интернет-общение, а доля матерей, общающихся только с друзьями детства, увеличивается до 34,5 % ($p = 0,020$). У матерей этой группы отсутствуют социальные контакты в поле хобби и другие виды общения.

В структуре социальных контактов матерей группы 2 имеется тенденция уменьшения контактов в интернет-сообществе и снижение удовлетворенности общением только с друзьями детства. По этим критериям группа 2 схожа с контрольной группой (до 12 и до 30 % соответственно). В то же время обнаруживаются характерные только для группы 2 доверительные связи и пространства («уличные детские площадки», «физкультурный клуб», «больница», «общественные организации») и небольшой статистически незначимый процент матерей, имеющих хобби.

Средства массовой информации являются ресурсом доверия в качестве объективного информационного пространства внешнего мира для матерей всех групп, достигающего в группе 1 более 80 %. Матери группы 2 имеют достоверно большее доверие (15,6 %) к вербальным обсуждениям текущих ситуации с сотрудниками учреждений, родственниками, знакомыми и наиболее высокий уровень коммуникационного взаимодействия со всеми возможными направлениями поиска работы.

Матери детей-инвалидов группы 1 показали более закрытый образ жизни и сниженный уровень доверия к вербальным взаимодействиям для расширения социальных связей.

Показательно, что матери группы 2 в структуре доверия по индикаторам «работа», «образование», «хобби», «друзья детства» продемонстрировали результаты, аналогичные контрольной группе матерей здоровых детей.

Отмечен следующий уровень доверия к социальным институтам у матерей в случае сложной жизненной ситуации (рис. 1).

Наиболее высокая степень доверия принадлежит родственным связям (более половины респондентов во всех группах), на них же возлагаются самые большие надежды в плане взаимопомощи; наименьшим доверием пользуются волонтерские и общественные организации. Матери группы 1 показали самый большой процент доверия государственным структурам и учреждениям (19,3 %), в остальных группах он составил менее 10 %, причем матери контрольной группы практически не рассматривают государственные социальные институты в качестве помощи в трудной жизненной ситуации. Матери группы 1 меньше всех ожидают помощи со стороны друзей (6,4 %), и в этой группе зарегистрирован наибольший процент матерей, пользующихся услугами волонтерских организаций. Структура доверия к социальным институтам у матерей группы 2 и контрольной группы идентична. Прослеживается динамика увеличения доверия к родственным и дружеским связям, нарастание уверенности в собственных силах на фоне снижения ожиданий помощи от государственных структур, общественных и волонтерских организаций.

Рис. 1. Частота ответов матерей на вопрос «Если Вы нуждаетесь в поддержке, откуда Вы ожидаете помощь и доверяете ей?», в процентах

В социальных сетях доверия у отцов здоровых детей преобладает работа и обучение (50,0 %) и имеется равномерное распределение долей коммуникации между пространствами «хобби» и «социальные сети» (15,2 и 17,4 % соответственно). Не общаются ни с кем, кроме друзей детства, только 17,4 % отцов данной группы. Отцы группы 2 имели идентичную структуру социальных контактов.

Отмечена исключительная монополия социальных контактов у отцов группы 1 в поле «работа и обучение» (до 100 % ответов) при одновременном абсолютном отсутствии коммуникации в пространствах «хобби», «социальные сети» и «друзья детства».

У отцов всех трех групп наибольшей популярностью в способах познания событий окружающего мира пользуются средства массовой информации (СМИ). Но если около 35 % отцов здоровых детей все-таки практикуют вербальное общение и доверяют интерпретации мировых новостей из уст ближайшего окружения, коллег, соседей и родственников, то для 81 % отцов группы 1 СМИ являются единственным источником, при этом каждый пятый из этой группы равнодушен к мировым новостям и не интересуется ими. Уровень взаимодействия с новой информацией у отцов группы 2 аналогичен по структуре и долевого объему ответам отцов здоровых детей.

В структуре социальных связей при поиске работы у отцов группы 1 преобладают только средства массовой информации. Отцы из группы 2 и отцы контрольной группы в данной ситуации задействуют весь спектр социальных коммуникаций экосистемы семьи.

Отцы так же, как и матери, демонстрируют глубокие связи своей семьи с родственным окружением (рис. 2) и в первую очередь доверяют и рассчитывают на его помощь (от 56,3 до 70 % респондентов; различия в группах статистически не значимы). В «рейтинге доверия» у отцов здоровых детей на

втором месте собственные силы, на третьем месте – друзья. Отцы группы 1 надеются в трудных жизненных ситуациях только на родственников, на себя и на государственные структуры. Отцы группы 2 по структуре доверия ближе к показателям отцов здоровых детей, при этом они больше уверены в своих друзьях (13,5 %), и отмечается слабая тенденция положительного отношения к помощи со стороны волонтеров и неравнодушных людей (2,7 %).

Рис. 2. Частота встречаемости ответов отцов на вопрос «Если Вы нуждаетесь в поддержке, откуда Вы ожидаете помощь и доверяете ей?», в процентах

Готовность рассчитывать на собственные силы в трудных жизненных ситуациях у родителей здоровых детей и у родителей группы 2 распределена в равных долях между матерями и отцами. В группе 1 обнаружена наименьшая уверенность в собственных силах у матерей и наибольшая – у отцов. Это может быть связано с тем, что матери детей-инвалидов данной группы ведут более закрытый образ жизни и имеют обедненный социальный капитал, что сказывается на их социальной адаптации и самореализации в обществе, а отцы имеют повышенную ответственность за жизнеобеспечение семьи.

Основным социальным полем, в котором формируются новые коммуникации у сиблингов здоровых детей, являются интернет-сообщества. Сиблинги детей-инвалидов предпочитают заводить знакомства в непосредственном общении в процессе учебной или профессиональной деятельности. Информационное пространство доверия для обсуждения новостей и событий у сиблингов здоровых детей достаточно равномерно распределено между СМИ (53,9 %) и вербальным обсуждением с сотрудниками, одноклассниками, знакомыми и родственниками (40,4 %). Братья и сестры детей-инвалидов, не занимающихся физической культурой и спортом, основным новостным информационным пространством считают СМИ (83,3 %). Структура информационного пространства доверия у сиблингов детей-инвалидов, занимающихся регулярной физической активностью, сходна с таковой в семьях со здоровым ребенком.

В ответах, касающихся доверия социальным связям при поиске работы, в группе 1 и контрольной группе определена сходность частоты встречаемости и структуры ответов сиблингов в части максимального использования интернет-ресурсов в ущерб вербальным контактам и отсутствие доверия государственным структурам поддержки трудоустройства граждан. Сиблинги группы 2 в случае помощи в поиске работы больше доверяют вербальным контактам с ближайшим окружением. Во всех группах подростки и молодежь практически не рассматривают государственную службу занятости в качестве помощника в трудоустройстве, а в трудных жизненных ситуациях в основном рассчитывают на поддержку родственников, что не противоречит результатам опроса родителей и подтверждает высокую степень доверия социальным связям в структуре социального капитала российских семей.

Выводы

Доверие как компонент социального капитала является одной из базовых категорий социального взаимодействия индивида на всех уровнях семейной экосистемы. Семьи с доминированием родственных и дружеских связей в социальном окружении в основном не рассчитывают на помощь государственных структур социальной поддержки, общественных организаций, благотворительных фондов и волонтеров.

Наличие в семье ребенка-инвалида меняет структуру и функцию доверия у его родителей, снижает уровень доверительного вербального взаимодействия с другими людьми, концентрируя общение в локальных сообществах, с друзьями детства и в социальных сетях. При этом матери в случае дефицита социальных контактов и дружеских связей более склонны надеяться на государственные структуры и учреждения, а отцы рассчитывают на собственные силы в решении семейных и жизненных задач.

Благодаря регулярной и структурированной физической активности ребенка-инвалида у его родителей формируется мотивация к изменению образа жизни и обеспечивается активное взаимодействие семьи с пространством физической культуры и спорта. Доверие здесь является катализатором практик агентов в сторону непосредственного вербального общения и формирования новых социальных сетей знакомых и друзей, разрушения монополии контактов интернет-сетей. У отцов прослеживается положительная динамика увеличения доверия родственным связям, друзьям, общественным и волонтерским организациям, а у матерей – росту уверенности в собственных силах на фоне снижения ожиданий помощи от государственных структур. Данные результаты следует рассматривать как позитивные, поскольку экосистема друзей и знакомых является промежуточным звеном для наращивания социального капитала семьи в макросистеме. Уровень и структура доверия у родителей ребенка-инвалида становится приближенным к показателям доверия у семей со здоровым ребенком.

Физическая культура и спорт могут рассматриваться как средство трансформации социального капитала через генезис доверия путем включения ребенка-инвалида в регулярные спортивные или иные формы рекреационной физической активности в условиях сотрудничества членов семей детей-инвалидов и физкультурно-спортивных организаций.

Список литературы

1. Тахауова Э. М. Технология социальной работы с семьями детей-инвалидов // Актуальные проблемы социально-экологической культуры : межвуз. сб. науч. тр. Уфа, 2018. С. 198–205.
2. Чалдаева Д. А. Воспитание в семье ребенка-инвалида // Инициатива в образовании: проблема интерпретации знания в современной науке : сб. науч. тр. Казань, 2019. С. 196–199.
3. Кузнецова Е. В. Социальное сопровождение семей, воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Проблемы сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья: психолого-педагогический, социальный и медицинский аспекты : монография. Киров, 2020. С. 101–117.
4. Ермилова А. В. Актуализация проблемы востребованности и направленности реабилитационных услуг для детей с ограниченными возможностями здоровья в Нижегородском регионе // Социальные контексты здоровья : монография. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2020. С. 159–174.
5. Bronfenbrenner U. Ecological systems theory // *Annals of Child Development*. 1989. № 6. P. 227.
6. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр. ; отв. ред. пер. Н. А. Шматко. М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетей, 2007. 288 с.
7. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
8. Kotzampopoulou I. Quality of life in families having children with disabilities: The parents perspective : master thesis. Oslo : University of Oslo, 2015. 51 p.
9. Hanifan L. J. The rural school community center // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1916. № 67. P. 130–138.
10. Bourdieu P. Forms of Capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / ed. by J. G. Richardson. New York, 1983. P. 241–258.
11. Coleman J. S. Grundlagen der Sozialtheorie. Bd. 1. München : Oldenburg, 1991. 474 p.
12. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М. : Ad Marginem, 1996. 287 с.
13. Фукуяма Ф. Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. М. : АСТ : Ермак, 2004. 730 с.
14. Мамедов Н. М. Доверие – капитал и основа партнерства // Государственная служба. 2015. № 5 (97). С. 10–14.
15. Беляева Л. А. Социальный капитал: проблемное поле и эмпирическое изучение // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 4. С. 154–166.
16. Portes A., Sensenbrenner J. Embeddedness and Immigration: Notes on the Social Determinants of Economic Action // *American Journal of Sociology*. 1993. Vol. 98 (6). P. 1320–1350.
17. Poder T. G. What is really social capital: A critical review // *The American sociologist*. New Brunswick. 2011. Vol. 42 (4). P. 341–367.
18. Шиняева О. В., Ушкова Ю. В. Семейный капитал и его зависимость от социальных характеристик семей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 1. С. 120–133.
19. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5–16.
20. McPherson K. E., Kerr S., Morgan A. [et al.]. The association between family and community social capital and health risk behaviours in young people: an integrative review // *BMC Public Health*. 2013. Vol. 13. P. 971.
21. Алмакаева А. М., Волченко О. В. Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 273–292.

22. Мустаева Ф. А., Сизоненко З. Л., Юлдашева О. Н. Социальное самочувствие семьи ребенка с ограниченными физическими возможностями // The Journal of scientific articles "Health and Education Millennium". 2017. Vol. 19 (9). P. 241–245.
23. Реан А., Баранов А., Сунцова А. Ресурсы семьи в социокультурной интеграции ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Развитие личности. 2017. № 4. С. 38–56.
24. Давлетшина Д. М. Социальная адаптация лиц с ограниченными возможностями здоровья как процесс жизнедеятельности на современном этапе // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1. С. 1–7.
25. Курникова М. В. Физические возможности ребенка-инвалида и социальное самочувствие членов его семьи // Вестник Пермского национального исследовательского университета. Социально-экономические науки. 2019. № 4. С. 44–60.
26. Курникова М. В. Ресурсы для коррекции социального пространства членов семьи ребенка-инвалида // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 2. С. 59–70.
27. Ross S. M., Bogart K. R., Logan S. W., Case L., Fine J., Thompson H. Physical Activity Participation of Disabled Children: A Systematic Review of Conceptual and Methodological Approaches in Health Research // Front Public Health. 2016. Vol. 4. P. 187.
28. Замараева З. П., Воронова К. А., Телегина Г. А. Социальная безопасность детства в регионе: ресурсно-потенциальный подход // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 7–18.

References

1. Takhauova E.M. Technology of social work with families of disabled children. *Aktual'nye problemy sotsial'no-ekologicheskoy kul'tury: mezhvuz. sb. nauch. tr. = Actual issues of social and ecological culture: intercollegiate collected articles*. Ufa, 2018:198–205. (In Russ.)
2. Chaldaeve D.A. Raising a disabled child in a family. *Iniitsiativa v obrazovanii: problema interpretatsii znaniya v sovremennoy nauke: sb. nauch. tr. = Initiative in education: the problem of interpreting knowledge in modern science: collected articles*. Kazan, 2019:196–199.
3. Kuznetsova E.V. Social support for families raising a child with disabilities. *Problemy soprovozhdeniya detey s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya: psikhologo-pedagogicheskii, sotsial'nyy i meditsinskiy aspekty: monografiya = Issues of accompanying children with disabilities: psychological, pedagogical, social and medical aspects: monograph*. Kirov, 2020:101–117. (In Russ.)
4. Ermilova A.V. Actualization of the problem of the demand and focus of rehabilitation services for children with disabilities in the Nizhny Novgorod region. *Sotsial'nye konteksty zdorov'ya: monografiya = Social contexts of health: monograph*. Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU, 2020:159–174. (In Russ.)
5. Bronfenbrenner U. Ecological systems theory. *Annals of Child Development*. 1989; (6):227.
6. Burd'e P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva = Sociology of social space*. Transl. from French. Moscow: In-t eksperimental'noy sotsiologii; Saint-Petersburg: Aleteyya, 2007:288. (In Russ.)
7. Sorokin P.A. *Chelovek. Tsvilizatsiya. Obshchestvo = Human. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat, 1992:543. (In Russ.)
8. Kotzampopoulou I. *Quality of life in families having children with disabilities: The parents perspective: master thesis*. Oslo: University of Oslo, 2015:51.
9. Hanifan L.J. The rural school community center. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1916;(67):130–138.
10. Bourdieu P. Forms of Capital. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York, 1983:241–258.

11. Coleman J.S. *Grundlagen der Sozialtheorie*. Bd. 1. München: Oldenburg, 1991:474.
12. Patnem R. *Chtoby demokratiya srabotala. Grazhdanskije traditsii v sovremennoj Italii* = For democracy to work. Civil traditions in modern Italy. Moscow: Ad Marginem, 1996: 287. (In Russ.)
13. Fukuyama F. *Doverie: Sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* = *Trust: social virtues and the path to prosperity*. Transl. from Engl. by D. Pavlova, V. Kiryushchenko, M. Kolopotin. Moscow: AST: Ermak, 2004:730. (In Russ.)
14. Mamedov N.M. Trust is capital and the basis of partnership. *Gosudarstvennaya sluzhba* = *Public service*. 2015;(5):10–14. (In Russ.)
15. Belyaeva L.A. Social capital: problem field and empirical study. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = *Economic and social changes: facts, trends, prediction*. 2019;12(4):154–166. (In Russ.)
16. Portes A., Sensenbrenner J. Embeddedness and Immigration: Notes on the Social Determinants of Economic Action. *American Journal of Sociology*. 1993;98(6): 1320–1350.
17. Poder T.G. What is really social capital: A critical review. *The American sociologist. New Brunswick*. 2011;42(4):341–367.
18. Shinyaeva O.V., Ushkova Yu.V. Family capital and its dependence on the social characteristics of families. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2018; (1):120–133. (In Russ.)
19. Radaev V.V. The concept of capital, forms of capital and their conversion. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* = *Social sciences and modernity*. 2003;(2):5–16. (In Russ.)
20. McPherson K.E., Kerr S., Morgan A. [et al.]. The association between family and community social capital and health risk behaviours in young people: an integrative review. *BMC Public Health*. 2013;13:971.
21. Almakaeva A.M., Volchenko O.V. Dynamics of social capital in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* = *Opinion monitoring: economic and social change*. 2018;(4):273–292. (In Russ.)
22. Mustaeva F.A., Sizonenko Z.L., Yuldasheva O.N. Social well-being of a disabled child's family. *The Journal of scientific articles "Health and Education Millennium"*. 2017;19(9):241–245. (In Russ.)
23. Rean A., Baranov A., Suntsova A. Family resources in the socio-cultural integration of a child with disabilities. *Razvitie lichnosti* = *Personal development*. 2017;(4):38–56. (In Russ.)
24. Davletshina D.M. Social adaptation of persons with disabilities as a process of life at the present stage. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* = *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 2019;(1):1–7. (In Russ.)
25. Kurnikova M.V. Physical capabilities of a disabled child and the social self-feeling of his family members. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* = *Bulletin of Perm National Research University. Social and economic sciences*. 2019;(4):44–60. (In Russ.)
26. Kurnikova M.V. Resources for correcting the social space of family members of a disabled child. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2020;(2):59–70. (In Russ.)
27. Ross S.M., Bogart K.R., Logan S.W., Case L., Fine J., Thompson H. Physical Activity Participation of Disabled Children: A Systematic Review of Conceptual and Methodological Approaches in Health Research. *Front Public Health*. 2016;4:187.
28. Zamaraeva Z.P., Voronova K.A., Telegina G.A. Social security of childhood in the region: a resource-potential approach. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya* = *Ecumene. Regional studies*. 2018;(1):7–18. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Мария Владимировна Курникова

кандидат медицинских наук, доцент,
заведующий кафедрой адаптивной
физической культуры, Институт
реабилитации и здоровья человека,
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет имени Н. И. Лобачевского
(Россия, г. Нижний Новгород,
проспект Гагарина, 23)

E-mail: mkurnikova@yandex.ru

Maria V. Kurnikova

Candidate of medical sciences, associate
professor, head of the sub-department
of adaptive physical culture, Institute reha-
bilitation and human health,
Lobachevsky State University
of Nizhniy Novgorod (23 Gagarina avenue,
Nizhniy Novgorod, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 14.04.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 24.06.2021

Принята к публикации / Accepted 05.07.2021

УДК 316.44

doi:10.21685/2072-3016-2021-3-14

Пандемия COVID-19: демографический парадокс Республики Татарстан

Ч. И. Ильдарханова¹, Г. Н. Ершова²

^{1,2}Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Россия

¹chulpanildusovna@gmail.com, ²ershova104@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Целью исследования является выявление реакции демографических показателей на происходящие в Республике Татарстан перемены, связанные с распространением новой коронавирусной инфекции. Социологический и демографический анализ изменений в демографической ситуации Республики Татарстан, вызванных пандемией COVID-19, в контексте динамики, сложившейся в Приволжском федеральном округе и России, позволил выявить тенденции развития демографических процессов с учетом региональных особенностей. Исследование предоставит информацию как для разработки мер демографической политики, так и для корректировки тех мер, которые уже принимаются в практической деятельности профильных государственных структур и подразделений Республики Татарстан и Российской Федерации и могут стать инструментом регулирования демографической ситуации в Республике Татарстан в условиях распространения COVID-19. *Материалы и методы.* Методологическую основу исследования составляют социально-демографический подход, структуралистский конструктивизм П. Бергера и Т. Лукмана, предполагающий рассмотрение социальных явлений и категорий, находящихся в состоянии постоянной переоценки, как процесс постоянного взаимодействия акторов. Исследование показателей воспроизводства и роста населения с помощью методов статистического анализа, вторичного анализа данных на федеральном и региональном уровнях, компаративного метода, сопоставление изменений демографических параметров с тем их уровнем, который имел место перед началом пандемии COVID-19, позволило обобщить полученные результаты, сформулировать выводы относительно выявленных тенденций в региональном аспекте в контексте специфической пандемической ситуации. *Результаты и выводы.* Помесячный анализ данных показал, что динамика случаев смертельных исходов от COVID-19 в Республике Татарстан в 2020 г. существенно отличается от общероссийской и динамики Приволжского федерального округа, что требует дополнительного изучения факторов складывания наблюдаемой более позитивной ситуации в Татарстане на фоне других регионов, а также показателей смертности по полной номенклатуре причин смерти в 2020 г. В Республике Татарстан наблюдаются схожие с общероссийскими тенденции демографической динамики, обусловленные изменениями в возрастной структуре населения. В условиях снижения абсолютных показателей и общего коэффициента рождаемости, повышения абсолютных показателей смертности и общего коэффициента смертности в Республике Татарстан в 2020 г., по сравнению с 2019 г., естественная убыль населения увеличилась почти в 70 раз. Благодаря высоким показателям допандемического периода Республика Татарстан в 2020 г. сохранила самую высокую позицию по общему коэффициенту рождаемости и самую низкую позицию по общему коэффициенту смертности в составе Приволжского федерального округа.

Ключевые слова: демографическая ситуация, рождаемость, смертность, естественный прирост населения, пандемия

Для цитирования: Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н. Пандемия COVID-19: демографический парадокс Республики Татарстан // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 151–161. doi:10.21685/2072-3016-2021-3-14

COVID-19 pandemic: the demographic paradox of the Republic of Tatarstan

Ch.I. Ildarhanova¹, G.N. Ershova²

^{1,2}Family and Demography Center of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

¹chulpanildusovna@gmail.com, ²ershova104@mail.ru

Abstract. *Background.* The purpose of the study is to identify the reaction of demographic indicators to the changes taking place in the Republic of Tatarstan associated with a spread of COVID-19 pandemic. The sociological and demographic analysis of demographic situation changes of the Republic of Tatarstan caused by COVID-19 pandemic, in the context of the dynamics that have developed in the Volga Federal District and Russia, allowed us to identify trends in the development of demographic processes, taking into account regional characteristics. The study will provide information for the development of measures of demographic policy and the adjustment of the measures already taken in the practical activities of relevant government agencies and departments of the Republic of Tatarstan and the Russian Federation can become a tool for the regulation of the demographic situation in the Republic of Tatarstan in terms of the spread of COVID-19. Sociological and demographic analysis of changes in the demographic situation of the Republic of Tatarstan caused by COVID-19 pandemic in the context of the dynamics that have developed in the Volga Federal District and the Russian Federation has revealed trends in the development of demographic processes, taking into account the regional characteristics of the Republic of Tatarstan. The study of population reproduction and growth indicators using statistical analysis methods, secondary data analysis at the federal and regional levels, the comparative method, and the comparison of changes in demographic parameters with the level that took place before the COVID-19 pandemic allowed us to summarize the results obtained and formulate conclusions about the identified trends in the regional aspect in the context of a specific pandemic situation. *Materials and methods.* The methodological basis of the study is the social and demographic approach, the structuralist constructivism of P. Berger and T. Lukman, which assumes the consideration of social phenomena and categories not only as a process of constant interaction of actors, but also in a state of constant re-evaluation. The study of population reproduction and growth indicators using statistical analysis methods, secondary data analysis at the federal and regional levels, the comparative method, and the comparison of changes in demographic parameters with the level that took place before COVID-19 pandemic, allowed us to summarize the results obtained and formulate conclusions about the identified trends in the regional aspect in the context of a specific pandemic situation. *Results and conclusions.* A monthly analysis of the data showed that the dynamics of deaths from COVID-19 in the Republic of Tatarstan in 2020 significantly differs from the all-Russian and the dynamics of the Volga Federal District, which requires additional study of the factors of the observed more positive situation in Tatarstan against the background of other regions, as well as mortality rates for the full nomenclature of causes of death in 2020. In the Republic of Tatarstan, there are similar trends in demographic dynamics with the all-Russian ones, due to changes in the age structure of the population. In the context of a decrease in absolute indicators and the total fertility rate, an increase in absolute mortality rates and the total mortality rate in the Republic of Tatarstan

in 2020, compared to 2019, the natural population decline increased almost by 70 times. Due to the high indicators of the pre-pandemic period, the Republic of Tatarstan in 2020 retained the highest position in terms of the total birth rate and the lowest position in terms of the total mortality rate in the Volga Federal District.

Keywords: demographic situation, birth rate, mortality, natural population growth, pandemic

For citation: Ildarhanova Ch.I., Ershova G.N. COVID-19 pandemic: the demographic paradox of the Republic of Tatarstan. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;(3):151–161. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-3-14

Введение

2020 г. ознаменовал не только социальные, экономические, но и демографические перемены в мировом масштабе. По мнению экспертов ООН, суть ответных действий заключается в обеспечении социальной защиты, равенства, инклюзивности подотчетными, действенными правительствами и институтами на национальном и субнациональном уровнях, местными органами власти с использованием существующих структур. Выработка стратегии выхода из кризиса, вызванного пандемией, требует учета всех действующих факторов. Социологический и демографический анализ изменений в демографической ситуации Республики Татарстан, вызванных пандемией COVID-19, в контексте динамики, сложившейся в Приволжском федеральном округе и Российской Федерации, позволит выявить тенденции развития демографических процессов с учетом региональных особенностей Республики Татарстан. Исследование предоставит информацию как для разработки мер демографической политики, так и для корректировки тех мер, которые уже принимаются в практической деятельности профильных государственных структур и подразделений, муниципальных образований Республики Татарстан и Российской Федерации и могут стать инструментом регулирования демографической ситуации в Республике Татарстан в условиях распространения новой коронавирусной инфекции.

Целью исследования является выявление реакции демографических показателей на происходящие в регионе перемены, связанные с распространением новой коронавирусной инфекции. Результаты исследования относительно состояния и динамики показателей в ситуации пандемии могут быть применены в разработке и реализации мер противодействия новой коронавирусной инфекции и могут стать инструментом по регулированию демографической ситуации в Республике Татарстан.

Методология и методы

Методологическую основу исследования составляют социально-демографический подход, структуралистский конструктивизм П. Бергера и Т. Лукмана, предполагающий рассмотрение социальных явлений и категорий, находящихся в состоянии постоянной переоценки, как процесс постоянного взаимодействия акторов. Изучение статистических данных с помощью методов статистического анализа, вторичного анализа данных (различных министерств и ведомств на федеральном и региональном уровнях), компаративного метода позволяет идентифицировать временные тренды и их связи с более

масштабными социальными изменениями, вызванными пандемией COVID-19. Методы статистического и социологического анализа позволяют не только уловить новые тенденции, в целом характерные для демографического развития региона в контексте пандемической ситуации, но и выявить причины, вызвавшие существующие изменения и каузальные связи между ними. Исследование предполагает проведение статистического анализа изменений демографических показателей Республики Татарстан, вызванных пандемией COVID-19, в контексте динамики, сложившейся в Приволжском федеральном округе и Российской Федерации. Данные по заболеваемости COVID-19 в Татарстане с апреля по декабрь 2020 г. соотнесены с данными по регионам Приволжского федерального округа и других округов и РФ и мире в целом, выявленная динамика заболеваемости сопоставлена с общероссийскими трендами в период пандемии. Изучение тенденций в демографической ситуации региона предполагает проведение многофакторного анализа таких показателей воспроизводства и роста населения, как общий коэффициент рождаемости, абсолютные показатели смертности, общий коэффициент смертности в допандемический и пандемический период.

Результаты и дискуссия

Большинство научных исследований российских ученых, как и зарубежных, в настоящее время направлены на обобщение опыта и поиск решений в преодолении последствий пандемии в различных сферах: в здравоохранении, образовании, экономике и т.д. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» российское научное экспертное сообщество разрабатывало меры по восстановлению макроэкономической стабильности России после пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 и достижению повышения качества жизни каждого гражданина, увеличению численности населения страны и созданию комфортных условий для проживания как главных приоритетов национального развития. В докладе, подготовленном экспертами Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), проведен анализ социально-экономической ситуации в России и ее взаимосвязи с целями национального развития, который показал, что постановка новых целей требует изменения текущей социально-экономической политики и корректировки системы национальных проектов и документов стратегического планирования.

В рамках демографического направления Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (АН РТ) ежегодно осуществляет демографический мониторинг Республики Татарстан для выявления особенностей формирования демографических показателей в сравнительном разрезе: в структуре общероссийских, федерально-окружных, муниципальных показателей на уровне территорий Республики Татарстан.

В демографической ситуации России число умерших превышает число родившихся. Естественная убыль населения в 2020 г. составила –688,72 тыс. человек против –316,16 тыс. человек в январе–декабре 2019 г. В Республике Татарстан в 2020 г., по сравнению с 2019 г., естественная убыль населения

увеличилась почти в 70 раз. По прогнозам исследователей НИУ ВШЭ, процесс демографического старения в России в ближайшее десятилетие ускорится, увеличится численность лиц в возрасте от 65 лет и старше, численность других возрастных групп, соответственно, уменьшится в абсолютном и относительном выражении [1].

До 2017 г. в Татарстане наблюдалась благоприятная тенденция сокращения абсолютного числа смертей, однако с 2017 г. наметился рост числа смертей на 1 %. Дальнейшее повышение смертности населения может быть следствием старения населения Республики Татарстан. Увеличение смертности и снижение рождаемости приводит к депопуляции населения Республики Татарстан. В 2019 г. общий коэффициент смертности составил 11 %. Число умерших в России в 2020 г. выросло на 323,8 тыс. человек, в 2019 г., наоборот, наблюдалось снижение на 27,1 тыс. человек по сравнению с 2018 г. Таким образом, в 2019 г. число умерших сократилось на 1,6 % по сравнению с 2018 г., в 2020 г. прирост числа умерших составил 17,9 % по сравнению с 2019 г. (в расчете на 1000 человек). В Татарстане в 2019 г. также наблюдалось снижение числа умерших на 4,5 % по сравнению с 2018 г., прирост числа умерших в 2020 г. является наибольшим в Приволжском федеральном округе и составил 27,1 %, при этом Татарстан в 2020 г., благодаря высоким показателям допандемического периода, продемонстрировал минимальное значение общего коэффициента смертности в Приволжском федеральном округе [2].

За 2014–2019 гг. в России не были зафиксированы случаи смерти по причине заболевания «306 – Тяжелый острый респираторный синдром (SARS)». С апреля 2020 г. Росстатом отдельно учитываются умершие, у которых COVID-19 стал основной причиной смерти, умершие, у которых COVID-19 предполагается как основная причина смерти, но для подтверждения наличия вируса необходимо провести дополнительные медицинские исследования, отдельно рассматриваются случаи, когда COVID-19 не является основной причиной, но вызвал осложнения, повлекшие летальный исход, а также случаи смерти граждан с подтвержденным диагнозом COVID-19 по другим причинам (рис. 1).

К концу 2020 г. совокупное число заболевших COVID-19 в мире превысило 83,522 млн человек, а число умерших – 1,826 млн человек [3], по данным Европейского регионального бюро Всемирной организации здравоохранения, в Европе на 31.12.2020 насчитывалось 27,2 млн случаев заболевания и 580 800 умерших [4]. В США за 2020 г. насчитывалось 20,062 млн случаев заболевания и 352 729 умерших [5]. За 2020 г. согласно отчету Правительства РФ зафиксировано 3 159 297 заболевших и 57 019 умерших от COVID-19 [3]. В Татарстане максимальной отметки 49 человек число умерших от COVID-19 достигло в декабре 2020 г. (рис. 2), при этом общее число умерших (в том числе с неподтвержденным диагнозом и инфицированных, умерших по причине осложнений или другим причинам) – 486 человек, тогда как в Приволжском федеральном округе в декабре 2020 г. таковых 6722, в том числе почти половина из них – умершие именно от коронавирусной инфекции – 3424 (в том числе в Нижегородской области 852 человека). Причины смерти 296 и 229 инфицированных в Республике Татарстан в ноябре и декабре 2020 г. отнесены к иным, не связанным с COVID-19 причинам. Всего в Татарстане за

2020 г. из числа умерших 1402 инфицированных коронавирусная инфекция стала основной причиной смерти 140 человек, у 286 человек диагноз не подтвержден, 976 инфицированных умерли от других причин, в том числе от осложнений после COVID-19 – 184 человека. В 2020 г. в Приволжском федеральном округе из 23 086 умерших инфицированных COVID-19 унес жизни 11 483 человек, у 1413 умерших не идентифицирован COVID-19, 10 190 человек с диагностированным COVID-19 умерли от других причин, в том числе 2180 человек – от осложнений. Число умерших в Татарстане от COVID-19 в 2020 г. было почти в 19 раз меньше, чем в Нижегородской области, которая по состоянию на 2020 г. находилась на первом месте по Приволжскому федеральному округу как по числу инфицированных, так и по числу умерших от COVID-19. Минимальные уровни заболевания COVID-19, согласно отчету вице-премьера РФ Т. А. Голиковой, зафиксированы в Татарстане, Чечне, Дагестане, Ненецком автономном округе и Краснодарском крае [3].

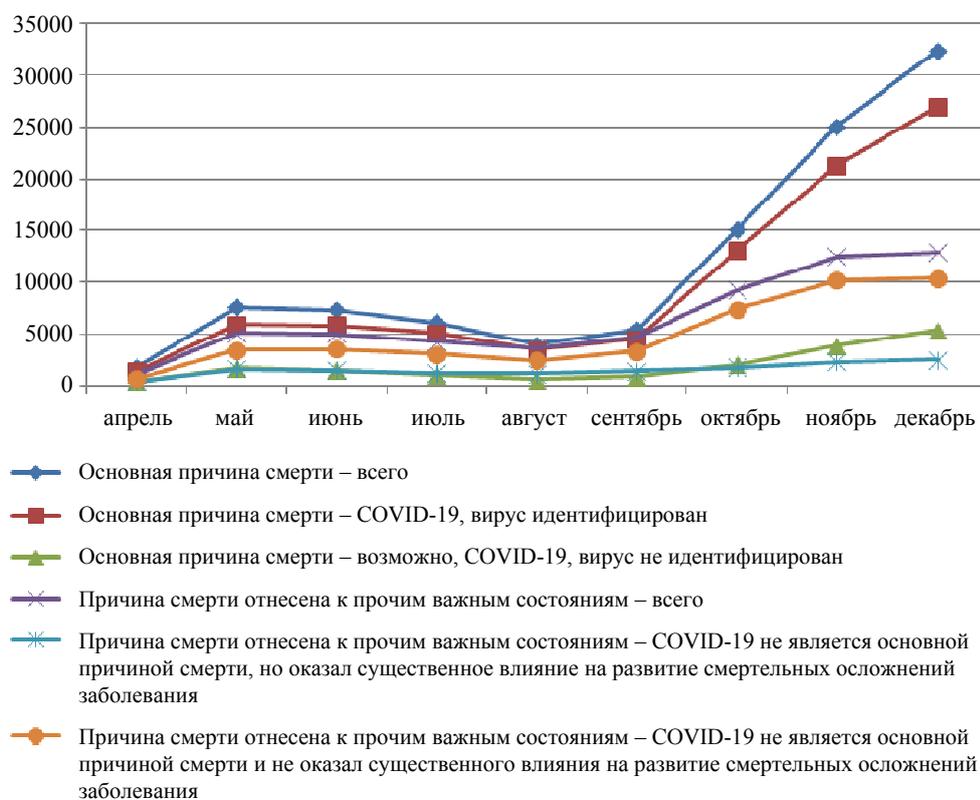

Рис. 1. Динамика зарегистрированных в России умерших с установленным диагнозом коронавирусной инфекции за 2020 г.

В 2019 г. родилось на 120,1 тыс. человек меньше, чем в 2018 г., в 2020 г. – на 48,7 тыс. человек меньше, чем в 2019 г. В 2019 г. было 19 регионов с естественным приростом населения (в том числе Республика Татарстан), в 2020 г. – 14. За 2020 г. положительный прирост числа родившихся в абсолютных показателях наблюдался только в Северо-Кавказском федеральном округе (+3153) и всего в 13 регионах России. Лидерами по абсолютному числу рождений,

как и в предыдущие годы, являются г. Москва (123 524) и Московская область (79 107, прирост по сравнению с 2019 г. составил 5376), Краснодарский край (59 535), Санкт-Петербург (55 439), Республика Дагестан (46 506, прирост составил 990 детей). Наибольший прирост в Северо-Кавказском федеральном округе отмечен в Республике Чечня: родилось на 1966 детей больше, чем в 2019 г. [2]. По оценке ученых после периода увеличения рождаемости в России в условиях экономического роста и заметного повышения уровня жизни населения в последние 6 лет барьером для роста рождаемости стали падение и стагнация реальных денежных доходов населения [1].

Рис. 2. Динамика зарегистрированных в Республике Татарстан умерших с установленным диагнозом коронавирусной инфекции за 2020 г.

В 2020 г. общий коэффициент рождаемости, так же как в Приволжском федеральном округе, по РФ составил 9,8 %, по сравнению с предыдущим годом снизился на 3 %, а в Республике Татарстан снизился на 2 %. Наивысшие показатели коэффициента у республик Чечня, Тыва, Ингушетия, Дагестан, Алтай. Исследования АН РТ показывают, что среди сельского населения в некоторых регионах показатели рождаемости в несколько раз выше по сравнению с городским. По общему коэффициенту рождаемости Республика Татарстан с 18 места по итогам 2019 г. переместилась в 2020 г. на 20 место среди регионов России. По сравнению с другими регионами России Татарстан как один из урбанизированных субъектов России в 2014–2019 гг. имел один из самых низких показателей рождаемости в возрастном интервале 18–19 лет среди регионов страны [6].

Изменения демографической ситуации, депопуляцию в условиях пандемии Е. С. Вылкова и ее коллеги связывают с социально-психологическими

аспектами общественного кризиса, в частности со стрессом со всеми вытекающими отсюда последствиями для поведения людей [7]. К следствиям стресса можно отнести откладывание беременности в связи с нестабильностью эпидемиологической ситуации. Центр семьи и демографии АН РТ в результате социологического исследования выявил следующие особенности демографического самочувствия населения Республики Татарстан: семейно-центристские практики населения, репродуктивные паттерны поведения, межпоколенческие интеракции в семье [8]. Подтверждением может служить стабильное наблюдаемое в течение 20 лет снижение количества абортот в Республике Татарстан. В 2019 г. число абортот (в расчете на 1000 родов) было в 4,5 раза ниже по сравнению с показателем 2000 г. (и более чем в 3 раза меньше в расчете на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет). С 2008 г. число абортот (в расчете на 1000 родов) стабильно ниже не только среднего показателя по Приволжскому федеральному округу, но и среднероссийского. С 2013 г. Татарстан сохраняет первое место в Приволжском федеральном округе по общему коэффициенту рождаемости [2].

Выводы

Исследование показало, что в Республике Татарстан наблюдаются схожие с общероссийскими тенденции демографической динамики, обусловленные изменениями в возрастной структуре населения, связанными с уменьшением численности в активных репродуктивных возрастах и увеличением численности лиц в старших возрастах. При снижении абсолютных показателей и общего коэффициента рождаемости, повышении общего коэффициента смертности и увеличении абсолютных показателей смертности и естественной убыли населения регион в 2020 г. благодаря высоким показателям допандемического периода сохранил самую высокую позицию по общему коэффициенту рождаемости и самую низкую позицию по общему коэффициенту смертности в составе Приволжского федерального округа. Изменения в демографической ситуации, обусловленные пандемией, сказались на интенсивности демографических процессов в РФ, например, на фоне зафиксированных в последние годы позитивных изменений в смертности в 2020 г. наблюдалось значительное увеличение общего коэффициента смертности более чем на 2,2 % по РФ и на 2,9 % – в Приволжском федеральном округе и в Татарстане. Исследователи прогнозируют дальнейшее снижение общего коэффициента рождаемости, снижение роста продолжительности жизни, уровня рождаемости в РФ.

Позитивной тенденцией является снижение числа абортот в России (в расчете на 1000 родов) в 2019 г. в 4 раза по сравнению с 2000 г., причем в Татарстане этот показатель с начала введения новой демографической политики в 2008 г. стабильно ниже среднероссийского и среднего по Приволжскому федеральному округу. Это обусловлено не только экономическими показателями, но и особенностями семейно-центристского демографического самочувствия населения Республики Татарстан. В 2020 г. Республика Татарстан по общему коэффициенту рождаемости находилась на 20 месте среди регионов России и на первом месте в Приволжском федеральном округе по количеству рождений.

Помесячный анализ данных показал, что динамика случаев смертельных исходов от COVID-19 в Республике Татарстан в 2020 г. существенно отличается от общероссийской и динамики Приволжского федерального округа, что требует дополнительного изучения факторов складывания наблюдаемой более позитивной ситуации на фоне других регионов, а также показателей смертности по полной номенклатуре причин смерти в 2020 г. Прогноз влияния пандемии COVID-19 на демографическую ситуацию в регионе на ближайшие годы может быть осуществлен при поступлении данных Росстата по заболеваемости по основным группам заболеваний, поло-возрастным характеристикам и других показателей. Относительно перспектив изменения демографической ситуации следует согласиться с исследователями, позитивно оценивающими потенциал для роста рождаемости: в России не завершился процесс смещения календаря рождений в сторону более позднего рождения первенца. Сокращение интенсивности рождений первенцев на фоне снижения уровня брачности стало причиной снижения рождаемости, наблюдаемого в России в последние годы [1]. Возможно, в ближайшие годы можно ожидать реализации отложенных в связи с пандемией репродуктивных планов и, как следствие, некоторого увеличения рождаемости. Необходимо отметить, что в 2020 г. удалось снизить темпы снижения рождаемости благодаря сохранению социальных гарантий государства в отношении семей с детьми и новым мерам демографической политики относительно первенцев, введенным Федеральным законом от 1 марта 2020 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам, связанным с распоряжением средствами материнского (семейного) капитала», что подтверждается как показателями общего коэффициента рождаемости РФ, так и на уровне региона.

Список литературы

1. Россия в новую эпоху: выбор приоритетов и цели национального развития : эксперт. докл. / рук. авт. кол. Я. И. Кузьминов ; отв. ред.: П. В. Орехин, П. Н. Нетреба ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 112 с.
2. Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь–декабрь 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/TwbjciZH/edn12-2020.html>
3. Отчет о текущей ситуации по борьбе с коронавирусом от 31.12.2020 // Коммуникационный центр Правительства РФ. URL: <https://стопкоронавирус.рф/>
4. Ситуация с COVID-19 в Европейском регионе ВОЗ // Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. URL: <https://who.maps.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/a19d5d1f86ee4d99b013eed5f637232d>
5. Информационная панель COVID-19 Центра системных наук и инженерии Университета Джона Хопкинса. URL: <https://www.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/bda7594740fd40299423467b48e9ecf6>
6. Демографический доклад-2020. Демографическое самочувствие Республики Татарстан: статистический мониторинг и рефлексии населения : монография / под ред. д-ра социол. наук Ч. И. Ильдархановой. Казань : Изд-во Академии наук РТ, 2020. 578 с.
7. Вылкова Е. С., Гришин С. Е., Демидова Е. И. [и др.]. Россия и мир во время и после пандемии COVID-19: вызовы и возможности : монография. СПб., 2020. 274 с.

8. Ильдарханова Ч. И. Демографическая ситуация и демографическое поведение Республики Татарстан // Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад-2020 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, В. Н. Архангельский [и др.] ; отв. ред.: Т. К. Ростовская, А. А. Шабунов ; Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН. М. : Перспектива, 2021. С. 93–120.

References

1. Orekhin P.V., Neteba P.N. (ed.). *Rossiya v novuyu epokhu: vybor prioritetrov i tseli natsional'nogo razvitiya: ekspert. dokl. = Russia in a New Era: choosing priorities and goals for national development: expert reports*. Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki». Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2020:112. (In Russ.)
2. Natural movement of the population in the context of the constituent entities of the Russian Federation for January–December 2020. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki = Federal State Statistics Service*. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/TwbjciZH/edn12-2020.html>
3. Report on the current situation in the fight against coronavirus from 31.12.2020. *Kommunikatsionnyy tsentr Pravitel'stva RF = Communication Center of the Government of the Russian Federation*. (In Russ.). Available at: <https://stopkoronavirus.rf/>
4. COVID-19 situation in the WHO European Region. *Vsemirnaya organizatsiya zdравookhraneniya. Evropeyskoe regional'noe byuro = World Health Organization. Regional Office for Europe*. (In Russ.). Available at: <https://who.maps.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/a19d5d1f86ee4d99b013eed5f637232d>
5. *Informatsionnaya panel' COVID-19 Tsentra sistemnykh nauk i inzhenerii Universiteta Dzhona Khopkinsa = Informational board of the COVID-19 Center for Systems Science and Engineering, Johns Hopkins University*. (In Russ.). Available at: <https://www.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/bda7594740fd40299423467b48e9ecf6>
6. Il'darkhanova Ch.I. (ed.). *Demograficheskiy doklad-2020. Demograficheskoe samochuvstvie Respubliki Tatarstan: statisticheskiy monitoring i refleksii naseleniya: monografiya = Demographic Report-2020. Demographic well-being of the Republic of Tatarstan: statistical monitoring and reflections of the population: monograph*. Kazan: Izd-vo Akademii nauk RT, 2020:578. (In Russ.)
7. Vylkova E.S., Grishin S.E., Demidova E.I. [et al.]. *Rossiya i mir vo vremya i posle pandemii COVID-19: vyzovy i vozmozhnosti: monografiya = Russia and the world during and after the COVID-19 pandemic: challenges and opportunities: monograph*. Saint-Petersburg, 2020:274.
8. Il'darkhanova Ch.I. Demographic situation and demographic behavior of the Republic of Tatarstan. *Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii. Natsional'nyy demograficheskiy doklad-2020 = Demographic well-being of the regions of Russia. National Demographic Report-2020*. Federal'nyy nauchno-issledovatel'skiy sotsiologicheskii tsentr RAN. Moscow: Perspektiva, 2021:93–120. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Чулпан Ильдусовна Ильдарханова
доктор социологических наук,
директор Центра семьи и демографии
Академии наук Республики Татарстан
(Россия, г. Казань, ул. Лево-Булачная,
36 А)

Chulpan I. Ildarhanova
Doctor of sociological sciences, director
of Family and Demography Center
of the Academy of Sciences of the Republic
of Tatarstan (36 A Levo-Bulachnaya street,
Kazan, Russia)

E-mail: chulpanildusovna@gmail.com

Гузель Николаевна Ершова

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань, ул. Лево-Булачная, 36 А)

E-mail: ershova104@mail.ru

Guzel N. Ershova

Candidate of historical sciences, senior researcher, Family and Demography Center of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (36 A Levo-Bulachnaya street, Kazan, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 26.04.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 28.06.2021

Принята к публикации / Accepted 17.07.2021

Институциональные основы социальной защиты персонала на российских предприятиях и в организациях

Г. Б. Кошарная¹, Л. И. Найденова², Л. Ф. Каримова³

^{1,2,3}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹k-galina1@yandex.ru, ²linajdenova@yandex.ru,

³lyudmila_vyargizova@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Предмет работы – развитие институциональных признаков и выполнение институциональных функций социальной защиты персонала российских предприятий и организаций в разных сферах деятельности. Цель – определить сущность, основные направления и институциональные признаки социальной защиты персонала организаций, в частности в сфере торговли и распространения медицинского (ортопедического) оборудования. *Материалы и методы.* Теоретические методы исследования – системный и институциональный подходы. Практический метод – анкетный опрос персонала сети ортопедических салонов «Авионика» в г. Пензе по репрезентативной выборке. *Результаты.* Выделено три типа состояний социальной защиты персонала в разных организациях по признакам материальных затрат, видам социальной защиты, информированности персонала о своей социальной защите, эффективности мероприятий социальной защиты, социально-экономического развития отрасли. На примере сети ортопедических салонов «Авионика» выявлено, что система социальной защиты персонала в сфере торговли и распространения ортопедического оборудования приобретает институциональные признаки и начинает выполнять институциональные функции. Но это требует регулирования по основным направлениям развития, которое содержит методы и средства дополнительной социальной защиты: создание условий для обучения с отрывом от производства на целевой основе по определенным направлениям и формам, обеспечение гарантий карьерного роста. Полученные результаты и рекомендации можно применять для развития системы социальной защиты персонала организаций в сфере торговли медицинским оборудованием и некоторых других сферах. *Выводы.* Систему социальной защиты персонала следует отнести к двум группам институтов – социально-организационным (профсоюзы) и социально-нормативным (коллективные договоры). Но формы социальной защиты персонала организации пока недостаточно эффективны и в основном сводятся к материальной помощи в случаях необходимости. Требуется усиление институциональных (юридических, организационных, социально-экономических) мер, чтобы придать социальной защите персонала повышенный статус в управлении организацией.

Ключевые слова: социальные институты, институциональные признаки, институциональные функции, социальная защита персонала, персонал организации, меры социальной защиты персонала

Для цитирования: Кошарная Г. Б., Найденова Л. И., Каримова Л. Ф. Институциональные основы социальной защиты персонала на российских предприятиях и в организациях // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 162–174. doi:10.21685/2072-3016-2021-3-15

Institutional foundations of social personnel protection in Russian enterprises and organizations

G.B. Kosharnaya¹, L.I. Naydenova², L.F. Karimova³

^{1,2,3}Penza State University, Penza, Russia

¹k-galina1@yandex.ru, ²linajdenova@yandex.ru,

³lyudmila_vyargizova@mail.ru

Abstract. *Background.* The subject of the work is the development of institutional features and the implementation of institutional functions of social personnel protection in Russian enterprises and organizations in various activity fields. The purpose of the research is to determine the essence, main directions and institutional features of social protection of personnel of organizations, in particular, in the field of trade and distribution of medical (orthopedic) equipment. *Materials and methods.* Theoretical research methods – systemic and institutional approaches. The practical method is a questionnaire survey of the staff of the Network of orthopedic salons “Avionika” in Penza, according to a representative sample. *Results.* There are three types of states of social protection of personnel in different organizations according to the characteristics of material costs, types of social protection, staff awareness of their social protection, the effectiveness of social protection measures, and the socio-economic development of the industry. Using the example of the Network of orthopedic salons “Avionika”, it is revealed that the system of social protection of personnel in the field of trade and distribution of orthopedic equipment acquires institutional features and begins to perform institutional functions. But this requires regulation in the main areas of development, which contains methods and means of additional social protection: creating conditions for on-the-job training on a targeted basis in certain areas and forms, ensuring guarantees of career growth. The obtained results and recommendations can be applied to the development of the system of social protection of personnel of organizations in the field of trade in medical equipment and some others. *Conclusions.* The system of social personnel protection should be attributed to two groups of institutions – socio-organizational (trade unions), and socio-normative (collective agreements). But the forms of social protection of the organization’s personnel are not yet effective enough, and are mainly reduced to material assistance in cases of need. It is necessary to strengthen institutional (legal, organizational, socio-economic) measures to give the social protection of personnel an increased status in the management of the organization.

Keywords: social institutions, institutional features, institutional functions, social protection of personnel, organization personnel, measures of social protection of personnel

For citation: Kosharnaya G.B., Naydenova L.I., Karimova L.F. Institutional foundations of social personnel protection in Russian enterprises and organizations. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;(3):162–174. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-3-15

Введение

В настоящих условиях приобретают особую актуальность исследования в области формирования системы социальной защиты персонала предприятия на основе эффективного использования рыночных инструментов. Формирование таких систем будет эффективным, если оно будет происходить на институциональной основе. В организациях многие управляющие и регулирующие подсистемы проявляют институциональные признаки, начинают самостоятельно выполнять институциональные функции, и это

регулируется действующим законодательством, поскольку в этом процессе появляется общественная потребность. Проблемы действующей системы социальной защиты персонала организаций обуславливают необходимость основательного изучения теории и практики построения таких систем. Особенно актуальными становятся исследования системы социальной защиты персонала организации в институциональном аспекте.

Поэтому важно определить сущность, основные направления и институциональные признаки развивающейся социальной защиты персонала организаций, в том числе в сфере торговли (на примере организаций, занятых торговлей и распространением ортопедического оборудования).

Материал и методика

Системный подход дает возможность проанализировать деятельность институтов, обеспечивающих социальную защиту работника, и рассмотреть организацию охраны и условий труда, направленных на удовлетворение социально-трудовых потребностей работников, при сохранении основных интересов работодателя.

Институциональный подход дает возможность проследить развитие исследуемых систем или явлений в институциональном плане, т.е. определить, какие институциональные признаки (предписания, нормы, образцы поведения) регулируют деятельность изучаемой системы и как в социальном взаимодействии участников с разными социальными статусами происходит выполнение таких социальных функций, которые возможно отнести к институциональным, поскольку они удовлетворяют общественные потребности.

Р. Г. Смелик рассматривает социальную защиту персонала в виде системы, которая обеспечивает персоналу организации и вообще трудоспособному населению безопасные условия трудовой деятельности, возможность пользоваться при необходимости услугами систем здравоохранения, страхования, реабилитации и профессионального образования; помощь в случаях потери работы, рождения ребенка, болезни и инвалидности, производственной травмы, достижения пенсионного возраста [1].

Н. Ю. Щека называет и описывает в своем исследовании практические направления социальной защиты персонала на предприятии. Это обеспечение роста производительности труда при эффективной работе персонала, стимулирование повышения квалификации персонала, ротация наиболее квалифицированных сотрудников и сохранение их лояльного отношения к предприятию [2].

Результаты

Рассмотрим результаты исследований, проведенных ранее другими специалистами, используя вторичный анализ данных. Т. П. Водопьянова исследовала систему социальной защиты работников как социальный институт российского общества. Автор вводит критерии институционализации направлений и форм социальной защиты персонала с учетом интересов управляющих и управляемых и с описанием защитных функций каждого субъекта в процессе социально-трудовых отношений. Этим критериям соответствует авторская трехуровневая модель социальной защиты персонала в условиях

рыночных социально-трудовых отношений работника и работодателя. Такая модель основана на социальном партнерстве (соглашениях, коллективных договорах), которое можно назвать институциональным образцом социального поведения. Главной идеей, которая играет роль идеологии, является экономическая и стратегическая целесообразность схемы для коллективного и частного собственника, которая обеспечивает сбалансированный социальный механизм защиты производства и персонала [3].

Е. В. Шубина отмечает, что эффективность проводимых мероприятий по социальной защите персонала нередко бывает ниже, поскольку приходится увеличить затраты на социальную защиту и при этом сократить соответствующие фонды предприятий и государства вследствие снижения их доходов. Решение данных проблем зависит от наличия и размеров фондов социальной защиты, и если материальный фактор не позволяет их решить, то у персонала значительно снижается ощущение защищенности [4].

Среди исследований выделяются направления, связанные с такими социальными группами, которые тоже могли бы активно участвовать в трудовой деятельности, но по своим обстоятельствам не могут это сделать. Это малообеспеченная молодежь, часто не имеющая постоянной занятости по ряду причин, а также молодежь с ограничениями по состоянию здоровья – молодые инвалиды. Л. Ф. Каримова исследует социальную поддержку трудовой занятости малообеспеченной молодежи в региональных условиях Пензенской области как одно из основных направлений социальной политики и на основе анализа уровня малообеспеченности российской молодежи и населения в целом характеризует уже известные и предлагает новые меры социальной поддержки и трудоустройства региональной группы малообеспеченной молодежи [5]. Кроме того, Л. Ф. Каримова и Н. В. Корж исследовали социальную поддержку молодых инвалидов как одно из основных направлений социальной политики, ее основные формы и виды в современной России [6].

В сети ортопедических салонов «Авионика» основная задача торговой деятельности – это обеспечить медицинские учреждения, медицинский персонал и всех нуждающихся пациентов изделиями, необходимыми на стадиях лечения и реабилитации пациента.

Для определения уровня социальной защищенности работников была разработана анкета, в которой участникам исследования было предложено ответить на ряд вопросов, касающихся их социальной защищенности на предприятии. Было опрошено 100 сотрудников организации «Авионика» – работников по квотной выборке, в соответствии с половозрастной структурой персонала организации.

В ходе проведенного исследования была выявлена степень удовлетворенности сотрудников своей работой в организации, представленная на рис. 1. Удовлетворенность своей работой больше положительная, чем отрицательная, так как удовлетворены 60,7 % сотрудников. Но, несмотря на низкую текучесть кадров, в организации имеется необходимость для повышения эффективности социальной защиты персонала, и прежде всего это связано с оплатой труда.

Также согласно проведенному анкетированию с коллективным договором знакомы 36,7 % опрошенных, остальные работники знакомы с договором лишь в общих чертах. В качестве дополнительных гарантий в социальный

пакет сотрудникам хотелось бы добавить следующие: корпоративная поддержка (образовательные кредиты, жилищные субсидии) – 55,6 %; оплата детских садов – 13,3 %; корпоративное медицинское страхование – 24,4 % (рис. 2).

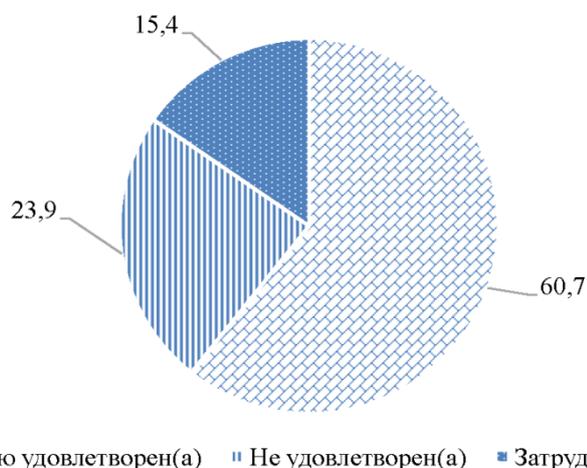

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Удовлетворены ли Вы в настоящее время своей работой?» (в процентах от числа опрошенных, $n = 100$)

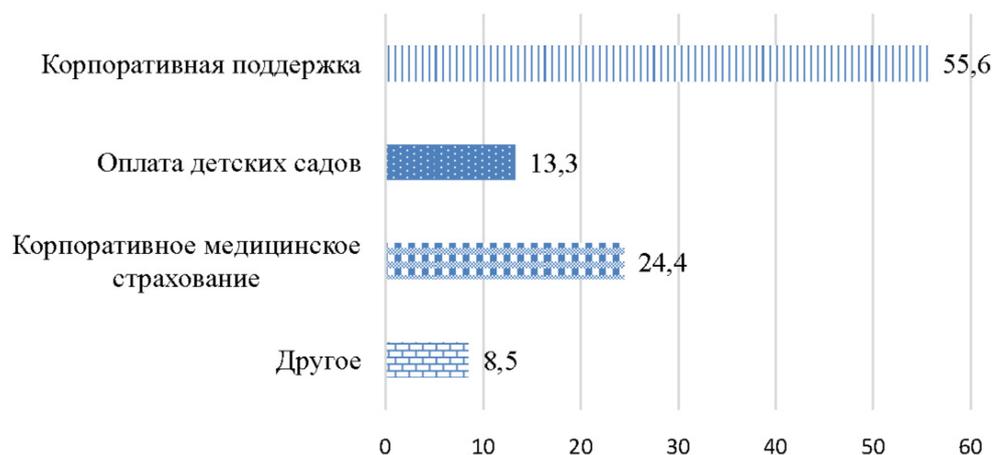

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие дополнительные гарантии в социальный пакет Вы хотели бы добавить?» (в процентах от числа опрошенных, $n = 100$)

Примечание. Ответы на вопрос предполагали многовариантность, поэтому сумма ответов больше 100 %.

Обсуждение

Будем использовать известные описания понятия «социальный институт», его институциональных признаков и выполняемых функций. Такие исчерпывающие описания дает, например, С. С. Фролов.

В определении социального института по С. С. Фролову главное место отводится таким ключевым словам, как система связей и социальных норм,

поддерживающие их общественно важные ценности, и социальные потребности общества, на удовлетворение которых направлена деятельность институтов [7, с. 132].

Именно нормы и ценности создают правила для нормативного урегулирования и упорядочения совместной деятельности в рамках институтов, придают им устойчивые формы организованной и совместной человеческой деятельности. Для поддержания стабильности этих действий в рамках института распределяются социальные роли и статусы людей. В современной социологии выделяются два основных класса: социально-организационные институты и социально-нормативные. В сфере социальной защиты персонала к социально-нормативным институтам, например, относятся контракты и коллективные договоры.

Основным институтом социальной защиты персонала организации призвана быть профсоюзная организация, роль которой связана с выполнением главной функции – социальной защиты. Ее можно назвать социально-организованным институтом. А к социально-нормативному институту относятся коллективные договоры, которые представляют и содержат юридическую базу социальной защищенности, а также в определенной мере трудовые контракты при условии, что в них четко выписаны действия по обеспечению прав персонала и подчеркивается ответственность работодателя – соблюдение обозначенных в контракте гарантий социальной защиты.

Чтобы институты социальной защиты персонала работали эффективно и устойчиво, нужен отлаженный механизм социальной защиты. В нем сейчас выделяются следующие основные компоненты: институциональный (институты социальной защиты), инструментальный (средства социальной защиты), деятельный (выполнение функций социальной защиты в нормотворческой, организационной, переговорно-коммуникационной формах) [8].

Известны основные принципы эффективной работы механизма социальной защиты предприятия или организации. Это:

- продуктивный труд персонала как основа социальной защиты и ее включенность в экономические отношения работников и работодателей;
- включение других взаимосвязанных гарантий социальной защищенности для получения запланированного эффекта;
- создание самостоятельной защиты персонала, начиная с их информирования о социальных гарантиях, с социальной ответственности работодателя, для эффективного функционирования социальной защиты [9].

Социальная защита персонала организации представляет систему социальных и экономических гарантий, закрепленных законодательством, обеспеченных государством и предпринимателями, включающую меры повышения производительности труда персонала, их мотивации и обеспечения достойного уровня жизни [8]. Это в данном случае те основные потребности общества, для удовлетворения которых необходим институциональный статус социальной защиты персонала.

Институциональные признаки любого института содержат культурные символы, кодексы поведения, идеологию [7, с. 137–138].

Можно выделить институциональные признаки системы социальной защиты персонала организации на примере ее трех основных частей – социального страхования, социальных услуг и социального обеспечения (рис. 3).

Рис. 3. Элементы системы социальной защиты персонала организации

В социальном страховании, услугах и обеспечении в качестве материальных символов выступают оздоровительно-лечебные учреждения, собственные культурные дома и спортивные комплексы, в качестве кодексов – законодательные основы, регулирующие выполнения функций – от материальной помощи до поддержки в удовлетворении социальных потребностей. Санкции выступают как система мер, направленных на материальное обеспечение работников и другую социальную помощь в необходимых случаях.

Социальные услуги, т.е. удовлетворение социальных потребностей, включают материальную помощь при рождении или смерти родственника, оплату питания, лечение работников в организациях с большим штатом и высоким уровнем дохода. В социальном обеспечении функционирует система мер по материальному обеспечению персонала не только при наступлении страхового случая, но и для удовлетворения социальных потребностей персонала при его обучении и профессиональном развитии.

Известно, что для защиты наемных работников как для выполнения важной институциональной давно созданы общественные организации, также обладающие институциональными признаками, – это профессиональные союзы со своими возможностями в качестве культурных признаков и санкций. В качестве кодексов в деятельности профсоюзов призван выступать коллективный договор, который должен быть разработан и реализован в каждой организации.

Институциональные функции обычно составляют две группы:

– явные – это удовлетворение социальных потребностей, воспроизводство общественных отношений, интегративная и коммуникативная функции. При выполнении этих функций не только удовлетворяются социальные

потребности, но и регулируются взаимоотношения между членами общества с помощью предписанных стандартов поведения;

– латентные – это функции, не связанные с непосредственными целями человека [7, с. 139]. Например, создание престижного имиджа для поддержания принадлежности к более высокому социальному статусу.

Институциональные функции социальной защиты персонала организации в основном включают функции, которые правильно будет определить как явные. Это:

– защита социальных статусов персонала от социальных рисков;
– передача предписанных образцов социального поведения в процессе трудовой деятельности (обеспечение стабильности кадрового состава, снижение текучести кадров);

– обеспечение трудовой мотивации и социальной адаптации персонала.

Эти институциональные функции реализуются в следующих направлениях социальной защиты персонала организации:

– создание условий эффективной трудовой деятельности;
– обеспечение безопасности труда и повышение профессионального уровня персонала;

– материальное обеспечение в ситуациях, когда рабочие риски, несчастные случаи и др. значительно повлияли на профессиональную деятельность представителей персонала;

– страхование персонала от временной или постоянной нетрудоспособности, которая приведет к значительному понижению профессионального статуса работника по причине невозможности выполнять прежние функции [10].

Выводы

Через реализацию этих направлений деятельности системы социальной защиты персонала организации происходит удовлетворение тех основных социальных потребностей, для которых создавались институциональные формы социальной защиты персонала организации.

Особенно надо выделить роль профсоюзов в выполнении перечисленных функций. Их основная функция, как известно, – это защита прав и интересов работников в процессе трудовой деятельности.

В организациях представлены разные, но достаточно развитые формы социальной защиты персонала, которые можно считать средствами выполнения институциональных функций такой системы защиты.

Е. В. Шубина описывает эффективные формы, используемые, например, в ОАО «Башкирская электросетевая компания». Основной частью социальной защиты персонала компании являются бенефиты в виде дополнительных социальных льгот и выплат работникам в зависимости от уровня их профессионализма, авторитета [4].

И. Н. Сидорова исследовала развитие современных форм социальной защиты персонала организации. Существующие формы позволяют сделать вывод о том, что в системе социальной защиты не только появились институциональные признаки, но и закрепляются выполняемые социальные функции. К названным формам относятся:

– создание занятости населения, позволяющей зарабатывать средства, достаточные для обеспеченного существования;

– создание системы безопасности условий труда персонала и доступа к услугам систем здравоохранения, реабилитации и профессионального образования;

– обеспечение прожиточным минимумом в случаях безработицы, потери дохода по причинам болезни, рождения ребенка, несчастного случая в быту, производственной травмы или профессионального заболевания, инвалидности, старости [11].

Наше пилотажное исследование в сети ортопедических салонов «Авионика» показало, что работники этой организации пользуются различными социальными льготами, хотя есть и те, кто не пользуется этими льготами вообще. Каждый работник имеет право на социальные льготы, однако не каждый может их получить, поскольку решение об их предоставлении зависит от профсоюза и руководства, а также от возможностей самого предприятия. Это может сказываться на работоспособности сотрудников предприятия, что в конечном итоге повлияет на производительность труда и прибыльность. Необходимо предоставлять возможности для повышения благосостояния с учетом личного трудового вклада, инициативы и предприимчивости.

Кадровая политика компании реализуется в Концепции программы социальной защиты персонала сети ортопедических салонов «Авионика», где включены следующие основные направления: обеспечение безопасных и комфортных условий труда, поддержка здорового образа жизни, улучшение качества жизни сотрудников и их семей, материальная поддержка ветеранов и пенсионеров. Существует Стандарт социальной ответственности, который устанавливает перечень дополнительных льгот, гарантий и компенсаций персоналу помимо норм, предусмотренных законодательством.

Исследование показало, что большинство работников пользуется различными социальными льготами, но некоторые ими не пользуются вообще. Каждый работник имеет право на социальные льготы, однако не каждый может их получить, поскольку решение об их предоставлении зависит от профсоюза и руководства, а также от возможностей самого предприятия. Это может сказываться на работоспособности сотрудников предприятия, что в конечном итоге повлияет на производительность труда и прибыльность.

На основе исследования системы социальной защиты коллектива организации «Авионика» можно предложить такие методы дополнительной социальной защиты, как, например, создание условий для обучения с отрывом от производства на целевой основе, т.е. с условием необходимости в подготовке персонала по определенным направлениям и формам. Еще одним важным шагом может быть обеспечение гарантий карьерного роста при повышении квалификации или переподготовке без отрыва от производства, в соответствии с учебными планами и штатным расписанием.

Результаты вторичного анализа данных по исследованиям состояния социальной защиты персонала российских предприятий за последние 10 лет позволяют выделить классификацию этого состояния по признакам материальных затрат, видам социальной защиты, информированности персонала о своей социальной защите, эффективности мероприятий социальной защиты на конкретных типах и видах предприятий. Можно выделить не менее трех типов состояния социальной защиты персонала:

– организованная и развивающаяся система социальной защиты персонала. Признаки – наличие коллективного договора, стабильная социальная политика предприятия различные направления социальной защиты персонала, хорошая информированность персонала об этой системе и достаточно частое взаимодействие с ней во время трудовой деятельности. Обычно такая система создана и развита на больших предприятиях и в организациях (в том числе госбюджетных). Пример такой системы приведен в статье Е. В. Шубиной;

– развивающаяся система социальной защиты, достаточная для персонала своего, обычно небольшого по численности предприятия. Пример такой системы приведен и рассмотрен в нашей статье;

– социальная защита, которая пока не сложилась в действующую систему, хотя документально оформлена. Обычно меньшая часть персонала информирована об этой системе, о коллективном договоре и пользуется услугами социальной защиты, среди которых основные – это материальная помощь, получение пособий в случае болезни и производственного травматизма. Часто это бывают предприятия, расположенные в сельской местности, находящиеся в условиях локального рынка труда, и социально-экономическое развитие такого предприятия или организации в основном зависит от развития и конкурентоспособности отрасли, к которой оно относится.

Во всех трех типах по-разному проявляется и роль профсоюзов, которые должны быть важными акторами в формировании институциональных основ социальной защиты персонала. В системах первого типа профсоюзы действительно очень активно действуют в интересах персонала, в системах второго и третьего типа в основном вопросы социальной защиты персонала решает руководство организации или предприятия. И если на малых предприятиях в общем этого может быть достаточно для удовлетворения социальных интересов персонала, то в системах третьего типа профсоюзы скорее вынуждены играть формальную роль, что отмечают и опрошенные работники подобных организаций.

Заключение

Процесс институционализации затронул системы социальной защиты во многих, в том числе в торгующих организациях, но при этом он имеет свою специфику в зависимости от сферы и характера деятельности. Основными институциональными агентами, которые должны регулировать процесс институционализации, должны быть профсоюзы. Основным средством формирования системы социальной защиты персонала пока остается коллективный договор. Но поскольку профсоюзы остаются только общественной организацией, а коллективный договор составляется также на общественных началах, то еще недостаточно эффективны формы социальной защиты персонала организации, которые в основном сводятся к предоставлению материальной помощи в случаях необходимости. Поэтому требуется усиление институциональных мер, чтобы придать самой системе социальной защиты персонала более высокий статус в управлении организацией, и это должны быть меры экономического, юридического и информационного характера.

Список литературы

1. Смелик Р. Г., Левицкая Л. А. Экономика предприятия (организации) : учебник. Омск : ОмГУ, 2014. 294 с.
2. Щека Н. Ю. Персонал предприятия как объект социальной защиты // Sci-article. 2018. № 63. URL: <https://sci-article.ru/stat.php?i=1542020787>
3. Водопьянова Т. П. Система социальной защиты работников как социальный институт российского общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. М., 2004. 28 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/sistema-sotsialnoi-zashchity-rabotnikov-kak-sotsialnyi-institut-rossiiskogo-obshchestva> (дата обращения: 01.03.2021).
4. Шубина Е. В. Организация социальной защиты персонала в компании // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. 2016. № 1. С. 114–119.
5. Каримова Л. Ф. Социальная поддержка трудовой занятости малообеспеченной молодежи Пензенской области // Социальные процессы современной России : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. (г. Нижний Новгород, 19–20 ноября 2020 г.). Н. Новгород : Научно-исследовательский социологический центр, 2020. Т. 1. С. 163–166.
6. Каримова Л. Ф., Корж Н. В. Социальная поддержка молодых инвалидов в современном российском обществе // Динамика социальной среды как фактор развития потребности в новых профессионалах в сфере социальной работы и организации работы с молодежью : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород : Научно-исследовательский социологический центр, 2019. С. 700–704.
7. Фролов С. С. Социология : учебник для вузов. М. : Наука, 1994. 256 с.
8. Социальные институты и механизмы социальной защиты работника // Информационно-аналитический журнал «Политическое самообразование». 2021. 2 августа. URL: <http://lawinrussia.ru/content/socialnye-instituty-i-mehanizmy-socialnoy-zashchity-rabotnika>
9. Социальная защита предприятия // Справочник от Автор24. URL: https://spravochnick.ru/sociologiya/socialnaya_zashchita_naseleniya_i_ee_soderzhanie/socialnaya_zashchita_predpriyatiya
10. Социальная защита работников предприятия // Отдел кадров коммерческой организации. 2015. № 2. URL: <https://yandex.ru/turbo/wiseeconomist.ru/s/poleznoe/100183-socialnaya-zashchita-rabotnikov-predpriyatiya> (дата обращения: 01.03.2021).
11. Сидорова И. Н. Развитие современных форм социальной защиты персонала организации : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. М., 2007. 23 с.

References

1. Smelik R.G., Levitskaya L.A. *Ekonomika predpriyatiya (organizatsii): uchebnik = Economics of an enterprise (organization): textbook*. Omsk: OmGU, 2014:294. (In Russ.)
2. Shcheka N.Yu. The personnel of the enterprise as an object of social protection. *Sci-article*. 2018;(63). (In Russ.). Available at: <https://sci-article.ru/stat.php?i=1542020787>
3. Vodop'yanova T.P. The system of social protection of workers as a social institution of Russian society. PhD abstract. Moscow, 2004:28. (In Russ.). Available at: <https://www.dissercat.com/content/sistema-sotsialnoi-zashchity-rabotnikov-kak-sotsialnyi-institut-rossiiskogo-obshchestva> (accessed 01.03.2021).
4. Shubina E.V. Organization of social personnel protection in the company. *Politika, ekonomika i sotsial'naya sfera: problemy vzaimodeystviya = Politics, economics and social sphere: problems of interaction*. 2016;(1):114–119. (In Russ.)
5. Karimova L.F. Social support for employment of low-income youth of the Penza region. *Sotsial'nye protsessy sovremennoy Rossii: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 t. (g. Nizhniy Novgorod, 19–20 noyabrya 2020 g.) = Social processes of modern*

- Russia: proceedings of the International scientific and practical conference: in 2 volumes (Nizhny Novgorod, November 19–20, 2020)*. Nizhny Novgorod: Nauchno-issledovatel'skiy sotsiologicheskiy tsentr, 2020;1:163–166. (In Russ.)
6. Karimova L.F., Korzh N.V. Social support for young disabled people in modern Russian society. *Dinamika sotsial'noy sredy kak faktor razvitiya potrebnosti v novykh professionalakh v sfere sotsial'noy raboty i organizatsii raboty s molodezh'yu: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. = Dynamics of the social environment as a factor in the development of the need for new professionals in the field of social work and organization of work with youth: proceedings of an International scientific and practical conference*. Nizhny Novgorod: Nauchno-issledovatel'skiy sotsiologicheskiy tsentr, 2019: 700–704. (In Russ.)
 7. Frolov S.S. *Sotsiologiya: uchebnik dlya vuzov = Sociology: textbook for universities*. Moscow: Nauka, 1994:256. (In Russ.)
 8. Social institutions and mechanisms of social protection of the employee. *Informatsionno-analiticheskiy zhurnal «Politicheskoe samoobrazovanie» = Information and analytical journal “Political self-education”*. 2021. 2 Aug. (In Russ.). Available at: <http://lawinrussia.ru/content/socialnye-instituty-i-mehanizmy-socialnoy-zashchity-rabotnika>
 9. Social protection of the enterprise. *Spravochnik ot Avtor24 = Reference from Avtor24*. (In Russ.). Available at: https://spravochnik.ru/sociologiya/socialnaya_zaschita_nasele_niya_i_ee_soderzhanie/socialnaya_zaschita_predpriyatiya
 10. Social protection of the enterprise's employees. *Otdel kadrov kommercheskoy organizatsii = Human Resources Department of a commercial organization*. 2015;(2). (In Russ.). Available at: <https://yandex.ru/turbo/wiseeconomist.ru/s/poleznoe/100183-socialnaya-zashchita-rabotnikov-predpriyatiya> (accessed 01.03.2021).
 11. Sidorova I.N. Development of modern forms of social protection of the organization's personnel. PhD abstract. Moscow, 2007:23. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Галина Борисовна Кошарная

доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: k-galina1@yandex.ru

Galina B. Kosharnaya

Doctor of sociological sciences, professor, head of the sub-department of sociology and personnel management, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Людмила Ивановна Найденова

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления персоналом, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: linajdenova@yandex.ru

Lyudmila I. Naydenova

Doctor of sociological sciences, professor, professor of the sub-department of sociology and personnel management, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Людмила Федоровна Каримова

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и управления персоналом, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: lyudmila_vyargizova@mail.ru

Lyudmila F. Karimova

Candidate of sociological sciences, associate professor, associate professor of the sub-department of sociology and personnel management, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 03.09.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.09.2021

Принята к публикации / Accepted 25.09.2021

УДК 338.012

doi:10.21685/2072-3016-2021-3-16

Методологические принципы определения перспективных и приоритетных направлений развития аграрно-промышленного комплекса в регионе в современных условиях

Р. Р. Юнueva¹, И. В. Клеманова²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹rimmarav@yandex.ru, ²klemanovairis@gmail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Государственное регулирование играет важную роль в развитии сельского хозяйства как на уровне регионов, так и на уровне целой страны. Особенно важна государственная поддержка в современных условиях экономических санкций и ограничений со стороны Западных стран. В данном исследовании выявлены приоритетные направления государственной поддержки сектора аграрно-промышленного комплекса (АПК) региона. Именно адресная направленность государственного регулирования предприятий АПК поможет добиться целевых показателей исполнения Доктрины продовольственной безопасности не только в Пензенской области, но и по стране в целом. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа плановых и прогнозных документов по задачам развития сельского хозяйства. Были изучены статистические данные по основным показателям реализации программ развития сектора АПК Пензенской области. Проанализированы труды Р. Р. Юнueva, Н. И. Панова, В. Д. Козлова и других авторов, занимающихся изучением темы государственной поддержки АПК. *Результаты.* Исследована и выделена совокупность отдельных задач, наиболее остро нуждающихся в поддержке и решении со стороны государства в сфере АПК с учетом существующей экономической ситуации. Выявлены основные принципы государственной политики регулирования АПК Пензенской области в современных условиях. *Выводы.* Для обеспечения оптимальной поддержки развития АПК области со стороны органов власти необходимо продолжать реализацию мероприятий по отраслям АПК с обязательным последующим анализом эффективности их реализации и дополнением мероприятий, которые не были включены на этапе планирования мероприятий по развитию АПК Пензенской области.

Ключевые слова: государственное регулирование, направления государственной поддержки, механизмы и методы современной аграрной политики

Для цитирования: Юнueva Р. Р., Клеманова И. В. Методологические принципы определения перспективных и приоритетных направлений развития аграрно-промышленного комплекса в регионе в современных условиях // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 175–186. doi:10.21685/2072-3016-2021-3-16

Methodological principles for determining promising and priority directions for the development of the agricultural and industrial complex in the region in contemporary conditions

R.R. Yunyaeva¹, I.V. Klemanova²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹rimmarav@yandex.ru, ²klemanovairis@gmail.ru

Abstract. *Background.* State regulation plays an important role in the development of agriculture both at the regional level and at the level of the whole country. State support is especially important in the current conditions of economic sanctions and restrictions imposed by Western countries. This article identifies the priority areas of state support for the agricultural sector in the region. It is the targeted orientation of state regulation of agricultural enterprises that will help achieve the targets for the implementation of the Food Security Doctrine not only in Penza region, but also in the whole country. *Materials and methods.* The implementation of the research tasks was achieved on the basis of the analysis of the planned and forecast documents on the tasks of agricultural development. Statistical data on the main indicators of the implementation of programs for the development of the agricultural sector of the Penza region were studied. The article analyzes the works of R.R. Yunyaeva, N.I. Panov, V.D. Kozlov and other authors who study the topic of state support of the agricultural and industrial complex. *Results.* The author studies and identifies a set of individual tasks that most urgently need support and solution from the state in the field of agriculture, taking into account the current economic situation. The main principles of the state policy of regulating the agricultural and industrial complex of Penza region in modern conditions are revealed. *Conclusions.* To ensure optimal support for the development of the agricultural and industrial complex of the region from the authorities, it is necessary to continue the implementation of measures for the branches of the agricultural and industrial complex with a mandatory subsequent analysis of the effectiveness of their implementation, and to supplement the measures that were not included at the planning stage of measures for the development of the agricultural and industrial complex of Penza region.

Keywords: state regulation, directions of state support, mechanisms and methods of modern agricultural policy

For citation: Yunyaeva R.R., Klemanova I.V. Methodological principles for determining promising and priority directions for the development of the agricultural and industrial complex in the region in contemporary conditions. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;(3):175–186. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-3-16

Роль государства в развитии основных секторов экономики трудно переоценить, особенно в современных условиях инфляции, экономических санкций и ограничений со стороны европейских стран и США. В современных условиях ограничений и нестабильной политической ситуации аграрные предприятия все более остро нуждаются в поддержке со стороны государства. При появлении новых рисков по сбыту продукции остались прежние вопросы, связанные с зависимостью условий и результатов производственной деятельности аграрного сектора экономики и от внешних природно-климатических воздействий.

Государственное регулирование АПК – это экономическое воздействие государства на производство, переработку и реализацию сельскохозяйственной

продукции, сырья и продовольствия, а также на производственно-техническое обслуживание и материально-техническое обеспечение¹. Именно благодаря целенаправленному вмешательству государства в построение эффективной системы помощи, поддержки и регулирования в секторе АПК в непростых экономических условиях удалось достигнуть в целом хороших результатов и прироста по объему производимой продукции (табл. 1).

Таблица 1

Производство основных видов продукции сельского хозяйства
во всех категориях хозяйств

Вид продукции	2010 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	Темп прироста в 2019 г. в процентах к	
					2010 г.	2018 г.
Зерно, тыс. т	46 994	94 969	79 540	84 905	+81	+7
Сахарная свекла, тыс. т	19 735	45 791	37 503	48 432	+145	+29
Семена подсолнечника, тыс. т	3900	7132	8466	9912	+154	+17
Картофель, тыс. т	2213	4233	4317	4629	+109	+7
Овощи, тыс. т	2070	3480	3581	3967	+92	+11
Скот и птица на убой, тыс. т	4342	8040	8396	8559	+97	+2
Молоко, тыс. т	14 313	15 674	16 245	16 967	+19	+4
Яйца, млн шт.	31 316	35 924	36 161	36 183	+16	0

Главная цель государственного управления в АПК – создание условий для результативной и эффективной деятельности субъектов сельского хозяйства, повышения уровня конкурентоспособности отечественной продукции [1]. Для достижения данной цели главным принципом выстраивания методологии государственного регулирования в секторе АПК должен стать комплексный подход, т.е. усовершенствование не только секторов АПК, влияющих напрямую на производство, но и направлений социального, культурного, инфраструктурного, научного развития сельских территорий. В результате анализа существующих плановых и прогнозных документов по задачам развития сельского хозяйства была выделена совокупность отдельных задач, наиболее остро нуждающихся в поддержке и решении со стороны государства с учетом существующей экономической ситуации (рис. 1):

- повышение качества российских продовольственных товаров;
- поддержание высокой конкурентоспособности российской сельскохозяйственной продукции и российских сельскохозяйственных товаропроизводителей как на внутреннем, так и на внешнем рынках;
- повышение благосостояния и качества жизни населения (как сельского, так и городского);
- сохранение природных ресурсов, их воспроизводства;

¹ О государственном регулировании агропромышленного производства : федер. закон от 14 июля 1997 г. № 100-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15203/

- регулирование рынка сельхозпродукции для поддержания требуемого уровня доходности аграрных предприятий;
- мониторинг и контроль ценообразования в секторе АПК – на этапе как закупки материальных и технических ресурсов, так и продажи товаров конечному потребителю;
- развитие человеческого капитала;
- повышение инвестиционного рейтинга сектора АПК, в том числе для привлечения иностранных инвесторов.

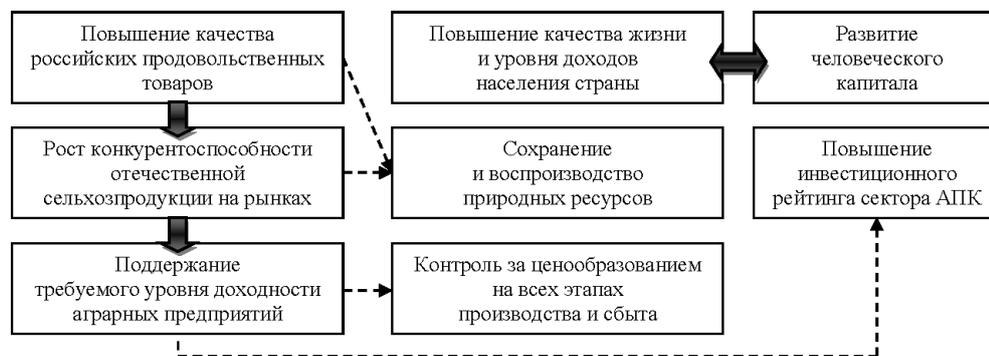

Рис. 1. Блок-схема выполнения задач для достижения целей государственного регулирования аграрно-промышленного комплекса

В единой системе государственного регулирования сельского хозяйства особое место отводится разработке организационно-экономического механизма государственной поддержки агропромышленного комплекса региона (рис. 2), в основу которого положены следующие принципы:

- рациональность и обоснованность размеров государственной поддержки АПК;
- доступность государственной поддержки для всех категорий сельхозтоваропроизводителей, а также наличие информации о том, где можно получить тот или иной вид помощи;
- открытость и обоснованность системы планирования объемов господдержки;
- гибкость поддержки, проведение постоянного мониторинга, своевременность и быстрота реагирования, принятие соответствующих мер при изменении ситуации на агропродовольственном рынке;
- систематический контроль за целевым использованием бюджетных средств, своевременным оказанием господдержки и ее эффективностью;
- инструменты государственного воздействия на стимулирование аграрного производства должны нацеливать сельскохозяйственных товаропроизводителей на эффективное использование ресурсов производства [2];
- антимонопольное государственное регулирование, поддержка инновационной и инвестиционной деятельности АПК;
- государственная поддержка и защита интересов отечественных производителей среди импортеров продовольствия;
- косвенное влияние государства с помощью налогов, тарифов, процентных ставок, таможенных сборов;
- создание системы льготного регулирования в АПК.

Рис. 2. Механизм реализации системы оказания государственной поддержки субъектам агропромышленного комплекса

Следует отметить, что наиболее перспективными и результативными методами поддержки остаются экономические методы, нацеленные на защиту отечественного рынка от импортной продукции, обязательная оценка качества ввозимой продукции. Государство может выступать как в качестве заказчика и инвестора сельскохозяйственной продукции, так и ограничительным органом, запрещающим ввоз в страну того или иного вида продукции. Это поможет развитию аграрного рынка, социальной инфраструктуры села и обеспечению подготовленных и квалифицированных кадров [3].

Нельзя исключать из внимания государства регулирование в сфере технологического развития отраслей АПК, обновление технологической инфраструктуры в использовании продовольственных ресурсов и внедрения новых форм производства. Модернизация и расширение производства влияет на продовольственную безопасность страны, поэтому только таким образом возможно обеспечить достойный уровень конкуренции с зарубежным продуктовым рынком¹.

Институциональный метод государственного регулирования предполагает трансформацию правовой составляющей, создавая благоприятные

¹ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации : доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 5. Ст. 502.

возможности для агробизнеса, способствующие расширенному воспроизводству через мониторинг, лизинг, акционирование, планирование и прогнозирование [4].

Самым действенным методом государственного регулирования АПК остается прямая и косвенная поддержка со стороны государства в виде субсидий, субвенций, дотаций, компенсаций, бюджетного и внебюджетного кредитования, а также налогового регулирования. Несмотря на то что для сельского хозяйства налогообложение льготное, налоговое бремя остается по-прежнему тяжелым [5].

Современный вектор развития сельского хозяйства – формирование конкурентоспособного на мировом рынке и экологически безопасного производства сельскохозяйственных продуктов, необходимых для поддержания достигнутого уровня продовольственной безопасности, обеспечения роста благосостояния населения, а также сохранения природных ресурсов. Это зависит от того, насколько взаимосвязанной и результативной будет поддержка со стороны государства всех хозяйствующих субъектов отрасли. Если государственные меры будут направлены на качественное решение задач по выведению сектора АПК в зону успеха, то большинство предприятий и организаций агропромышленного комплекса работают эффективно. Поэтому очень важно не просто решать задачу по созданию инструментов и методов государственного регулирования, но и постоянно совершенствовать данные методы, опираясь на достигнутые результаты реализации государственной политики развития АПК.

В настоящее время в развитии АПК Пензенской области основным документом, регламентирующим методы и инструменты государственной политики, является долгосрочная целевая программа «Развитие АПК Пензенской области на 2014–2022 гг.». Первые результаты реализации программы говорят об эффективности ее реализации – индекс производства продукции сельского хозяйства за 2020 г. составил 115,7 %. По индексу производства продукции сельского хозяйства регион занимает 1 место в Приволжском федеральном округе (ПФО) и 3 – в Российской Федерации (табл. 2).

В приоритетных целях реализации программы раскрыты основные направления государственной политики, направленные на развитие инфраструктуры АПК области на ближайшие годы:

- развитие импортозамещающих подотраслей сельского хозяйства;
- экологическая безопасность сельскохозяйственной продукции и продовольствия;
- наращивание экспорта сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия по мере насыщения ими внутреннего рынка;
- в сфере производства – скотоводство (производство молока и мяса) как системообразующая подотрасль, использующая конкурентные преимущества, в первую очередь наличие значительных площадей сельскохозяйственных угодий;
- в экономической сфере – повышение доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей;
- в социальной сфере – устойчивое развитие сельских территорий в качестве неперемennого условия сохранения трудовых ресурсов;

Таблица 2

Отчет реализации программы «Развитие АПК Пензенской области на 2014–2022 гг.»
по показателям за 2020 г.

Целевой показатель	Единицы измерения	План на 2020 г.	Факт за 2020 г.	Абсолютное отклонение	Относительное отклонение, в процентах
1. Индекс производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий (в сопоставимых ценах) к предыдущему году	Проценты	101,46	115,70	14,2	14
2. Индекс производства продукции растениеводства в хозяйствах всех категорий (в сопоставимых ценах) к предыдущему году	Проценты	100,38	123,90	23,5	23,4
3. Индекс производства продукции животноводства в хозяйствах всех категорий (в сопоставимых ценах) к предыдущему году	Проценты	102,36	108,80	6,4	6,3
4. Индекс производства пищевых продуктов (в сопоставимых ценах) к предыдущему году	Проценты	101,00	106,60	5,6	5,5
5. Индекс производства напитков (в сопоставимых ценах) к предыдущему году	Проценты	100,5	130,2	29,7	29,6
6. Рентабельность сельскохозяйственных организаций (с учетом субсидий)	Проценты	7,4	15,4	8,0	108,1
7. Среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства (без субъектов малого предпринимательства)	Руб.	30 434,6	37 396,40	6961,8	22,9
8. Индекс производительности труда к предыдущему году	Проценты	100,15	100,20	0,0	0,0
9. Количество высокопроизводительных рабочих мест	Тыс. ед.	6785	6791	0	0,1

- в сфере развития производственного потенциала – мелиорация земель сельскохозяйственного назначения, введение в оборот неиспользуемой пашни и других категорий сельскохозяйственных угодий;
- в институциональной сфере – развитие интеграционных связей в агропромышленном комплексе;
- в научной и кадровой сферах – обеспечение формирования инновационного агропромышленного комплекса¹.

Для увеличения уровня конкурентоспособности продукции АПК Пензенской области предприятиям следует не только полагаться на государство, но и самостоятельно проводить мероприятия по росту экономической эффективности деятельности. Экономическая эффективность сельскохозяйственного производства выражается в том, ценой каких затрат, капитала (ресурсов) достигается конечный результат. Любое сельскохозяйственное и перерабатывающее предприятие должно не только контролировать, но и планировать свои затраты, конечный финансовый результат в долгосрочной перспективе [6]. Здесь необходима помощь государственных структур в подготовке кадров, которые смогут составить качественный долгосрочный план деятельности аграрного предприятия с учетом специфики деятельности, ситуации на рынке, состояния материально-технической базы, оценки рынков сбыта готовой продукции, расчета необходимых затрат с анализом источников экономии.

Данная тема достаточно обширная и требует раскрытия отдельно с необходимыми расчетами и детальным анализом проблем. В связи с этим хотелось бы выделить основные направления государственной политики Пензенской области в сфере развития сельского хозяйства, нацеленные на достижение устойчивого экономического эффекта (табл. 3) [7].

Основными принципами государственной политики регулирования АПК Пензенской области в современных условиях должны стать [8]:

1. Акцент на модернизацию сельскохозяйственной техники и технологии агропромышленного производства. Это решит основную часть проблем в сфере молочного и зернового производства, а также позволит добиться ожидаемых результатов в продовольственном обеспечении населения.
2. Развитие инновационных программ и инновационных проектов в сфере АПК. Для этого можно использовать имеющиеся площадки инновационной инфраструктуры – кластеры, технопарки, бизнес-инкубаторы.
3. Совершенствование технологического состояния отрасли. Обновление и ремонт материально-технической базы. Это позволит увеличить урожайность, сократить падеж скота и минимизировать потери продукции при ее уборке и транспортировке.
4. Обеспечение транспортной доступности на селе. В реализуемых в области программах упоминается о развитии автомобильных дорог с выделением средств на данное направление не больше 7 % от общих расходов на развитие АПК. В областях региона, где нет дорог с твердым покрытием, значительное количество сельскохозяйственной продукции остается в полях хозяйств, а это экономические потери. Если решить эту проблему, можно не просто повысить урожайность, но и обеспечить поддержание ее качества, а значит и конкурентоспособности. Плюс к тому – сэкономить на затратах и максимально снизить потери.

¹ Об утверждении государственной программы Пензенской области «Развитие агропромышленного комплекса Пензенской области на 2014–2020 годы»: постановление Правительства Пензенской области от 18.09.2013 № 691-пП (с изм. от 20 апреля 2021 г.) // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/17341353/>

Таблица 3

Перспективные направления развития аграрно-промышленного комплекса Пензенской области
для обеспечения устойчивого экономического эффекта

Направление	Необходимые ресурсы/действия	Плановый результат	Экономический эффект
1	2	3	4
Обеспечение производства товаров для удовлетворения потребностей населения области	Создание и реконструкция производств (от малых форм до крупных предприятий). Наращивание производства. Регулирование рынка импортных продуктов сельского хозяйства. Необходимо дополнительное финансирование из бюджета	Область не менее чем на 90 % обеспечивает население товарами собственного сельхозпроизводства	Рост прибыли за счет увеличения объемов производимой продукции. Создание новых рабочих мест в области
Рост экспорта продукции за пределы области (наращивание производства)			
Максимальное импортозамещение готовой продукции сельского хозяйства		Темпы производства продукции позволяют экспортировать в другие области и за рубеж без ущерба насыщения внутреннего рынка области. Необходимость импорта продуктов минимальная – для поддержания уровня конкуренции	
Минимизация закупки материально-технических ресурсов и сырья для сельского хозяйства за рубежом. Создание аналогичных производств в области	Финансовая поддержка для создания производств сырья на отечественном рынке	Отсутствие зависимости от колебаний иностранного рынка материально-технических ресурсов и сырья, а также новых санкций со стороны европейских стран	Экономия на сырье за счет снижения транспортных расходов. Поддержание конкурентоспособных цен за счет снижения себестоимости

Окончание табл. 3

1	2	3	4
<p>Научно-технологичное развитие АПК в регионе</p>	<p>Реализация исследований в сфере АПК. Техническое перевооружение отрасли с учетом научных разработок. Требуется финансовая поддержка государства</p>	<p>Рост качества продукции. Увеличение инвестиционного рейтинга АПК в области</p>	<p>Рост прибыли за счет применения новых технологий в растениеводстве и животноводстве как основных отраслях сельского хозяйства</p>
<p>Развитие научного подхода к обработке почв, проведению посевных и уборочных работ</p>	<p>Исследования в области поддержания плодородия почв (исключая химическое вредное воздействие), устранения потерь во время посевной и уборочной кампания</p>	<p>Повышение урожайности, рост объемов производства и качества продукции</p>	<p>Рост доходности предприятий за счет увеличения качества продукции, как следствие – рост спроса на производимые товары сельского хозяйства</p>
<p>Оптимизация системы кормления животных в скотоводстве</p>	<p>Новые безопасные виды кормов. Разработка, создание и совершенствование существующих систем кормления животных</p>	<p>Снижение производственных затрат, увеличение продуктивности, а значит и объемов производства</p>	<p>Увеличение прибыли за счет внедрения новых технологий (в долгосрочной перспективе)</p>
<p>Подготовка научных кадров для работы в АПК (как технической, инженерной направленности, так и экономистов в сфере АПК)</p>	<p>Переподготовка кадров, обучение новым технологиям. Создание площадок для обмена опытом специалистов в сфере АПК</p>	<p>Персонал, занятый в производстве, знающий и применяющий новые технологии в производстве. Экономисты и административный персонал владеют инструментами, позволяющими увеличить прибыль, сохранить качество продукции и минимизировать затраты как в долгосрочной, так и в краткосрочной перспективе, что позволит увеличить прибыль и сократить затраты предприятий</p>	

5. Развитие социальной сферы и подготовка квалифицированных кадров, способных обеспечить максимально эффективный производственный процесс.

Для обеспечения оптимальной поддержки развития АПК области со стороны органов власти необходимо продолжать реализацию мероприятий по отраслям АПК с обязательным последующим анализом эффективности их реализации и дополнением мероприятий, которые не были включены на этапе планирования мероприятий по развитию АПК Пензенской области.

Список литературы

1. Адуков Р. Х., Алтухов А. И. Совершенствование государственного управления агропромышленным комплексом страны // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2007. № 1. С. 43.
2. Бурковский П. В. Государственное регулирование аграрной экономики в Краснодарском крае : монография. Краснодар : КубГАУ, 2015. 131 с.
3. Козлов В. Д., Мордовченков Н. В., Николенко П. Г. Развитие инфраструктуры АПК в условиях государственного регулирования экономики // Вестник НГИЭИ. 2014. № 7 (38). С. 133–144.
4. Юняева Р. Р., Аверин А. Ю. Специфика функционирования системы поддержки сельского хозяйства в регионах Российской Федерации в условиях возникновения чрезвычайной ситуации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 2. С. 115–125.
5. Маслова В., Борхунова Н., Зарук Н., Счастливец Л., Авдеев М. Экономическое регулирование воспроизводства в АПК // АПК: экономика, управление. 2017. № 4. С. 51–60.
6. Епанчинцев В. Ю., Шумакова О. В. Стратегическое планирование развития АПК в Омской области // Перспективы развития агропромышленного комплекса: региональные и межгосударственные аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Новосибирск, 14–15 ноября 2018 г.). Новосибирск : Золотой колос, 2018. С. 16–18.
7. Гурьянова Н. М., Гущина В. А., Сологуб И. И. [и др.]. Проблемы и основные направления повышения эффективности функционирования АПК региона в условиях глобализации и импортозамещения : монография. Пенза, 2021. 180 с.
8. Юняева Р. Р., Клеманова И. В. Особенности регионального развития субъекта РФ на основе оптимизации государственной политики АПК // Региональная экономика: теория и практика. 2020. № 1 (472). С. 165–178.

References

1. Adukov R.Kh., Altukhov A.I. Improvement of state management of the agricultural and industrial complex of the country. *Menedzhment i biznes-administrirovanie = Management and business administration*. 2007;(1):43. (In Russ.)
2. Burkovskiy P.V. *Gosudarstvennoe regulirovanie agrarnoy ekonomiki v Krasnodarskom krae: monografiya = State regulation of the agrarian economy in the Krasnodar Krai: monograph*. Krasnodar: KubGAU, 2015:131. (In Russ.)
3. Kozlov V.D., Mordovchenkov N.V., Nikolenko P.G. Development of the infrastructure of the agricultural and industrial complex in the context of state regulation of the economy. *Vestnik NGIEI = Bulletin of Nizhny Novgorod State Engineering and Economic University*. 2014;(7):133–144. (In Russ.)
4. Yunyaeva R.R., Averin A.Yu. The specifics of the functioning of the agricultural support system in the regions of the Russian Federation in an emergency situation. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2020;(2):115–125. (In Russ.)

5. Maslova V., Borkhunova N., Zaruk N., Schastlivtseva L., Avdeev M. Economic regulation of reproduction in the agro-industrial complex. *APK: ekonomika, upravlenie = Agrocultural and industrial complex: economics, management*. 2017;(4):51–60. (In Russ.)
6. Epanchintsev V.Yu., Shumakova O.V. Strategic planning for the development of the agro-industrial complex in Omsk region. *Perspektivy razvitiya agropromyshlennogo kompleksa: regional'nye i mezhgosudarstvennye aspekty: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Novosibirsk, 14–15 noyabrya 2018 g.) = Prospects for the development of the agro-industrial complex: regional and interstate aspects: proceedings of International scientific and practical conference (Novosibirsk, November 14–15, 2018)*. Novosibirsk: Zolotoy kolos, 2018:16–18. (In Russ.)
7. Gur'yanova N.M., Gushchina V.A., Sologub I.I. [et al.]. *Problemy i osnovnye napravleniya povysheniya effektivnosti funktsionirovaniya APK regiona v usloviyakh globalizatsii i importozameshcheniya: monografiya = Issues and main directions of increasing the efficiency of functioning of the agro-industrial complex of the region in the context of globalization and import substitution: monograph*. Penza, 2021:180. (In Russ.)
8. Yunyaeva R.R., Klemanova I.V. Features of the regional development of the RF subject based on the optimization of the state policy of the agro-industrial complex. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional economics: theory and practice*. 2020;(1):165–178. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Римма Равиловна Юнueva

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономики
и финансов, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: rimmarav@yandex.ru

Rimma R. Yunyaeva

Doctor of economic sciences, professor,
professor of the sub-department
of economics and finance, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Ирина Валентиновна Клеманова

аспирант, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: klemanovairis@gmail.ru

Irina V. Klemanova

Postgraduate student, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 08.06.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 30.06.2021

Принята к публикации / Accepted 10.07.2021

УДК 338.2

doi:10.21685/2072-3016-2021-3-17

Циркулярная экономика: возможности и барьеры

Н. Р. Амирова¹, Л. В. Саргина², Я. Э. Кондратьева³

^{1,2,3}Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия

¹naylyaamirova@mail.ru, ²lsargina@yandex.ru, ³16yana@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Постоянный рост населения и увеличение спроса на ресурсы в условиях недостатка продовольствия, сырья, среды обитания отражают острую необходимость изучения как российского, так и зарубежного опыта для поиска решений данных проблем. Загрязнение окружающей среды, сохранение тенденций к увеличению выбросов углекислого газа и прочих парниковых газов, влекущих за собой изменения климата, усугубляют ранее отмеченные проблемы. Цель работы – изучить и проанализировать возможности, которые предоставляет концепция циркулярной экономики для устранения негативных последствий вышеуказанных проблем, а также выявление барьеров, возникновение которых обусловлено процессом внедрения циркулярной модели развития экономики. *Материалы и методы.* При проведении исследования были проанализированы существующие российские и иностранные публикации по данной проблематике, а также данные агентств и компаний. Для достижения поставленной цели данного исследования были использованы общенаучные методы познания, системный и комплексный подход, методы логического, сравнительного и статистического анализа. *Результаты.* Рассмотрены и проанализированы основные особенности и аспекты концепции циркулярной экономики, которая приходит на смену привычной линейной экономической модели развития. Изучены эффекты, которые данный подход способен оказать на функционирование организаций и общества в целом, а также связанные с этим возможности в сфере экономики, экологии и общества. Обозначены барьеры при достижении более эффективного взаимодействия между социальными, технологическими (экологическими) и производственными (экономическими) аспектами внедрения круговой экономики в современных условиях. Представлены соответствующие предложения для преодоления барьеров на пути к циркулярной экономике на основе принципов ресурсной эффективности и безотходности. *Выводы.* Подробное рассмотрение данного подхода к организации хозяйственной деятельности свидетельствует о целесообразности внедрения принципов круговой модели развития экономики. Циркулярная экономика способна качественно преобразовать модель производства экономики, способствовать экономическому росту, сократить объем отходов и выбросов парниковых газов и обеспечить потребителей более долговечными и инновационными продуктами. На данный момент существуют значительные экономические, финансовые, институциональные и технологические барьеры для внедрения данной концепции устойчивого развития. Приведен ряд предложений для преодоления данных проблем, среди которых можно выделить развитие устойчивого подхода, внедрения цифровых технологий, научного осмысления данной проблематики и необходимость государственной поддержки.

Ключевые слова: циркулярная экономика, загрязнение окружающей среды, цифровые технологии, зеленые финансы, экономика совместного использования

Для цитирования: Амирова Н. Р., Саргина Л. В., Кондратьева Я. Э. Циркулярная экономика: возможности и барьеры // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 187–201. doi:10.21685/2072-3016-2021-3-17

Circular economy: opportunities and barriers

N.R. Amirova¹, L.V. Sargina², Ya.E. Kondratyeva³

^{1,2,3}Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

¹naylyaamirova@mail.ru, ²Lsargina@yandex.ru, ³16yana@mail.ru

Abstract. *Background.* The constant growth of the population and the increase in demand for resources in conditions of a lack of food, raw materials, and habitat reflect the urgent need to study both Russian and foreign experience in order to find solutions to these problems. Environmental pollution, persistence of upward trends in emissions of carbon dioxide and other greenhouse gases that lead to climate change, exacerbate the previously noted problems. The purpose of the work is to study and analyze the possibilities that the concept of a circular economy provides for eliminating the negative consequences of the above problems, as well as identifying barriers that arise due to the process of introducing a circular model of economic development. *Materials and methods.* The study analyzed existing Russian and foreign publications on this issue, as well as data from agencies and companies. To achieve the set goal of this study, general scientific methods of cognition, a systemic and integrated approach, methods of logical, comparative and statistical analysis were used. *Results.* The main features and aspects of the circular economy concept, which replaces the usual linear economic development model, are considered and analyzed. The effects that this approach can have on the functioning of organizations and society as a whole are studied, as well as the associated opportunities in the field of economics, ecology and society. Barriers to achieving a more effective interaction between social, technological (environmental) and production (economic) aspects of introducing a circular economy in modern conditions are identified. Relevant proposals for overcoming barriers to a circular economy based on the principles of resource efficiency and zero waste are presented. *Conclusions.* A detailed consideration of this approach to the organization of economic activity indicates the advisability of introducing the principles of a circular model of economic development. The circular economy can transform the production model of the economy, foster economic growth, reduce waste and greenhouse gas emissions, and provide consumers with more durable and innovative products. At the moment, there are significant economic, financial, institutional and technological barriers to the implementation of this concept of sustainable development. A number of proposals are given to overcome these problems, among which one can highlight the development of a sustainable approach, the introduction of digital technologies, scientific understanding of this issue and the need for state support.

Keywords: circular economy, environmental pollution, digital technologies, green finance, sharing economy

For citation: Amirova N.R., Sargina L.V., Kondratyeva Ya.E. Circular economy: opportunities and barriers. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2021;(3):187–201. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-3-17

Введение

Согласно данным ООН, население планеты достигнет 9,8 млрд в 2050 г. и 11,2 млрд в 2100 г. [1]. Таким образом, население планеты постоянно растет, а вместе с ним, соответственно, увеличивается и спрос на сырье, однако

поставки важнейшего сырья ограничены. Существует постоянно растущая потребность в материалах, воде и энергии как из-за роста населения, так и из-за увеличения спроса со стороны промышленного производства и потребителей в развитых и развивающихся странах. В рамках данной проблемы в последнее десятилетие можно отметить существенную волатильность цен на ресурсы, а также их устойчивый рост, что обусловит возникновение вопросов нехватки сырья наряду со значительным ростом количества отходов.

Образование отходов в результате хозяйственной деятельности и потребления является одной из самых существенных проблем, стоящих перед человечеством. Отходы, включая пластмассы, текстильные изделия, продукты питания, электронику, наносят неизмеримый ущерб окружающей среде и здоровью человека. Согласно исследованиям ожидается, что к 2050 г. мировой объем отходов может составить 3,4 млрд т [2]. При этом Восточная Азия и Тихоокеанский регион ответственны за производство почти четверти (23 %) всех отходов. Так, к 2050 г. объем отходов в странах Африки к югу от Сахары утроится, а поток отходов в Южной Азии увеличится более чем в два раза [3].

Для смягчения данной проблемы необходимы многомерные цепочки поставок, циклы восстановления продукции и материалов. Товары должны быть спроектированы и произведены с учетом возможности ремонта, восстановления или перепродажи.

Загрязнение окружающей среды – совсем не новое явление, которое остается мировой проблемой, стоящей перед человечеством. Урбанизация, индустриализация, добыча полезных ископаемых и их разведка только способствуют глобальному загрязнению окружающей среды. Как развитые, так и развивающиеся страны совместно пытаются решить данную проблему за счет повышения осведомленности населения и ужесточения законодательства в сфере экологии. Однако, несмотря на всеобщее внимание к загрязнению окружающей среды, в 2018 г. из-за высокого спроса на энергию объем общемировых выбросов углекислого газа вырос на 1,7 % и достиг исторического максимума – 33,1 Гт. Это был самый высокий темп роста с 2013 г., который был на 70 % выше среднего прироста с 2010 г. В 2019 г. данный показатель составил 33 Гт [4]. Выбросы углекислого газа и прочих парниковых газов являются драйверами изменения климата и представляют собой одну из самых глобальных проблем в мире. Для того чтобы замедлить глобальное потепление, необходимо стабилизировать концентрацию углекислого газа и других парниковых газов в атмосфере Земли.

Таким образом, необходимо минимизировать образование отходов и стимулировать длительное и повторное использование продуктов, материалов и ресурсов в экономике для смягчения и в перспективе решения глобальных проблем человечества. Данная идея является основой циркулярной экономики, которая стремится создать новую модель производства и потребления товаров и услуг.

Материалы и методика

Теоретической и методологической основой исследования явились научные работы российских и зарубежных ученых, отчеты агентств и компаний. Во время подготовки данной статьи были использованы общенаучные методы познания, применяемые в экономической науке. Также в работе

использован комплекс научных подходов и методов, таких как системный и комплексный подход, методы логического и сравнительного анализа, экспертных оценок и статистического анализа. Методические подходы основаны на теоретико-методологическом исследовании потенциала циркулярной экономики, анализа возможностей, которые может предоставить данная концепция как отдельным компаниям, так и странам для повсеместного воспроизведения в производственных и потребительских циклах используемых в экосистемах принципов, а также существующих на данный момент барьеров, препятствующих переходу экономики на круговую модель развития.

Результаты

Повторное использование материалов в промышленности не было приоритетом, так как дешевле было получить больший объем первичных ресурсов и утилизировать их после использования. Наибольший рост экономической эффективности промышленной революции был достигнут за счет использования большего количества ресурсов для снижения затрат на рабочую силу. Со времен промышленной революции человечество следует традиционной линейной модели производства и потребления, которая предполагает добычу необходимых ресурсов из окружающей среды, производство из них товаров или услуг, а также их потребление наряду с возникновением отходов на каждом из этапов. Иными словами, в данной модели большой объем сырья используется нерационально.

Циркулярная экономика направлена на устранение разрыва между циклами производства и природными экосистемами за счет минимизации отходов. Это модель производства и потребления, которая учитывает производственные процессы и способствует повторному использованию за счет ремонта или переработки предметов, тем самым повышая устойчивость производства и потребления [5, с. 156]. Когда продукт достигает конца своего срока службы, материалы, из которых он был изготовлен, сохраняются в экономике настолько, насколько это возможно. Они продуктивно используются снова и снова, создавая тем самым дополнительную ценность [6, с. 324]. Это способствует предотвращению необратимого изменения климата, сокращению биоразнообразия, загрязнения воздуха, почвы и воды из-за использования ресурсов со скоростью, превышающей возможности Земли по их возобновлению.

Циркулярная экономика предполагает совместное использование, аренду, повторное использование, ремонт, реконструкцию и переработку существующих материалов и продуктов [7, с. 28]. При производстве товары должны быть рассчитаны на длительный срок службы и предусматривать возможность либо ремонта, модификации и повторного использования, либо разбора на элементы, что обуславливает продление жизненного цикла продукции.

Однако, говоря про устранение отходов, необходимо провести различие между техническими и биологическими циклами. Потребление происходит только в биологических циклах, где продукты, как, например, пища или одежда, предназначены для возвращения в систему через такие процессы, как анаэробное пищеварение и компостирование. Таким образом, обеспечивается регенерация циклов. В технических циклах речь идет о непотребляемых товарах. Данные циклы подразумевают восстановление и повторное использование товаров или их компонентов, материалов и направлены на оптимизацию

выхода ресурсов за счет циркуляции продуктов, компонентов и материалов, используемых с максимальной полезностью [7, с. 26].

Переход к циркулярной экономике означает отказ от использования химических веществ и переход на возобновляемые источники энергии, которые обычно рассматриваются как противоположность энергии, полученной из ископаемого топлива. Запасы ископаемого топлива часто считаются ограниченными и невозполнимыми. Добыча и использование ископаемого сырья оказывают серьезное негативное воздействие на окружающую среду. К возобновляемым источникам энергии можно отнести энергию, поступающую от солнечных лучей, ветра или водных циклов. Они не оказывают значительного негативного воздействия на окружающую среду, по сравнению с получением энергии из ископаемого топлива.

Рассматривая циркулярную экономику, необходимо провести анализ основных эффектов и возможностей, которые будут вызваны переходом к данной модели (табл. 1).

Таблица 1

Эффекты и возможности,
связанные с переходом к циркулярной экономике

<i>Экономика</i>	<i>Экология</i>
<ul style="list-style-type: none"> – Экономия производственных затрат – Снижение ресурсозависимости – Снижение зависимости от волатильности цен на сырье – Защита от геополитических кризисов – Увеличение местной занятости – Увеличение экономического роста – Внедрение экономики совместного использования – Улучшение удовлетворенности клиентов – Повышение лояльности 	<ul style="list-style-type: none"> – Сокращение загрязнения окружающей среды – Экономия материальных ресурсов – Увеличение плодородности почвы – Снижение отрицательных внешних эффектов
	<i>Общество</i>
	<ul style="list-style-type: none"> – Развитие технического прогресса – Увеличение располагаемого дохода – Снижение морального износа – Увеличение полезности

Циркулярная экономика обладает потенциалом для улучшения экологии за счет сокращения использования сырья, снижения выбросов парниковых газов, оптимизации производительности сельского хозяйства и уменьшения негативных внешних эффектов, существующих в линейной модели экономического развития. Это может быть обеспечено за счет использования возобновляемых источников энергии. Кроме того, повторное использование, переработка материалов и элементов продукции обеспечивают снижение необходимости в использовании дополнительных ресурсов и в осуществлении производственных процессов.

Внедрение принципов циркулярной модели экономики может привести к экономии материальных ресурсов, снижению количества не только утилизированных, но и вторично использованных материалов за счет более длительного жизненного цикла продукции. Следовательно, для обеспечения функционирования экономики будет требоваться меньший объем дополнительных ресурсов.

Переход к циркулярной экономике может способствовать увеличению плодородности почвы и ее ценности как актива за счет снижения отходов в производственно-сбытовой цепочке пищевых продуктов и возвращения питательных веществ в почву. Устойчивое использование органических отходов может способствовать регенерации почв и снижению необходимости использования химических удобрений, тогда как сейчас наблюдается снижение искусственного, эффективного и экономического плодородия почвы [8, с. 115].

При переходе к циркулярной экономике также можно отметить снижение отрицательных внешних эффектов (негативных экстерналий). За счет минимизации отходов и снижения загрязнения окружающей среды, устранения токсичных выбросов повысится полезность, связанная с использованием, например, рек, земли, воздуха.

Рассмотрим возможности и эффекты, которые возникнут в экономике при переходе к циркулярной модели развития. Устранение отходов из производственной цепочки путем повторного использования материалов будет способствовать экономии производственных затрат и снижению ресурсозависимости, что будет способствовать снижению импортозависимости стран с дефицитными не возобновляемыми ресурсами [9, с. 5]. Наряду с этим возникает возможность снижения зависимости компаний от волатильности цен на сырье и рисков их функционирования в условиях развития геополитических кризисов. В конечном итоге модель циркулярной экономики способна сделать предприятия более устойчивыми и подготовленными к кризисам и чрезвычайным ситуациям.

Особую ценность в условиях формирования новой технологической парадигмы и хозяйственного уклада приобретает человеческий капитал, по отношению к которому формируется новая стратегия управления в условиях перехода экономики на круговой путь развития [10, с. 12]. Внедрение принципов циркулярной экономики может способствовать росту числа рабочих мест и повышению требований к квалификации трудовых ресурсов [11]. Так, при внедрении циркулярной экономики в Великобритании может быть создано 50 000 новых рабочих мест, а в Нидерландах – 54 000 [12, с. 190]. Рост занятости при переходе к данной модели во многом объясняется увеличением расходов, связанных с высокой трудоемкостью, которая требуется для высококачественной переработки вторичного сырья. Для создания продукции с более длительным жизненным циклом и возможностью переработки появится необходимость в услугах инженеров-механиков и дизайнеров для создания прочных и легко разбираемых продуктов на стадиях как трансформации, так и производства.

Также можно отметить увеличение темпов экономического роста за счет создания новых видов деятельности и дальнейшего развития ранее существовавших производственных циклов. Циркулярная экономика подразумевает снижение стоимости производственных материалов, что означает уменьшение производственных затрат и, соответственно, себестоимости. Эти изменения в затратах и выпуске неизбежно окажут влияние на предложение, спрос и цены в масштабах всей экономики. Получение доходов от новых видов деятельности в сочетании с удешевлением производства за счет повышения функциональности продукции и материалов, их повторного использования способно увеличить объем ВВП и экономический рост.

Циркулярная экономика подразумевает активное внедрение экономики совместного использования, развитие бизнес-моделей, в которых товары сдаются в аренду в течение различных периодов времени. На рынке, где поставщики несут ответственность за предоставляемый продукт в рамках длительного периода, общение и четкое понимание предпочтений и потребностей клиентов является чрезвычайно важным. Это дает компаниям возможность узнать о моделях поведения клиентов, лучше понять их цели за счет более активного взаимодействия, что будет способствовать улучшению удовлетворенности клиентов и повышению лояльности.

Далее рассмотрим основные эффекты и возможности для общества, связанные с переходом к циркулярной экономике. Прежде всего можно отметить технический прогресс [13, с. 143]. Разработка способов перехода от товаров с коротким жизненным циклом к товарам с длительным жизненным циклом, создание и внедрение инфраструктуры, логистических процессов, поддерживающих функционирование циркулярной экономики, является направлением, требующим создания новых методов и технологий. В перспективе переход к циркулярной экономике предполагает использование качественных и экологичных материалов, обеспечение энергоэффективности и активного использования возобновляемых источников.

За счет использования более доступных и, соответственно, дешевых ресурсов себестоимость продукции должна существенно снизиться. Данное явление может способствовать увеличению располагаемого дохода домохозяйств. Переход к долгосрочному использованию продукции подразумевает снижение морального износа. Долговечные или многоразовые изделия способствуют уменьшению затрат на приобретение продукции и повышают удобство использования. Это позволит потребителям извлекать большую пользу, например, за счет лучшего качества, более выгодных условий покупки или аренды, возможности дополнительного выбора.

Таким образом, циркулярная экономика имеет потенциал для того, чтобы смягчить многие глобальные проблемы человечества. Она способна качественно преобразовать модель производства экономики, обеспечивая рациональное использование ресурсов [5, с. 159]. Использование данной концепции способно обеспечить сокращение объемов выбросов парниковых газов и в перспективе достижение углеродной нейтральности, уменьшение уровня загрязнения окружающей среды, замедление или предотвращение изменения климата, минимизацию отходов, предотвращение деградации почвы, устранение негативных экстерналий. Также она обеспечивает возможность создания новых рабочих мест и видов деятельности, включая развитие уже существующих, уменьшение издержек предприятий, повышение экономического роста и безопасности поставок сырья. Кроме того, данный подход способен стимулировать инновации, обеспечивать потребителей более долговечными и инновационными продуктами, что позволит повысить располагаемый доход и, в долгосрочной перспективе, качество жизни.

Обсуждение

В общем и целом можно отметить, что переход к циркулярной экономике несет множество положительных эффектов. Однако, несмотря на большие возможности, которые предоставляет циркулярная экономика, переход

к данной модели подразумевает осуществление радикальных изменений и внедрение передовых технологий. Рассмотрим основные барьеры, которые замедляют внедрение циркулярной экономики [14, с. 82]: нормативно-правовые, политические, управленческие, социальные, логистические, структурные (табл. 2).

Таблица 2

Барьеры, препятствующие внедрению циркулярной экономики, и способы их преодоления

Сфера	Существующие барьеры	Способы преодоления
Финансовая и экономическая	<ul style="list-style-type: none"> – Необходимость в большом объеме инвестиций – Низкий спрос на продукцию циркулярной экономики – Большая часть экономических агентов ведет деятельность в рамках линейной модели – При производстве продукции не учитываются социальные и экологические экстреналии 	<ul style="list-style-type: none"> – Зеленые финансы – Социально-ответственное финансирование – Государственная поддержка
Институциональная	<ul style="list-style-type: none"> – Слабая осведомленность о концепции устойчивого развития – Негативное отношение большинства экономических агентов к большому риску – Преобладание права пользования над правом владения 	<ul style="list-style-type: none"> – Повышение осведомленности людей о возможностях ремонта и модификации продукции – Экономика совместного использования – Маркировка товара
Технологическая	<ul style="list-style-type: none"> – Необходимость перепроектирования большинства производимых товаров – Создание и внедрение более экологичных технологий – Обеспечение прозрачной цепочки создания ценности – Увеличение жизненного цикла товаров 	<ul style="list-style-type: none"> – Сквозные технологии – Государственная поддержка

Рассматривая экономические и финансовые барьеры, важно отметить, что развитие возобновляемых источников энергии требует значительных вложений, в связи с чем получение энергии из ископаемого топлива кажется менее затратным вариантом. Значительная часть организаций на рынке не обладают денежными средствами для того, чтобы инвестировать их в разработку и внедрение возобновляемых источников энергии.

Спрос на продукты, производимые в рамках циркулярной модели, на данный момент является незначительным. Большинство экономических агентов предпочитают приобретение более дешевой альтернативы, т.е. продуктов, производимых линейной экономикой, и отдают предпочтение покупке нового товара, а не ремонту старого.

Значительное число компаний работает в рамках линейной модели экономики. Целью многих компаний является максимизация прибыли, что обуславливает нежелание экономических субъектов нарушать устоявшиеся бизнес-процессы и разрабатывать новые без четкого понимания собственной финансовой выгоды [15, с. 9]. Кроме того, фирме не выгодно быть в числе меньшинства компаний, функционирующих в рамках циркулярной модели экономики, поскольку в краткосрочной перспективе конкурентоспособность компаний, работающих на основе линейной экономики, будет выше за счет более низкой себестоимости.

Большинство инвесторов нацелены на стабильный доход и предпочитают работать в линейной модели. Вложения в модели и технологии, способствующие переходу к циркулярной экономике, относятся к категории долгосрочных. Иными словами, многие участники экономической деятельности фокусируются на краткосрочном создании стоимости, в то время как модель циркулярной экономики является долгосрочной моделью создания стоимости.

Чаще всего при производстве продукции не учитываются социальные и экологические экстремалии, а при принятии экономических решений предпочтение отдается достижению результата максимизации прибыли. В качестве примера можно привести положение окружающей среды на данный момент.

Одной из главных преград для внедрения циркулярной экономики является плановое моральное устаревание. Компании проектируют продукты так, чтобы они имели ограниченный срок службы, в связи с чем потребители после определенного периода снова будут вынуждены приобретать соответствующий продукт. Результатом планового морального устаревания является повышение объема отходов. Поскольку товары, которые еще могут быть использованы, заменяются новыми, и происходит нерациональное использование ресурсов. Данные действия практикуются с целью увеличения прибыли компании за счет роста спроса. В качестве примера можно привести судебный иск против компании Apple. Компания выплатила около 500 млн долл. США, чтобы урегулировать судебный процесс. Истцы обвинили компанию в том, что новые версии программного обеспечения IOS замедляют производительность старых моделей iPhone. Было отмечено, что обычно это происходит перед выпуском новых моделей iPhone. Потребители утверждали, что данная практика вводит их в заблуждение о том, что приобретенные ими устройства близки к концу своего жизненного цикла и требуют замены [16].

Для того чтобы пресечь практику преждевременного устаревания товаров, государственные органы могут проводить внеплановые проверки состояния товара и в случае обнаружения нарушений осуществлять привлечение юридических лиц к ответственности. Данная практика может быть признана одним из видов недобросовестной конкуренции.

В качестве способа преодоления некоторых финансовых и экономических барьеров можно выделить зеленые финансы и социально-ответственное инвестирование. Под зеленым финансированием понимаются финансовые инструменты, доходы от которых используются для реализации проектов и инициатив в области устойчивого развития. Зеленые финансы включают в себя широкий спектр финансовых продуктов и услуг, которые можно разделить на инвестиционные, банковские и страховые. Преобладающими

финансовыми инструментами являются зеленые облигации, а финансовыми институтами – зеленые банки и фонды. Социально ответственные инвестиции включают отказ от инвестиций в компании, которые производят или продают такие товары, как алкоголь и табак, в пользу инвестирования в компании, которые занимаются социальной справедливостью, экологической устойчивостью и способствуют внедрению альтернативной энергетики.

В качестве институциональных барьеров можно выделить слабую осведомленность о концепции устойчивого развития и негативное отношение большинства компаний и инвесторов к высокому риску [15, с. 9], который неизбежен при комплексной перестройке основных бизнес-процессов и моделей вложения денежных средств. Кроме того, активное внедрение экономики совместного использования подразумевает пересмотр института собственности, поскольку в данном случае над правом владения будет преобладать право пользования, выраженное в развитии и усложнении отношений аренды.

Еще одной проблемой может стать отсутствие доступа к запасным деталям, слабая осведомленность людей о гарантиях и возможности ремонта продукции, что приводит к приобретению новых товаров вместо повторного использования старых. В качестве яркого примера можно привести проблему с картриджем в принтере. На картриджах установлен микрочип, который определяет оставшийся объем краски. В случае, если все чернила были израсходованы или микрочип выходит из строя, потребителям выгоднее приобрести новый картридж, а не заправлять старый, хотя никакой реальной причины для этого нет.

Необходимо продвигать практику ремонта товаров, например, за счет государственной поддержки, способствующей развитию местных фирм, занимающихся ремонтом и, в конечном счете, снижению цен на данные услуги. Кроме того, можно на законодательном уровне внедрить маркировку товара. За счет этого производители будут обязаны предоставлять четкую информацию о возможностях ремонта и гарантировать долговечность и ремонтпригодность изделий. Более широкий доступ к информации о ремонте будет способствовать повторному использованию продукции, продвижению услуг домашнего ремонта.

Распространение экономики совместного использования способствует более рациональному использованию существующих активов. Экономика совместного использования – концепция, которая направлена на максимальное использование ресурсов. Данный подход позволяет собственникам получать прибыль за счет недоиспользованных активов, которыми могут быть как автомобили и дома, так и рабочие инструменты. Потенциальные пользователи получают доступ к тем или иным активам без необходимости их приобретения.

Примером внедрения практики совместного использования можно назвать проект Hello Tractor. Это мобильная платформа, которая позволяет фермерам получать доступ к услугам по использованию трактора по требованию. Сервис агрегирует заявки и связывает клиентов с собственниками свободных тракторов [17]. Данная платформа, основанная на таких технологиях, как блокчейн и искусственный интеллект, позволяет получать данные, отслеживать их изменения и мгновенно обмениваться данными, создавая при

этом прозрачность для всех сторон, участвующих в цепочке создания стоимости продукции агропромышленного комплекса. Данная технология позволяет наиболее эффективно использовать имеющиеся ресурсы, в данном случае – трактор.

Также можно отметить технологический барьер внедрения циркулярной экономики. Он связан с необходимостью перепроектирования большинства производимых товаров, создания и внедрения более экологичных технологий, а также технологий, способных поддерживать более сложные логистические сети [15, с. 9]. Разработки новых технологий требуют большого объема инвестиций, отдача от которых произойдет только в долгосрочной перспективе. Только крупные компании могут позволить себе осуществлять инвестиции в передовые технологии. Кроме того, можно отметить сложность проверки работоспособности различных проектов, направленных на переход к циркулярной экономике [18, с. 34].

Для того чтобы преодолеть данный барьер, многим компаниям необходима государственная поддержка, в рамках которой могут выделяться различные субсидии или предоставляться налоговые льготы для компаний, занимающихся разработкой подобных технологий.

Важным аспектом в преодолении технологического барьера является внедрение цифровых технологий, способствующих быстрому и эффективно-му обмену информацией между экономическими агентами. Размещение информации, например с помощью QR-кода, о происхождении продукта, цепочке создания стоимости товара способствует увеличению лояльности потребителей и более четкому пониманию со стороны потребителей того, какой товар они приобретают. Передовые технологии обладают существенным потенциалом для того, чтобы обеспечить переход к циркулярной экономике.

Заключение

Циркулярная экономика способствует увеличению жизненного цикла продукции за счет ремонта, модификаций, продвигает использование возобновляемых источников энергии, исключает использование токсичных химических веществ, которые препятствуют повторному использованию и возвращению в биосферу, способствует ликвидации отходов.

Таким образом, рассмотренные аспекты циркулярной экономической модели, а также области применения модели круговой экономики наряду с возникающими барьерами в условиях практической ее реализации позволили сформулировать следующие положения:

1. Модель циркулярной экономики направлена на сокращение разрыва между циклами производства и экосистемой, от которой в конечном счете зависит существование человечества. Эта модель опирается на большое количество дешевых, легко доступных материалов и энергии, полученных за счет повторного использования ресурсов. Конечная цель состоит в сохранении и приумножении природного капитала путем контроля над конечными запасами и возобновляемыми ресурсами.

2. Циркулярная экономика обладает как оперативными, так и стратегическими преимуществами и имеет значительный потенциал для создания ценности в экономической, деловой, экологической и социальной сферах.

Данная модель производства способствует сокращению загрязнения окружающей среды, снижению ресурсозависимости, обеспечивает защиту от геополитических кризисов и волатильности цен на ресурсы, способствует увеличению занятости. Циркулярная экономика направлена на развитие технического прогресса, увеличение полезности и располагаемого дохода.

3. Существует ряд барьеров, в том числе финансовых и экономических, институциональных и технологических, стоящих на пути перехода к циркулярной экономике, для преодоления которых требуются существенные изменения в обществе, затрагивающие всех экономических агентов.

Переход к циркулярной экономике в долгосрочной перспективе может способствовать решению существующих глобальных проблем.

Список литературы

1. United Nations World Population Prospects: The 2017 Revision. 2017. 21 June. URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/world-population-prospects-the-2017-revision.html>
2. Мировые отходы вырастут на 70 процентов к 2050 году, если не будут приняты срочные меры: доклад Всемирного банка // Всемирный банк. Пресс-релиз. 2018. 20 сентября. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2018/09/20/global-waste-to-grow-by-70-percent-by-2050-unless-urgent-action-is-taken-world-bank-report>
3. Dotsenko E., Ezdina N., Mudrova S. Zero waste technologies and solution of economic and environmental problems of sustainable development // E3S Web of Conferences : XIVth International Innovative Mining Symposium (Kemerovo, October 14–16, 2019). Kemerovo, 2019. P. 2008. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41630608>
4. IEA – Global CO2 emissions in 2019. 2020. 11 February. URL: <https://www.iea.org/articles/global-co2-emissions-in-2019>
5. Валько Д. В. Циркулярная экономика: основные бизнес-модели и экономические возможности // Журнал экономической теории. 2020. № 1. С. 156–163. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42705717>
6. Фролова М. К. Анализ предпосылок и проблем перехода России к циркулярной экономике // Контентус. 2019. № 11. С. 323–331. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42405820>
7. Задорожная Л. Е., Ратнер С. В. Драйверы экономического роста в циркулярной экономике // Друкеровский вестник. 2020. № 1 (33). С. 21–34. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42851703>
8. Крутова Л. И., Амирова Н. Р., Сафонова О. Н. Проблемы расширенного воспроизводства в агропромышленном комплексе при переходе на инновационно-инвестиционный путь развития экономики // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 2. С. 112–121. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20794039>
9. Валько Д. В. Устойчивое развитие и циркулярная экономика: межстрановое измерение // Управление в современных системах. 2020. № 1 (25). С. 3–12. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42737714>
10. Амирова Н. Р., Саргина Л. В. Экономико-производственный аспект перехода к цифровой модернизации экономики России // Путеводитель предпринимателя. 2019. № 44. С. 7–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41309052>
11. Towards the Circular Economy: Accelerating the scale-up across global supply chains January 2014 Prepared in collaboration with the Ellen MacArthur Foundation and McKinsey & Company Published by World Economic Forum. Geneva, 2014. 64 p.
12. Kalmykova Y., Sadagopan M., Rosado L. Circular economy. Review of theories and practices to development of implementation tools // Resources, Conservation and Recycling. 2018. Vol. 135. P. 190–201. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0921344917303701>

13. Молчанова С. М., Самойлов А. В. Циркулярная экономика в условиях индустриализации и урбанизации // Экономические отношения. 2020. № 1. С. 135–148. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42725710>
14. Galvão D., Nadaeb J. de, Clemente D., Chinen G., Carvalho M. M. de. Circular Economy: Overview of Barriers // Procedia CIRP. 2018. Vol. 73. P. 79–85. URL: https://www.researchgate.net/publication/326066022_Circular_Economy_Overview_of_Barriers
15. Ritzén Sofia, Sandström Gunilla Ölundh. Barriers to the Circular Economy – Integration of Perspectives and Domains // Procedia CIRP. 2017. Vol. 64. P. 7–12. URL: <https://doi.org/10.1016/j.procir.2017.03.005>
16. Apple заплатит пользователям 25 долларов за iPhone, чтобы уладить претензии по поводу замедления работы старых телефонов банка // The Guardian. 2020. 2 марта. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2020/mar/02/apple-iphone-slow-throttling-lawsuit-settlement>
17. Hello tractor. URL: <https://hellotractor.com/>
18. Ратнер С. В. Циркулярная экономика: теоретические основы и практические приложения в области региональной экономики и управления // Инновации. 2018. № 9 (239). С. 29–37. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36693260>

References

1. *United Nations World Population Prospects: The 2017 Revision*. 2017. 21 June. Available at: <https://www.un.org/development/desa/publications/world-population-prospects-the-2017-revision.html>
2. Global waste to grow 70 % by 2050 unless urgent action is taken: World Bank report. *Vsemirnyy bank. Press-reliz = The World Bank. Press release*. 2018, Sept. 20. (In Russ.). Available at: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2018/09/20/global-waste-to-grow-by-70-percent-by-2050-unless-urgent-action-is-taken-world-bank-report>
3. Dotsenko E., Ezdina N., Mudrova S. Zero waste technologies and solution of economic and environmental problems of sustainable development. *E3S Web of Conferences: XIVth International Innovative Mining Symposium (Kemerovo, October 14–16, 2019)*. Kemerovo, 2019:2008. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41630608>
4. IEA – Global CO2 emissions in 2019. 2020. 11 February. Available at: <https://www.iea.org/articles/global-co2-emissions-in-2019>
5. Val'ko D.V. Circular economy: key business models and economic opportunities. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii = Journal of economic theory*. 2020;(1):156–163. (In Russ.). Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42705717>
6. Frolova M.K. Analysis of the prerequisites and problems of Russia's transition to a circular economy. *Kontentus*. 2019;(11):323–331. (In Russ.). Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42405820>
7. Zadorozhnyaya L.E., Ratner S.V. Drivers of economic growth in a circular economy. *Drukerovskiy vestnik = Drukerovskiy bulletin*. 2020;(1):21–34. (In Russ.). Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42851703>
8. Krutova L.I., Amirova N.R., Safonova O.N. Problems of expanded reproduction in the agro-industrial complex during the transition to an innovative and investment path of economic development. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2013; (2):112–121. (In Russ.). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20794039>
9. Val'ko D.V. Sustainable Development and circular economy: cross-country dimension. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh = Management in modern systems*. 2020;(1): 3–12. (In Russ.). Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42737714>
10. Amirova N.R., Sargina L.V. Economy-production aspect of the transition to digital modernization of the Russian economy. *Putevoditel' predprinimatel'ya = Entrepreneur's*

- Guide*. 2019;(44):7–16. (In Russ.). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41309052>
11. *Towards the Circular Economy: Accelerating the scale-up across global supply chains January 2014 Prepared in collaboration with the Ellen MacArthur Foundation and McKinsey & Company Published by World Economic Forum*. Geneva, 2014:64.
 12. Kalmykova Y., Sadagopan M., Rosado L. Circular economy. Review of theories and practices to development of implementation tools. *Resources, Conservation and Recycling*. 2018;135:190–201. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0921344917303701>
 13. Molchanova S.M., Samoylov A.V. Circular economy in the context of industrialization and urbanization. *Ekonomicheskie otnosheniya = Economic relations*. 2020;(1): 135–148. (In Russ.). Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42725710>
 14. Galvão D., Nadaeb J. de, Clemente D., Chinen G., Carvalho M. M. de. Circular Economy: Overview of Barriers. *Procedia CIRP*. 2018;73:79–85. Available at: https://www.researchgate.net/publication/326066022_Circular_Economy_Overview_of_Barriers
 15. Ritzén Sofia, Sandström Gunilla Ölundh. Barriers to the Circular Economy – Integration of Perspectives and Domains. *Procedia CIRP*. 2017;64:7–12. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.procir.2017.03.005>
 16. Apple to pay users \$ 25 for iPhones to settle claims over bank slowdowns. *The Guardian*. 2020. 2 marta. Available at: URL: <https://www.theguardian.com/technology/2020/mar/02/apple-iphone-slow-throttling-lawsuit-settlement>
 17. *Hello tractor*. Available at: <https://hellotractor.com/>
 18. Ratner S.V. Circular economy: theoretical foundations and practical applications in the field of regional economics and management. *Innovatsii = Innovations*. 2018;(9):29–37. (In Russ.). Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36693260>

Информация об авторах / Information about the authors

Найля Рифатовна Амирова

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры политической экономии
и истории экономической науки,
Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова (Россия,
г. Москва, Стремянный переулок, 36)

E-mail: naylyaamirova@mail.ru

Naylya R. Amirova

Candidate of economic sciences, associate
professor, associate professor of the
sub-department of political economy and
the history of economic science, Plekhanov
Russian University of Economics
(36 Stremyanni lane, Moscow, Russia)

Людмила Васильевна Саргина

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры политической экономии
и истории экономической науки,
Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова (Россия,
г. Москва, Стремянный переулок, 36)

E-mail: lsargina@yandex.ru

Ljudmila V. Sargina

Candidate of economic sciences, associate
professor, associate professor of the
sub-department of political economy and
the history of economic science, Plekhanov
Russian University of Economics
(36 Stremyanni lane, Moscow, Russia)

Яна Эдуардовна Кондратьева

студентка, Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова
(Россия, г. Москва, Стремянный
переулок, 36)

E-mail: 16yana@mail.ru

Yana E. Kondratyeva

Student, Plekhanov Russian University
of Economics (36 Stremyanni lane,
Moscow, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 20.04.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.08.2021

Принята к публикации / Accepted 10.09.2021

УДК 338.4

doi:10.21685/2072-3016-2021-3-18

Анализ востребованности аутсорсинга как инструмента инновационного развития предприятий

В. М. Володин¹, Т. А. Куликова²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹7volodin7@mail.ru, ²Tatiana_kulikova-pgu@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В условия поставленной правительством России задачи инновационного развития субъектов хозяйствования и одновременного наличия кризисных условий в экономике актуальность приобретает совершенствование инструментария управления. На сегодняшний день недостаточно изучены аспекты решения экономических задач с использованием инструментов аутсорсинга. Имеются проблемы, связанные с недостаточной разработанностью методологии аутсорсинга в условиях инновационной деятельности. В статье раскрывается роль аутсорсинга в решении задач инновационного развития предприятий, укрепления конкурентной позиции, оптимизации накладных расходов. *Материалы и методы.* Библиографические методы использовались для изучения литературы по теме исследования, выявления состояния изученности проблемы. Статистические методы применялись для выявления уровня вовлеченности производственных предприятий в инновационную деятельность. Анализ – для определения проблем использования аутсорсинга российскими компаниями. *Выводы.* Выявлено отставание России по уровню инновационной активности в международном сравнении. В условиях ограниченности собственных ресурсов и большой степени риска осуществления инновационной деятельности аутсорсинг может стать инструментом для развития субъектов хозяйствования в современных динамичных экономических условиях. Определены факторы, способствующие развитию аутсорсинга, и возможные ограничения.

Ключевые слова: аутсорсинг, инновации, предприятие, стратегия, затраты

Для цитирования: Володин В. М., Куликова Т. А. Анализ востребованности аутсорсинга как инструмента инновационного развития предприятий // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 202–216. doi:10.21685/2072-3016-2021-3-18

Outsourcing relevance analysis as a tool for innovative development of enterprises

V.M. Volodin¹, T.A. Kulikova²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹7volodin7@mail.ru, ²Tatiana_kulikova-pgu@mail.ru

Abstract. *Background.* In the context of the task of innovative development of business entities set by the Russian government and the simultaneous presence of crisis conditions in the economy, the improvement of management tools is becoming relevant. To date, the aspects of solving economic problems using outsourcing tools have not been sufficiently studied. There are problems associated with the insufficient development of the outsourcing methodology in the context of innovation. The article reveals the role of outsourcing in

solving the problems of innovative development of enterprises, strengthening the competitive position, optimizing overhead costs. *Materials and methods.* Bibliographic methods were used to study the literature on the research topic, to identify the state of knowledge of the problem. Statistical methods were used to identify the level of involvement of manufacturing enterprises in innovative activities. Analysis to identify the problems of outsourcing use by Russian companies. *Conclusions.* The lag of Russia in terms of innovation activity in international comparison was revealed. In conditions of limited own resources and a high degree of risk of innovation, outsourcing can become a tool for the development of business entities in today's dynamic economic conditions. The factors contributing to the development of outsourcing and possible limitations are identified.

Keywords: outsourcing, innovation, enterprise, strategy, costs

For citation: Volodin V.M., Kulikova T.A. Outsourcing relevance analysis as a tool for innovative development of enterprises. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;(3):202–216. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-3-18

Введение

Современные условия хозяйствования характеризуются особенностями, когда конкурентоспособность предприятия главным образом определяется уровнем осуществления разработок и исследований в различных областях, темпом приобретения новых знаний и создания инновационной продукции. Поэтому научно-технологическое развитие российских компаний становится приоритетом государственной политики. Правительством разработана Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 г. (далее – Стратегия)¹, где в качестве основной цели на последующие 10–15 лет обозначено осуществление научно-технических исследований. Ожидается, что их результатом станет создание основы для инновационного развития отечественного рынка продуктов и услуг, укрепления положения России на международной арене. Для достижения данной цели в Стратегии поставлены следующие задачи:

– переход к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования, создание систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта;

– развитие сетевых форм организации научной, научно-технической и инновационной деятельности, в том числе исследовательских, инженерно-производственных консорциумов, кластерных форм развития высокотехнологического бизнеса;

– создания условий, обеспечивающих взаимодействие науки и общества посредством привлечения общества к формированию запросов на результаты исследовательской деятельности и др.

Для решения обозначенных задач в современных динамичных условиях хозяйствования, когда предприятия сталкиваются со сложностями быстрой адаптации, нехваткой собственных средств и навыков привлечения инвестиций, требуется пересмотр традиционных подходов к управлению стратегическим развитием. При этом развитие кризисных явлений в экономике, вызванных последствиями пандемии, ростом инфляции, снижением курса рубля,

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>

усугубляют сложности осуществления инновационной деятельности. В этой связи актуальной становится задача оценки возможности делегировать часть бизнес-процессов сторонним организациям.

1. Обзор литературы

В современной научной литературе широко освещено мнение, что в условиях перехода к «обществу знаний», цифровизации экономики, развития явлений глобализации основу конкурентного преимущества предприятий стали составлять навыки получения экономических выгод из быстрой адаптации к изменениям, восприимчивости технологических и технических нововведений.

В условиях увеличения темпов обновления и усложнения технологий, научно-технического прогресса и производства даже крупным субъектам хозяйствования сложно адаптироваться и сохранить конкурентоспособность. Поэтому все большее распространение получает аутсорсинг.

Теоретические и методические аспекты использования аутсорсинга рассмотрены в исследованиях следующих российских ученых: Б. А. Аникина, Т. И. Валишевой, С. О. Календжяна, И. Б. Костина, И. Д. Котлярова, А. Х. Курбанова, Н. В. Лясникова, И. Л. Рудой, Н. Г. Сорокиной, Ф. Н. Филиной, Н. Н. Фирсовой и др.

Среди зарубежных исследователей научный интерес к аутсорсингу проявили Э. Андерсон, Ж.-Л. Бравар, Д. Браун, П. Вилкок, П. Готтшальк, М. Гулда, М. Доннелан, Э. Йордан, К. Кетлер, С. Клементс, Р. Клик, Л. Коэн, Дж. Кросс, С. Куллен, Э. Кэмпбелла, Р. Морган, И. Ошри, Ф. Парса, Г. Писано, Х. Солли-Сетер, Э. Спарроу, Б. Тринкл, Л. Уилкокса, С. Уилсон, Дж. Б. Хейвуд, У. Шина, Э. Янг и др.

Проанализировав литературу, можно отметить, что единого определения термина «аутсорсинг» не сложилось, но можно охарактеризовать его как процесс делегирования предприятием выполнения определенных производственных функций или бизнес-процессов на основе договора и длительного контракта (минимум 1 год) сторонним компаниям, специализирующимся в соответствующей области.

В различных источниках можно обнаружить несколько подходов к пониманию и изучению аутсорсинга (табл. 1) [1].

Таблица 1

Сущность подходов к пониманию аутсорсинга

Подход к изучению аутсорсинга	Сущность
Уровень применения аутсорсинга	Макроэкономический, микроэкономический, оперативный
Позиция жизненного цикла организации	Зарождение, рост, зрелость, упадок
Степень сложности делегируемых бизнес-процессов и функций	Предоставление одного или нескольких специалистов для решения отдельных задач, сервисное обслуживание, создание и внедрение определенного проекта

Основной объем научных публикаций посвящен аутсорсингу в целом, однако следует выделить факторы, свойственные для инновационного направления:

- необходимость стратегического типа мышления аутсорсеров;
- особая важность инновационного потенциала аутсорсера;
- формирование эффективного коммуникационного пространства и разработка механизма взаимодействия заказчика и исполнителя.

Традиционный подход предусматривал строгую секретность инновационной деятельности, выполнение всех процессов только внутри компании, а информация являлась коммерческой тайной. Это позволяло предприятиям на первых порах быть монополистами на рынке. В результате делегирования данных процессов сторонним предприятиям могут быть утрачены собственные ключевые компетенции.

Противоположное мнение было освещено Г. У. Чезборо в 2003 г. в статье «Логика “открытых” инноваций: Новый подход к управлению интеллектуальной собственностью». Автор говорил о неэффективности выполнения всех направлений научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) внутри одной организации, так как технический прогресс во многих отраслях требует непрерывной инновации. «Открытые» инновации реализуются посредством создания холдингов, партнерств, альянсов, открытых рынков, применения аутсорсинга. Подобная интеграция позволяет сочетать ресурсы различных компаний, результатом является появление левериджа, идентичного финансовому рычагу [2].

Механизм управления инновациями на основе применения аутсорсинга включает в себя деятельность четырех групп организаций-аутсорсеров, каждая из которых в отдельности осуществляет стимулирование, разработку, продвижение и адаптацию, реализацию инноваций в организации [3].

2. Формы и методы исследования

2.1. Исследование уровня инновационной деятельности российских организаций

Прежде чем говорить о стратегическом развитии, целесообразно оценить текущее состояние инновационной деятельности на отечественных предприятиях.

В Стратегии отмечается, что, несмотря на положительный опыт реализации масштабных технологических проектов, сохраняется проблема невосприимчивости экономики и общества к инновациям, что препятствует практическому применению результатов исследований и разработок.

Внутренние затраты на исследования и разработки в процентах к ВВП в России составляют 1 % и за последние годы имеют тенденцию к уменьшению, в то время как в других странах, таких как Япония, Германия, Дания, эта цифра превышает 3 %, а в Республике Корея равна 4,53 %.

Доля экспорта российской высокотехнологичной продукции в мировом объеме экспорта составляет около 0,4 %.

В 2019 г. объем инновационных продуктов в обрабатывающих отраслях промышленности составил 2986,6 млрд руб. Это составило 7,7 % от общего объема.

В 2019 г. совокупные затраты предприятий всех отраслей составили 1954,1 млрд руб., что почти на 0,5 млрд больше по сравнению с предыдущим годом.

Структура источников финансирования затрат на инновационную деятельность представлена на рис. 1 [4].

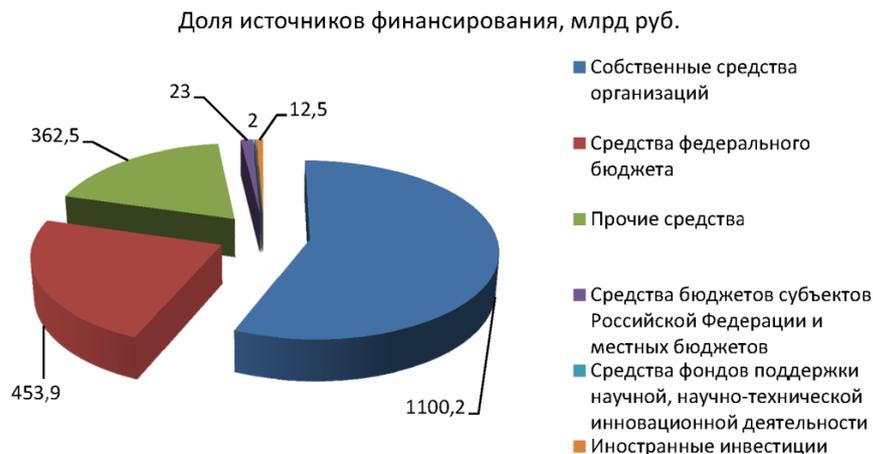

Рис. 1. Структура источников финансирования затрат на инновационную деятельность в Российской Федерации на 01.01.2021

Как видно по данным рис. 1, для развития инновационной деятельности в основном используются собственные средства организаций и средства федерального бюджета. Причем во многих отраслях совсем не используются средства фондов поддержки научной, научно-технической инновационной деятельности и иностранные инвестиции. Подобная статистика говорит о затруднениях субъектов хозяйствования нашей страны в привлечении из внешней среды средств на поддержку инновационной деятельности.

Инвестиции в нематериальные активы в России в 3–10 раз ниже, чем в ведущих государствах. Структура затрат по видам инновационной деятельности отражена на рис. 2 [4].

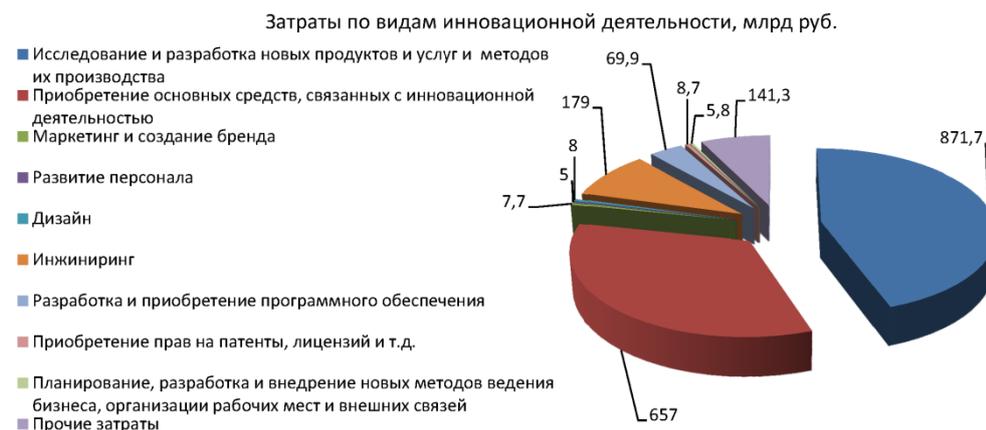

Рис. 2. Структура затрат по видам инновационной деятельности

На рис. 2 показано, что наибольший процент затрат приходился на исследования и разработку новых продуктов и услуг и методов их производства (871,7 млрд руб.), приобретение основных средств, связанных с инновационной деятельностью (657,0 млрд руб.), инжиниринг (179,0 млрд руб.).

Уровень инновационной активности предприятий с 2018 по 2019 г. сократился на 3,7 %. Объем инновационных товаров уменьшился почти на 250 млрд руб., а их удельный вес в общем объеме отгруженных товаров снизился на 1,2 %.

На рис. 3 отображена динамика объемов удельного веса российских организаций, осуществляющих технологические инновации, в их общем количестве. При этом в 2019 г. число организаций, занимающихся инновационной деятельностью, еще не достигло значения 2000 г., после которого наблюдалось сокращение [4].

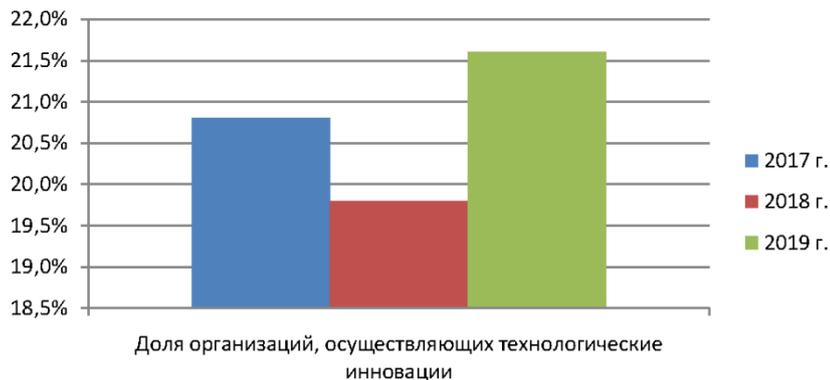

Рис. 3. Удельный вес российских организаций, осуществляющих технологические инновации, в их общем количестве (2017–2019 гг.)

По данным рис. 3 можно увидеть, что после снижения в 2018 г. доли организаций, занимающихся технологическими инновациями, в 2019 г. наблюдался более значительный рост.

Сокращение объемов инновационных товаров и уровня инновационной деятельности на фоне значительного роста затрат на инновационную деятельность говорит об увеличении затрат на ее осуществление и снижении эффективности. В условиях экономического кризиса многие предприятия и так стеснены в средствах, что может стать препятствием для реализации Стратегии.

К сдерживающим факторам также можно отнести:

- высокий уровень физического и морального износа основных производственных фондов, инфраструктуры;
- сложности с привлечением средств для капитальных вложений;
- высокая продолжительность инновационной деятельности, непредсказуемость результата, сложности с внедрением новых разработок, коммерциализации;
- слабое взаимодействие с научно-исследовательскими институтами;
- низкий уровень автоматизации производственных процессов;
- высокая налоговая нагрузка, постоянное увеличение цен на все виды ресурсов [5].

В условиях кризисных явлений современной экономики, ограниченности и дороговизны ресурсов многие предприятия сталкиваются со сложностями самостоятельного осуществления инновационного развития. Поэтому в последние годы можно отметить внедрение в практику работы многих предприятий новых подходов к управлению бизнесом – стратегического и инновационного менеджмента, аутсорсинга.

2.2. Анализ практики применения аутсорсинга

Изучение опыта работы зарубежных компаний показало, что около 90 % из них в том или ином объеме пользуются услугами аутсорсинга.

В России этот процент существенно меньше – около 20 % – рынок аутсорсинга находится в стадии развития [6]. Это объясняется тем, что российские компании больше, чем иностранные, опасаются разглашать свою внутреннюю информацию, а оказывающие аутсорсинговые услуги организации зачастую еще не выделили эту деятельность в отдельное направление.

За рубежом зарождение аутсорсинга можно связывать с услугами юридических фирм в Америке и Великобритании с начала XX в., где отмечалось стремление делегировать решение различных вопросов в правовом поле высококвалифицированным и опытным специалистам.

В России аутсорсинг получил распространение только в середине 90-х гг. XX в., в сложное время, когда предпринимательство только зарождалось, не было специалистов в области менеджмента, маркетинга, а методы конкурентной борьбы были криминальными. Данные обстоятельства определили первые направления аутсорсинга в нашей стране – частные охранные предприятия, рекламные и PR-агентства, исследовательские компании. Несмотря на дороговизну их услуг, спрос присутствовал, так как это был единственный путь эффективно вести бизнес.

Затем с развитием Интернета возник IT-аутсорсинг.

Аутсорсинг бухгалтерских, кадровых и иных административных функций также вошел в практику российских компаний еще в начале 90-х гг. XX в.

Изучение зарубежного опыта аутсорсинга инноваций показало, что чаще всего внешним компаниям делегируются разработка нового продукта, инновационные процессы, дизайн электронного оборудования (рис. 4) [7].

Сегодня в России на аутсорсинг чаще всего передаются такие функции, как ведение бухгалтерского учета, обеспечение функционирования офиса, переводческие услуги, транспортные услуги, компьютерная сеть и информационная инфраструктура. Инновационный аутсорсинг большого распространения не получил.

Примеры применения аутсорсинга известными крупными компаниями в отношении различных функций представлены в табл. 2 [8].

Структура спроса на отдельные виды аутсорсинга отражена на рис. 5. По ней видно, что наиболее востребованной в нашей стране является охранный деятельность, логистика, транспорт и сфера обслуживания [6, 9].

Сопоставление структуры спроса по видам аутсорсинга в нашей стране и за рубежом показало, что в России инновационный аутсорсинг еще не приобрел популярность.

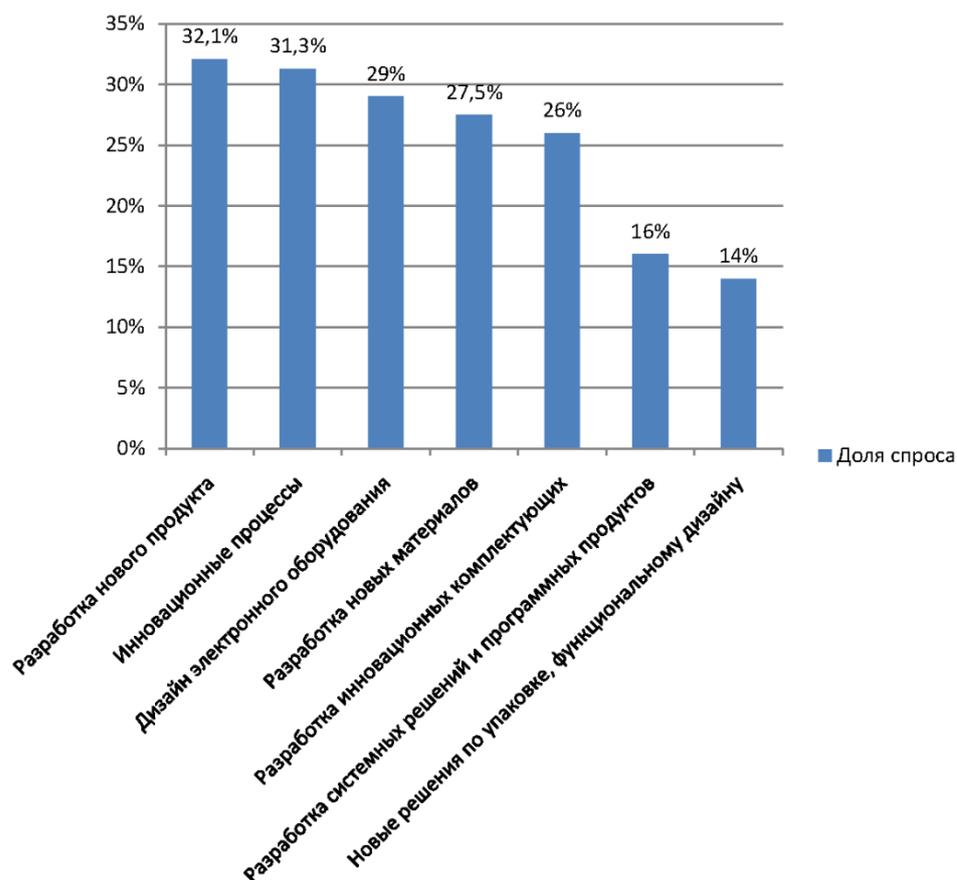

Рис. 4. Структура спроса на отдельные виды аутсорсинга за рубежом

Таблица 2

Примеры применения аутсорсинга
известными крупными компаниями

Вид аутсорсинга	Пример взаимодействия компаний
IT-услуги	Компания «Элефант» – Кузбасский центр IT-услуг «Трал комплекс» Компании государственного сектора
Финансовый аутсорсинг	«Норильский никель»
Маркетинг	ПАО «Сбербанк», ПАО «ЛУКОЙЛ»
Логистика	Нефтехимический холдинг «Сибур»

Исследование практики пользования услугами аутсорсинга позволило выявить несколько типов особо заинтересованных организаций:

- государственные компании;
- предприятия, только начинающие свою деятельность;
- зарубежные банки, предприятия, в том числе со смешанным капиталом;
- крупные организации, банковские структуры [10].

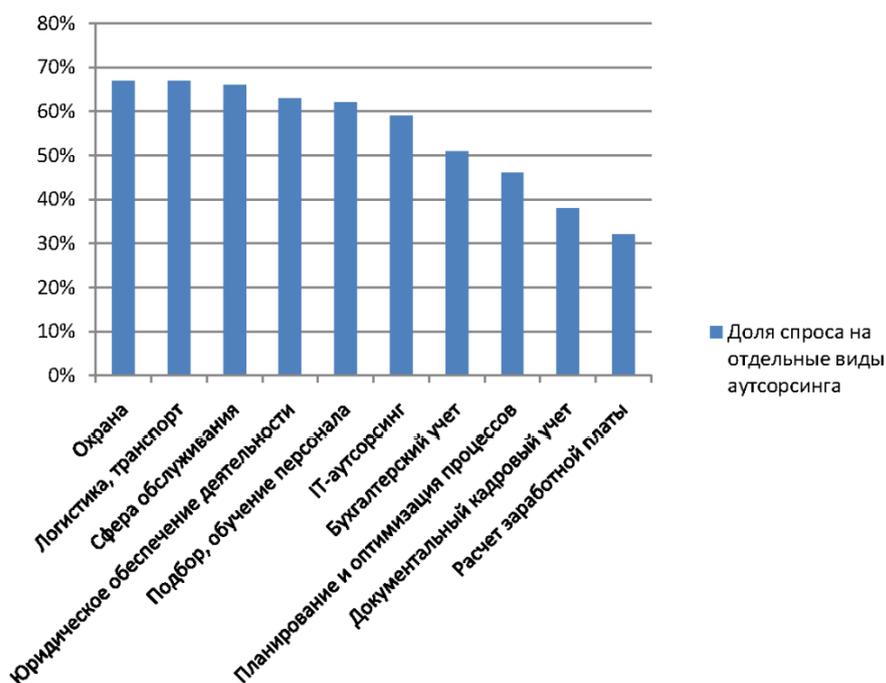

Рис. 5. Структура спроса на отдельные виды аутсорсинга в России

Согласно результатам исследования, проведенного журналом «Финансовый директор» совместно с компанией UCMS Group, с точки зрения российских и западных компаний основные положительные моменты аутсорсинга связаны со снижением расходов, появлением возможности сосредоточиться на основном бизнесе, укреплением конкурентоспособности. Однако западные организации отмечают большую величину преимуществ аутсорсинга (рис. 6) [11].

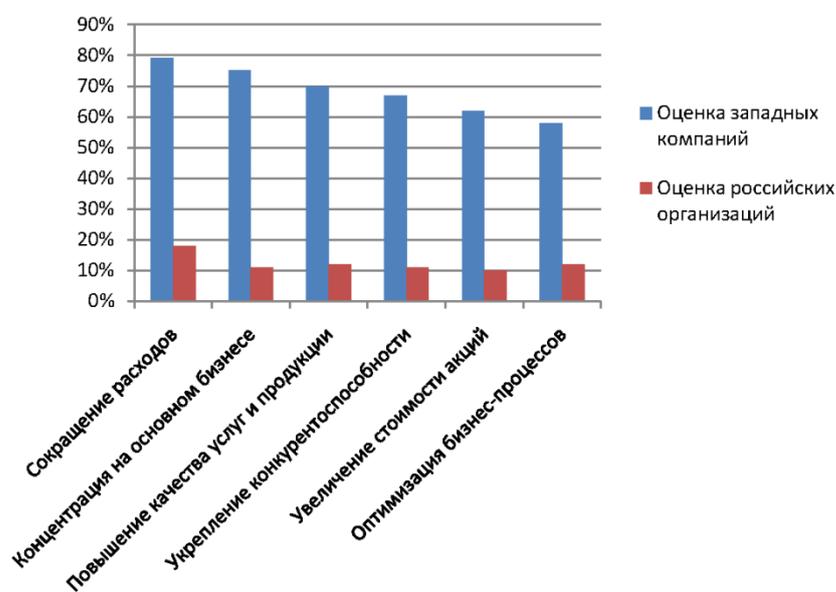

Рис. 6. Оценка преимуществ аутсорсинга западными компаниями

Развитию аутсорсинга в нашей стране способствуют следующие факторы:

- дороговизна и сложность самостоятельной модернизации технологического оборудования, постоянного обновления ассортимента продукции и услуг, продвижения собственными силами предприятий;

- сложность привлечения крупных иностранных инвесторов, в том числе по причинам отсутствия «правильной» производственной структуры, приемлемой по их мнению;

- недогрузка производственных мощностей, в частности из-за отсутствия необходимости постоянно использовать определенное оборудование, складские помещения, транспорт и т.д.;

- низкая производительность труда, особенно во вспомогательных службах, где сотрудники половину рабочего времени находятся в ожидании заданий;

- целесообразность в размещении заказов на производство продукции или оказание услуг при пиковых нагрузках (сезонный спрос или колебания рыночной конъюнктуры) при недостатке собственных мощностей или подстраховки на случай поломки собственного оборудования, чтобы не останавливать отгрузки и не терять в выручке;

- значительные затраты на выполнение второстепенных, периодически выполняемых функций (например, ремонтно-строительные работы и др.);

- высокая загрузка руководителей, отсутствие возможности сосредоточиться на стратегических вопросах;

- возможность сокращения производственных затрат путем передачи изготовления заготовок, полуфабрикатов аутсорсерам, а также накладных расходов, предотвращения расширения штата сотрудников [12];

- сосредоточение всех передовых достижений науки и техники в руках ограниченного числа специализированных компаний;

- отсутствие у многих предприятий возможности самостоятельно обеспечивать высокое качество выполнения каждого этапа производственного процесса, выпускать современную конкурентоспособную продукцию.

Аутсорсинг способствует уменьшению потребности в инвестициях и является формой привлечения внешних ресурсов. Это позволит компаниям стать более конкурентоспособными, значительно улучшить качество своей продукции.

3. Результаты

На основе контент-анализа были выявлены следующие факторы, сдерживающие активное развитие аутсорсинга, в том числе в инновационной деятельности:

- недоверие российских компаний, риск утечки информации, составляющей коммерческую тайну, со стороны как провайдеров, так и заказчиков;

- сложность комплексного и синхронизированного решения разнородных технико-технологических и организационно-управленческих задач;

- высокая неопределенность при прогнозировании процессов реализации инновационных проектов;

- недобросовестность и неэффективность системы функционирования отдельных аутсорсинговых организаций [13];

- нехватка данных о возможных поставщиках аутсорсинговых услуг;
- дороговизна услуг провайдеров;
- отсутствие правового законодательства и регулирования рынка аутсорсинга;
- нежелание руководства передавать контроль над выполнением процесса сторонней компании, внутреннее сопротивление инновациям и т.п.;
- слабая институциональная поддержка;
- разобщенность на рынке аутсорсинговых услуг;
- отсутствие долгосрочных стратегий планирования у большей части хозяйствующих субъектов [14];
- недостаточный уровень развития поставщиков услуг, недостаток профессиональных кадров в сфере аутсорсинга, низкий уровень конкуренции на рынке аутсорсинга, что отрицательно сказывается на качестве оказываемых ими услуг и производимых продуктах;
- отсутствие универсальных методик прогнозирования и оценки эффективности применения аутсорсинга;
- понижение внутри компании уровня экспертных знаний, повышение уязвимости, появление зависимости от провайдера;
- изменение внутренней политики организации, в первую очередь в области качества, в целях осуществления эффективного взаимодействия с поставщиком услуг;
- снижение производительности труда вследствие ухудшения морального климата в коллективе, так как переход на аутсорсинг может быть связан с процессами реорганизации и увольнения отдельных сотрудников;
- утечка информации при совместном делегировании нескольких важных функций, что может привести к появлению нового конкурента в виде провайдера. Одновременное взаимодействие с несколькими сторонними организациями может снизить данный риск, но приведет к дополнительному увеличению издержек;
- риск досрочного расторжения контракта аутсорсером, что приводит к дополнительным затратам, связанным с поиском нового провайдера или с попыткой организовать ранее делегированный процесс внутри предприятия, уплатой неустойки собственным заказчикам в случае срыва обещанных сроков выполнения обязательств [10].

4. Обсуждение

Активизация использования инновационного аутсорсинга может быть применима при реализации мероприятий в рамках 2 этапа Стратегии (2020–2025), направленных на стимулирование перехода к стадии активной коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, масштабному созданию новых продуктов и услуг, основанных на технологиях, отвечающих на большие вызовы.

Предполагается, что результаты настоящего исследования позволят достичь запланированных результатов реализации Стратегии:

- технологическое обновление традиционных для России отраслей экономики и увеличение доли продукции новых высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте на основе структурных изменений экономики России;

– продвижение российских технологий и инновационных продуктов на новые рынки, рост доходов от экспорта высокотехнологичной продукции, услуг и прав на технологии и, как следствие, усиление влияния и конкурентоспособности России в мире;

– создание эффективной системы организации исследований и разработок, обеспечивающей высокую результативность и востребованность в социально-экономической сфере исследований и разработок, рост инвестиций в исследования и разработки и увеличение доли частных инвестиций во внутренних затратах на исследования и разработки.

Несмотря на выделенные факторы, сдерживающие развитие аутсорсинга, можно прогнозировать усиление активности обращения к аутсорсерам. Это связано с тем, что в пределах одной компании сложно решать специфические инновационные проекты. Требуется наличие узких компетенций, специализированное оборудование, совершенствование материально-технического оснащения, профессиональные и опытные сотрудники и, как следствие, привлечение значительных инвестиционных и кадровых ресурсов [13].

Делегирование процессов и функций может производиться на каждом этапе осуществления инноваций. Например, на этапах маркетинговых исследований рынка, подготовки и выполнения НИОКР, оценке экономической эффективности инновационного проекта в случае необходимости воспользоваться услугами специалистов, экспертов. На этапе технической реализации проекта при отсутствии у предприятия возможностей для самостоятельного изготовления может быть делегирована часть производственного процесса.

В условиях ограниченности в собственных человеческих, технических, технологических, информационных, программных ресурсах, недостаточной инфраструктуры и наличия цели осуществления инновационной деятельности предприятия могут использовать аутсорсинг в следующих направлениях:

1) делегировать осуществление основных процессов, высвободив время и ресурсы на решение стратегических вопросов и инновационное развитие;

2) поручить выполнение инновационных разработок, что позволяет использовать ресурсы сторонних организаций ввиду отсутствия собственных и дороговизны их приобретения, при этом сосредоточив внимание на основной деятельности;

3) частично передать выполнение основных процессов и инновационной деятельности, чтобы компенсировать недостаток собственных ресурсов;

4) передать провайдеру полностью как выполнение основных процессов, так и работу над инновациями, выступая в качестве фирмы – «оболочки».

Для предотвращения негативного влияния сдерживающих факторов на инновационный аутсорсинг необходимо, чтобы провайдеры придерживались следующих принципов:

– использование нестандартных подходов при решении традиционных и оригинальных задач;

– проектирование новых технологических цепочек, оптимизационных моделей и т.д.;

– поддержка как основных, так и второстепенных бизнес-процессов заказчика;

– создание инфраструктуры для поддержки большого круга заказчика;

– строгое соблюдение коммерческой тайны инновационных решений;

- гибкость собственных технологических и организационно-управленческих процессов, способных оперативно адаптироваться к конъюнктурным изменениям задач рынка и конкретных проектов;

- обеспечение высокой эффективности аутсорсинговой деятельности во внутренней и внешней средах;

- организация системы эффективного партнерского взаимодействия с учетом психологических особенностей как сотрудников, так и заказчиков [8].

Дальнейшему развитию аутсорсинга в нашей стране могут способствовать следующие условия:

- подготовка специалистов в сфере аутсорсинга;

- совершенствование законодательной базы, регламентирующей аутсорсинговые отношения;

- развитие государственно-частного партнерства в осуществлении фундаментальных и прикладных исследований по приоритетным направлениям;

- обеспечение налоговых льгот для аутсорсинга НИОКР;

- содействие созданию сети малых и средних инновационных организаций;

- принятие международных стандартов аутсорсинга (например, этики и практики бизнеса), использование опыта международного Института аутсорсинга и Ассоциации профессионалов.

Выводы

В современных условиях хозяйствования способность предприятий адаптироваться к быстрым темпам изменения внешних условий на основе инновационной активности становится важной компетенцией с точки зрения эффективного управления и увеличения конкурентоспособности предприятий и продукции.

Однако многие субъекты хозяйствования сталкиваются с недостатком собственных ресурсов и ограниченными возможностями привлечения стороннего финансирования. При этом развитие кризисных явлений в экономике, вызванных последствиями пандемии, ростом инфляции, снижением курса рубля, усугубляют сложности осуществления инновационной деятельности.

В современных динамичных экономических условиях эффективным инструментом для развития субъектов хозяйствования может стать аутсорсинг. Особенно актуальным будет делегирование функций и процессов в инновационной деятельности.

В России имеется значительный потенциал роста аутсорсинга, обусловленный его низким уровнем проникновения в систему межфирменной кооперации [15].

Список литературы

1. Крючков А. Л. Аутсорсинг как инструмент повышения эффективности управления промышленным предприятием : дис. ... канд. экон. наук. Оренбург, 2018. 199 с. URL: https://www.susu.ru/sites/default/files/dissertation/dissertaciya_kryuchkov_a.l.pdf
2. Бухвалов А. В., Катъкало В. С. Новые тенденции в концептуализации стратегического управления инновациями // Российский журнал менеджмента. 2004. № 4. С. 59–66.

3. Лотфуллин Р. М. Аутсорсинг в управлении инновациями организации : дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. 138 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/autsorsing-v-upravlenii-innovatsiyami-organizatsii>
4. Российский статистический ежегодник 2020 : статист. сб. М. : Росстат, 2020. 700 с. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_13/Main.htm
5. Бурланков С. П., Кузьмин С. А., Володин В. М., Скворцова В. А. Факторы, влияющие на систему управления инновационным потенциалом промышленного предприятия // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 4. С. 138–146. doi:10.21685/2072-3016-2019-4-14
6. Стапран Д. А. О роли и перспективах аутсорсинга в экономике России. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-perspektivah-autsorsinga-v-ekonomike-rossii#:~:text=В%20ходе%20анализа%20рынка%20аутсорсинга,услуг%20\(около%201%2C7%20трлн%20руб.\)](https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-perspektivah-autsorsinga-v-ekonomike-rossii#:~:text=В%20ходе%20анализа%20рынка%20аутсорсинга,услуг%20(около%201%2C7%20трлн%20руб.))
7. Полиит-Занизра Т. А. Аутсорсинг как элемент реструктуризации бизнес-процессов на малых инновационных предприятиях // Молодой ученый. 2017. № 38 (172). С. 66–68. URL: <https://moluch.ru/archive/172/45666/>
8. Стрелкова Н. Использование аутсорсинга российскими компаниями // Молодой ученый. 2016. № 13 (117). С. 112–116.
9. Логистика на аутсорсинге: цели и преимущества. URL: <https://www.ablcompany.ru/news/logistika-na-autsorsinge-celi-i-preimushchestva>
10. Пешкова Т. Аутсорсинг. URL: <https://iknigi.net/avtor-tatyana-peshkova/20153-autsorsing-tatyana-peshkova/read/page-10.html>
11. Голубина Т. Отдать, чтобы получить. URL: <https://rg.ru/2015/12/08/autsorsing.html>
12. Что такое промышленный аутсорсинг и чем он полезен для бизнеса. URL: <https://www.ogcs.com.ua/chto-takoe-promyshlennyj-autsorsing-i-chem-on-polezen-dlya-biznesa/>
13. Балдин О. В. Инновационный аутсорсинг как форма инфраструктурной сервисной деятельности // Фундаментальные исследования. 2018. № 6. С. 56–61.
14. Власюк Ю. Аутсорсинг в инновационной сфере. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/autsorsing-v-innovatsionnoy-sfere>
15. Борисов О. Е. Структура и тенденции рынка аутсорсинга услуг в России. URL: <https://izron.ru/articles/voprosy-sovremennoy-ekonomiki-i-menedzhmenta-svezhiy-vzglyad-i-novye-resheniya-sbornik-nauchnykh-tru/seksiya-2-ekonomika-i-upravlenie-narodnym-khozyaystvom-spetsialnost-08-00-05/struktura-i-tendentsii-rynka-autsorsinga-uslug-v-rossii/>

References

1. Kryuchkov A.L. Outsourcing as a tool to improve the efficiency of industrial enterprise management. PhD dissertation. Orenburg, 2018:199. (In Russ.). Available at: https://www.susu.ru/sites/default/files/dissertation/dissertaciya_kryuchkov_a.l.pdf
2. Bukhvalov A.V., Kat'kalo V.S. New trends in the conceptualization of strategic innovation management. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta = Russian management journal*. 2004;(4):59–66. (In Russ.)
3. Lotfullin R.M. Outsourcing in the organization's innovation management. PhD dissertation. Moscow, 2006:138. (In Russ.). Available at: <https://www.dissercat.com/content/autsorsing-v-upravlenii-innovatsiyami-organizatsii>
4. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik 2020: statist. sb. = Russian statistical yearbook 2020: statistical collections*. Moscow: Rosstat, 2020:700. (In Russ.). Available at: https://gks.ru/bgd/regl/b20_13/Main.htm
5. Burlankov S.P., Kuz'min S.A., Volodin V.M., Skvortsova V.A. Factors affecting the management system of the innovative potential of an industrial enterprise. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2019;(4):138–146. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2019-4-14

6. Stapan D.A. *O roli i perspektivakh outsorsinga v ekonomike Rossii = On the role and prospects of outsourcing in the Russian economy.* (In Russ.). Available at: [https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-perspektivah-outsorsinga-v-ekonomike-rossii#:~:text=V%20khode%20analiza%20rynka%20outsorsinga,uslug%20\(okolo%201%2C7%20trln%20rub.\)](https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-perspektivah-outsorsinga-v-ekonomike-rossii#:~:text=V%20khode%20analiza%20rynka%20outsorsinga,uslug%20(okolo%201%2C7%20trln%20rub.))
7. Poliit-Zanizdra T.A. Outsourcing as an element of business process restructuring at small innovative enterprises. *Molodoy uchenyy = Young scientist.* 2017;(38):66–68. (In Russ.). Available at: <https://moluch.ru/archive/172/45666/>
8. Strelkova N. Outsourcing by Russian companies. *Molodoy uchenyy = Young scientist.* 2016;(13):112–116. (In Russ.)
9. *Logistika na outsorsinge: tseli i preimushchestva = Outsourced logistics: purposes and benefits.* (In Russ.). Available at: <https://www.ablcompany.ru/news/logistika-na-outsorsinge-celi-i-preimushchestva>
10. Peshkova T. *Autsorsing.* (In Russ.). Available at: <https://iknigi.net/avtor-tatyana-peshkova/20153-autsorsing-tatyana-peshkova/read/page-10.html>
11. Golubina T. *Otdat', chtoby poluchit' = To give to receive.* (In Russ.). Available at: <https://rg.ru/2015/12/08/autsorsing.html>
12. *Chto takoe promyshlennyj autsorsing i chem on polezen dlya biznesa = What is industrial outsourcing and how is it useful for business.* (In Russ.). Available at: <https://www.ogcs.com.ua/chto-takoe-promyshlennyj-autsorsing-i-chem-on-polezen-dlya-biznesa/>
13. Baldin O.V. Innovative outsourcing as a form of infrastructure service activities. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental researches.* 2018;(6):56–61. (In Russ.)
14. Vlasyuk Yu. *Autsorsing v innovatsionnoy sfere = Innovation outsourcing.* (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/autsorsing-v-innovatsionnoy-sfere>
15. Borisov O.E. *Struktura i tendentsii rynka autsorsinga uslug v Rossii = Structure and trends of the outsourcing services market in Russia.* (In Russ.). Available at: <https://izron.ru/articles/voprosy-sovremennoy-ekonomiki-i-menedzhmenta-svezhiy-vzglyad-inovye-resheniya-sbornik-nauchnykh-tru/seksiya-2-ekonomika-i-upravlenie-narodnym-khozyaystvom-spetsialnost-08-00-05/struktura-i-tendentsii-rynka-autsorsinga-uslug-v-rossii/>

Информация об авторах / Information about the authors

Виктор Михайлович Володин

доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента и экономической безопасности, директор Института экономики и управления, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: 7volodin7@mail.ru

Viktor M. Volodin

Doctor of economic sciences, professor of the sub-department of management and economic security, director of the Institute of Economics and Management, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Татьяна Андреевна Куликова

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической безопасности, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: Tatiana_kulikova-pgu@mail.ru

Tatiana A. Kulikova

Candidate of economic sciences, associate professor of the sub-department of management and economic security, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 16.08.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.09.2021

Принята к публикации / Accepted 30.09.2021

Влияние цифровой экономики на устойчивую занятость через изменения организационной культуры

Н. Д. Гуськова¹, А. В. Ерастова²

^{1,2}Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Саранск, Россия

¹n.d.guskova@econom.mrsu.ru, ²erastova.74@inbox.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Цифровизация все больше проникает в экономическую сферу деятельности страны, заставляя меняться организации. Данная трансформация затрагивает все сферы деятельности организации, в том числе ее культуру и занятость персонала. Руководители предприятий должны адаптироваться к изменениям и выбирать способы обеспечения своих компаний компетентными специалистами. В связи с этим целью исследования является выявление влияния цифровой экономики на устойчивую занятость через трансформацию организационной культуры предприятия. *Материалы и методы.* Рассмотрев имеющиеся подходы к содержанию понятия «устойчивая занятость», авторы представили в работе уточненное определение данной категории. Также была предложена авторская классификация понятия «цифровая экономика» и дано его определение. Методом опроса работодателей, сотрудников предприятий и студентов выпускных курсов было определено влияние цифровой экономики на устойчивую занятость через организационную культуру. *Результаты.* Респонденты отметили, что цифровая экономика в большей степени влияет на систему коммуникаций в организации, а также на систему ценностей персонала, нормы и правила поведения. Однако такие изменения повлекут за собой изменения и в отношении к работе, миропониманию и в целом к изменению организационной культуры. В связи с цифровизацией экономики изменятся сами профессии: появятся новые, а некоторые исчезнут. Работодатели должны создавать гарантии занятости персонала через его развитие и обучение, сохраняя при этом устойчивую занятость в организации. *Выводы.* Цифровая трансформация экономики, влияя на изменения в организационной культуре, требует сохранения гуманистического подхода к персоналу – обеспечения ему гарантии в сохранении рабочего места, развития и приобретения новых компетенций.

Ключевые слова: цифровая экономика, организационная культура, устойчивая занятость, обучение персонала, командная работа, гуманистический подход

Финансирование: статья издана при поддержке прикладной НИР г/б 18-21 «Устойчивая занятость в промышленности региона в условиях цифровой трансформации экономики».

Для цитирования: Гуськова Н. Д., Ерастова А. В. Влияние цифровой экономики на устойчивую занятость через изменения организационной культуры // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 217–227. doi:10.21685/2072-3016-2021-3-19

The impact of the digital economy on sustainable employment through changes in organizational culture

N.D. Gus'kova¹, A.V. Erastova²

^{1,2}Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

¹n.d.guskova@econom.mrsu.ru, ²erastova.74@inbox.ru

Abstract. *Background.* Digitalization is increasingly penetrating the economic sphere of the country's activities, forcing organizations to change. This transformation affects all areas of the organization, including its culture and staff employment. Business leaders must adapt to change and choose ways to provide their companies with competent people. In this regard, the purpose of the study is to identify the impact of the digital economy on sustainable employment through the transformation of the organizational culture of the enterprise. *Materials and methods.* Having considered the existing approaches to the content of the concept of "sustainable employment", the paper provides a refined definition of this category. Also, the author's classification of the concepts of "digital economy" was proposed and its definition was given. The impact of the digital economy on sustainable employment through organizational culture was determined using a survey of employers, enterprise employees and graduate students. *Results.* The respondents noted that the digital economy has a greater impact on the communication system in the organization, as well as on the personnel value system, norms and rules of conduct. However, such changes will entail changes in attitudes towards work, world outlook, and, in general, to a change in organizational culture. In connection with the digitalization of the economy, the professions themselves will change: new ones will appear, and some will disappear. Employers should create job security for staff through development and training, while maintaining sustainable employment in the organization. *Conclusions.* Thus, the digital transformation of the economy, influencing changes in the organizational culture, requires maintaining a humanistic approach to personnel, providing them with guarantees in preserving the workplace, developing and acquiring new competencies.

Keywords: digital economy, organizational culture, sustainable employment, personnel training, teamwork, humanistic approach

Acknowledgments: the article was supported by the Applied Research Project g/b 18-21 "Sustainable employment in the industry of the region in the context of the digital transformation of the economy".

For citation: Gus'kova N.D., Erastova A.V. The impact of the digital economy on sustainable employment through changes in organizational culture. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2021;(3):217–227. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3016-2021-3-19

Введение

Цифровые технологии становятся важнейшим инструментом любой сферы деятельности и жизни человека. В связи с этим мы наблюдаем цифровую трансформацию экономики, которая ведет к кардинальным изменениям не только в сфере производства, но и в сознании человека. Меняется система ценностей и организационная культура предприятий. На первый план выходят не личностные качества работников, а их цифровая грамотность, способность быстро адаптироваться к работе в цифровой среде.

Цифровая трансформация экономики меняет структуру и характер взаимодействия как на микро-, так и на макроуровнях организаций. Переход

к цифровой экономике требует от персонала организаций новых компетенций, умений и навыков. Многие профессии исчезают с рынка труда и появляются совершенно новые. В этой ситуации руководители организации могут либо переобучать своих сотрудников, либо осуществлять их подбор с готовыми и необходимыми для данных условий компетенциями. Руководители, склонные к сохранению и переподготовке своего персонала, относятся к тем, кто стремится сформировать благоприятный морально-психологический климат, сохранить традиции и ценности организации и обеспечить устойчивую занятость как в организации, так и в регионе.

Другой тип руководителей – те, кто, не желая вкладывать инвестиции в развитие своих сотрудников, стремится к получению быстрых результатов, осуществляя набор персонала с уже готовыми компетенциями, что приводит к высокой текучести кадров, ослаблению организационной культуры, росту миграции и безработицы.

Цель данного исследования – выявление влияния цифровой экономики на устойчивую занятость через трансформацию организационной культуры предприятия.

Обзор литературы

Проблемы устойчивой и неустойчивой занятости стали объектом пристального внимания российских и зарубежных ученых в последнее десятилетие XXI в. Это обусловлено глобализацией экономики, политической нестабильностью в мире, кризисными ситуациями, технологическими изменениями, неопределенностью факторов внешней и внутренней среды организаций и др.

Так, канадские ученые С. Крэнфорди, Л. Воско, Н. Жукевич, Д. Фадж и другие рассматривают устойчивую занятость через «стандартные трудовые отношения», для которых характерны следующие признаки: сотрудник работает полный рабочий день у одного работодателя, не имеет дополнительного заработка в течение года, использует помещение и оборудование работодателя, кроме этого сотрудник имеет социальный пакет, а его трудовой договор является бессрочным [1, 2].

В Законе РФ «О занятости населения» под занятостью понимается деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству Российской Федерации и приносящая им, как правило, заработок, трудовой доход¹.

Следует отметить, что в настоящее время больше распространено понятие «нестандартная (неустойчивая) занятость».

Так, в докладе «Мировая занятость и социальные перспективы 2015: меняющийся характер рабочих мест» представленная выше стандартная (устойчивая) модель занятости характерна менее чем для четверти наемных работников. Увеличивается количество работников, имеющих временную и неполную занятость. Даже в Японии, где принята система «пожизненного найма», в период 1986–2008 гг. произошел рост доли «нерегулярных работников» с 17 до 34 % в общей численности занятых [3].

¹ О занятости населения в Российской Федерации : закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 30.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (дата обращения: 18.06.2021).

Исследователи Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова Ю. Г. Одегов и Л. С. Бабынина отмечают, что в настоящее время широкое распространение получила неустойчивая форма занятости, которая в той или иной степени не укладывается в рамки Трудового кодекса РФ и включает новые формы занятости, такие как фриланс, удаленная работа, ненормированный рабочий день, отсутствие социальных гарантий, пенсий и срочного трудового договора [4].

Таким образом под устойчивой занятостью следует понимать трудоустройство сотрудников, обеспечивающее им социальные гарантии на основе заключения бессрочного трудового договора на полный рабочий день и позволяющее удовлетворять их личные и общественные потребности.

Одним из доминирующих факторов, оказывающих влияние на занятость сотрудников, является цифровизация экономики, которая может привести к росту нестандартной занятости. Чтобы сдержать данную тенденцию, необходимо в управлении персоналом использовать гуманистический подход, базирующийся на изменении организационной культуры.

В настоящее время не сложилось однозначного определения содержания цифровой экономики. Существующие ее понятия были систематизированы по следующим признакам: использование инструментов информационных технологий; усиление интеграционных связей бизнеса, общества, государства; ориентация на результат (рис. 1) [5–7].

Анализ представленных на рис. 1 определений позволил дать собственную трактовку понятия «цифровая экономика» как деятельности организации, базирующейся на использовании информационных технологий, обеспечивающих эффективное и результативное взаимодействие всех ее бизнес-процессов внутри организации, а также ее взаимодействие с внешней средой.

Цифровая трансформация экономики изменяет практически все сферы деятельности организации, заставляя руководство компаний искать новые методы и инструменты управления людьми. Однако цифровой мир – это не только технология, это прежде всего люди. Именно цифровизация в большей степени затрагивает интересы людей.

Приведем некоторые данные, систематизированные учеными Высшей школы экономики (ВШЭ) [6]:

- около 30 % функций в рамках существующих профессий могут быть автоматизированы на текущем уровне развития технологий;
- 49,3 % рабочих мест могли бы быть ликвидированы в России в случае одномоментной автоматизации;
- 375 млн работников (около 14 % мировой рабочей силы) вынуждены будут сменить профессию к 2030 г.;
- 98 % – вероятность автоматизации таких профессий, как банковский операционист, аудитор, кредитный специалист.

Цифровизация экономики ведет к незащищенности значительной части персонала организации. Работники все больше нуждаются в развитии информационных, технологически ориентированных «жестких», а также в «мягких» навыках, таких как креативность, убеждение, сотрудничество, адаптивность и эмоциональный интеллект. Главная роль при этом принадлежит руководству организации или ее лидеру, который формирует, сохраняет и развивает определенную организационную культуру, ориентированную на сохранение и развитие персонала и формирование устойчивой занятости.

Использование инструментов информационных технологий

- Глобальная сеть экономических и социальных видов деятельности, которые поддерживаются благодаря таким платформам, как Интернет, а также облачные и сенсорные сети.
- Экономика, основанная на цифровых технологиях, что подразумевает осуществление деловых операций на рынках, основанных на сети Интернет и Всемирной паутине.
- Рынки на основе цифровых технологий, которые облегчают торговлю товарами и услугами с помощью электронной коммерции в Интернете.
- Экономика, зависимая от цифровых технологий.
- Экономика нового технологического поколения.
- Цифровая экономика – деятельность по созданию, распространению и использованию цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг.

Усиление интеграционных связей бизнеса, общества, государства

- Новый уклад экономики, основанной на знаниях и цифровых технологиях, в рамках которой формируются новые цифровые навыки и возможности у общества, бизнеса и государства.
- Экономика, способная предоставить высококачественную ИКТ-инфраструктуру и мобилизовать возможности ИКТ на благо потребителей, бизнеса и государства.
- Форма экономической активности, которая возникает благодаря миллиарду примеров сетевого взаимодействия людей, предприятий, устройств, данных и процессов. Основой цифровой экономики является гиперсвязуемость, т.е. растущая взаимосвязанность людей, организаций и машин, формирующаяся благодаря Интернету, мобильным технологиям и интернету вещей.

Ориентация на результат

- Цифровая экономика характеризуется опорой на нематериальные активы, массовым использованием данных, повсеместным внедрением многосторонних бизнес-моделей и сложностью определения юрисдикции, в которой происходит создание стоимости.
- Цифровая экономика является основным источником роста. Это будет стимулировать конкуренцию, инвестиции и инновации, что приведет к улучшению качества услуг, расширению выбора для потребителей, созданию новых рабочих мест.
- Экономика, в которой благодаря развитию цифровых технологий наблюдается рост производительности труда, конкурентоспособности компаний, снижение издержек производства, создание новых рабочих мест, снижение бедности и социального неравенства.
- Хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде; обработка больших объемов этих данных и использование результатов их анализа по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг.

Рис. 1. Классификация понятий «цифровая экономика»

Лидер обеспечивает участие, вовлеченность и вклад каждого в цифровую трансформацию организации через создание определенной системы ценностей. Хотя лидеры должны создавать и определять стратегию развития

организации в условиях переходов, разрушений, хаоса и неопределенности, связанных с цифровой трансформацией экономики, они также должны формировать такие команды, которые могут работать автономно и самостоятельно принимать решения.

Для построения успешной цифровой организации необходимо учитывать не только материальные, но и нематериальные (ценности, традиции, нормы и правила поведения, символы, составляющие основу организационной культуры) активы. Фирмы с сильной организационной культурой более эффективно осуществляют набор лучших сотрудников, развивают их профессиональные и личностные качества, а также удерживают их в организации. Исследование инициатив MIT по цифровой экономике показывает, что профессиональное лидерство, физическая активность и интенсивность сотрудничества являются наиболее значимыми факторами роста заработной платы и формирования устойчивой занятости [8].

Материалы и методика

Был проведен критический обзор существующих подходов к понятиям «устойчивая занятость» и «цифровая экономика», что позволило предложить уточненные определения этих категорий.

С целью изучения влияния цифровой экономики на устойчивую занятость через изменение организационной культуры авторами было проведено анкетирование. Анкета включала пять вопросов по исследуемой проблематике, и респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов. В исследовании приняли участие 70 человек, среди которых работодатели, работники предприятий и потенциальные сотрудники (студенты выпускных курсов бакалавриата и магистратуры). Опрос проводился анонимно с использованием google-форм.

Результаты

Проведенное исследование показало, что большинство респондентов под цифровой экономикой понимают трансформацию моделей деятельности в бизнесе и социальной сфере (62,9 %, или 44 человека) и использование цифровых технологий в промышленности (60 %) (рис. 2).

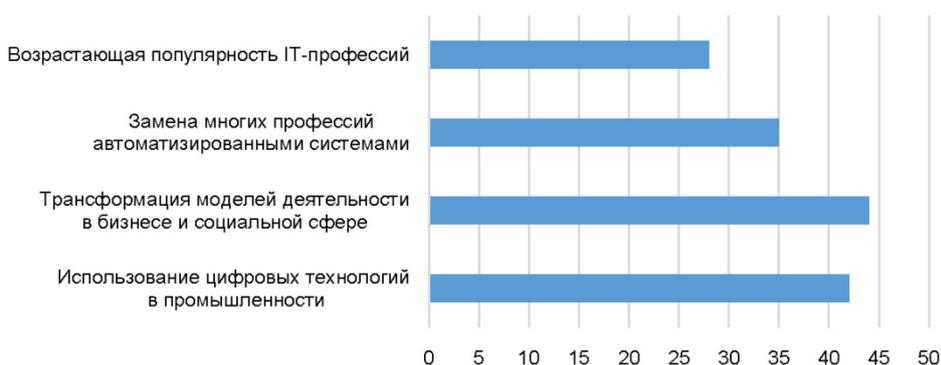

Рис. 2. Мнения респондентов о содержании понятия «цифровая экономика», чел.

При исследовании ответов респондентов об изменении в организационной культуре под влиянием цифровой экономики выявлено, что 82,9 % (58 человек) отметили изменения в системе коммуникаций (рис. 3).

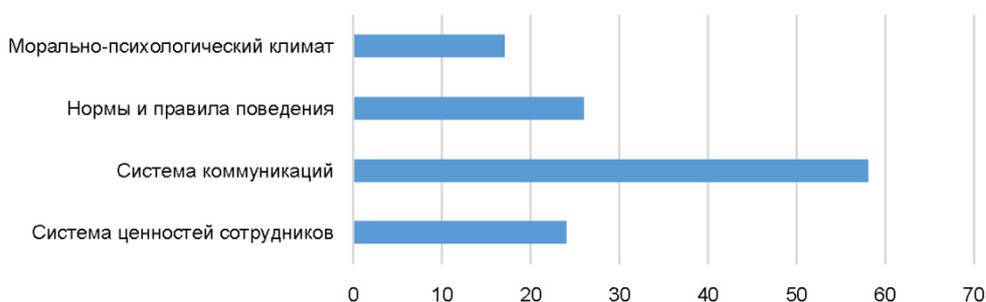

Рис. 3. Изменения в элементах организационной культуры при цифровой экономике, чел.

Респонденты также отметили изменения в нормах и правилах поведения и в системе ценностей. Однако следует отметить, что цифровая экономика ведет также к изменению миропонимания, мышления сотрудников и к изменению морально-психологического климата в организации.

Респонденты отметили большое разнообразие последствий цифровой трансформации экономики, среди которых исчезновение ряда профессий (78,6 %), переход на удаленную работу (77,1 %) и появление новых профессий (64,3 %) (рис. 4).

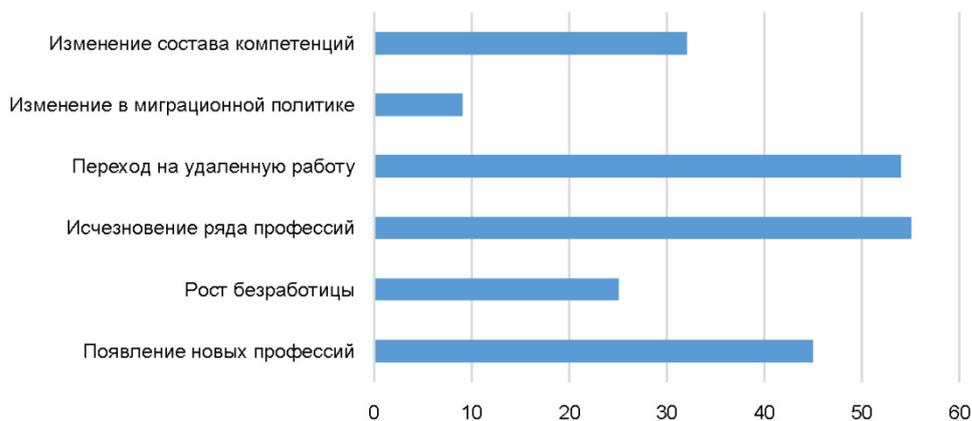

Рис. 4. Последствия цифровой трансформации экономики, чел.

Можно также отметить достаточно оптимистичный результат относительно роста безработицы и изменений в миграционной политике в связи с развитием цифровой экономики.

Полученные в ходе опроса результаты коррелируют с данными, приведенными исследователями ВШЭ, согласно которым «внедрение цифровых технологий обуславливает значительные изменения потребностей в персонале и требований к специалистам: снижение спроса на профессии, связанные

с выполнением формализованных повторяющихся операций; трансформацию компетентностных профилей некоторых категорий персонала (риск-аналитики, HR-менеджеры, маркетологи-аналитики, операторы контакт-центров и др.) в связи с изменением инструментария работы; возникновение новых ролей и профессий; повышение требований к гибкости и адаптивности персонала; повышение требований к “soft skills” – обладанию социальным и эмоциональным интеллектом, т.е. в конечном счете теми способностями, которые отличают человека от машины» [6].

На вопрос «Какие категории граждан быстрее адаптируются к цифровизации общества» все 100 % респондентов отметили граждан до 35 лет.

Трудно не согласиться с данным утверждением, поскольку именно у молодежи отсутствуют психологические барьеры при использовании новых информационных технологий. Это обусловлено как их возрастными особенностями, так и использованием современных цифровых устройств с раннего возраста и при обучении.

Цифровая трансформация экономики приводит к сокращению одних профессий и появлению других. Чтобы не попасть в число безработных, люди вынуждены менять сферу профессиональной деятельности несколько раз в течение жизни, приобретая новые компетенции и навыки. Для обеспечения устойчивой занятости руководители предприятий должны создавать условия для обучения своих сотрудников. Высокую текучесть кадров можно нивелировать инвестициями в свой лояльный к организации персонал, который разделяет ее ценности, традиции и интегрирован в существующую организационную культуру, готов меняться вместе с ней. Часто организации тратят больше средств на поиск, набор и адаптацию новых сотрудников с готовыми необходимыми компетенциями, нежели на обучение уже имеющегося персонала. Это подтверждается и результатами опроса респондентов (рис. 5). Большинство из них отметили необходимость разработки собственных обучающих программ (84,3 %) и направление сотрудников на переподготовку (81,4 %).

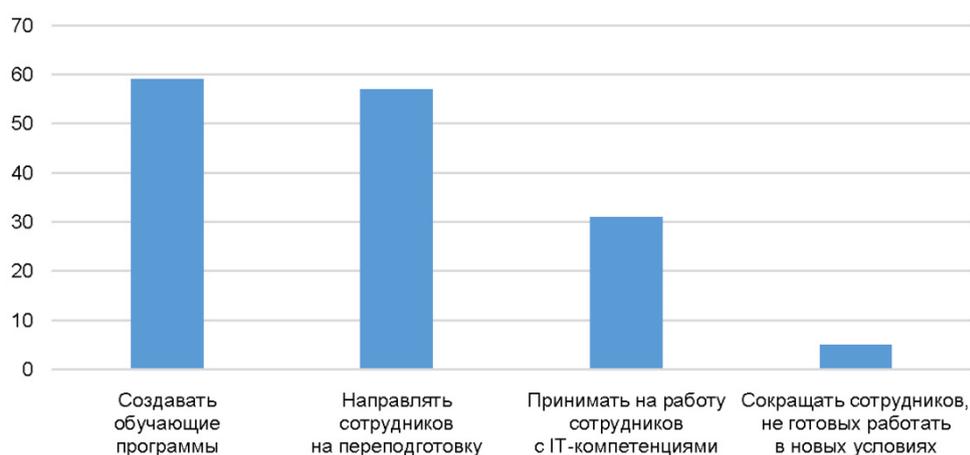

Рис. 5. Меры обеспечения устойчивой занятости в условиях цифровой трансформации экономики, чел.

Как видно из рис. 5, лишь 44,3 % опрошенных рекомендуют принимать на работу сотрудников с ИТ-компетенциями и только 7,1 % предлагают сокращать персонал, не готовый работать в новых условиях.

Обсуждение и выводы

Цифровая трансформация экономики требует нового подхода к формированию команд и организационной культуры. В состав команды должны входить как специалисты с ИТ-компетенциями, так и специалисты в области человеческих отношений. Это будет способствовать изменению структур организации и их переходу от традиционных иерархических к более гибким органическим структурам. Джули Шах, профессор Массачусетского технологического института, возглавила исследования в области взаимодействия человека и робота и предложила термин «сверхчеловек» [9]. Суть ее исследования заключается в том, чтобы обеспечить сверхчеловеческую производительность благодаря тесному взаимодействию человека с машинами. Переобучение персонала ведет к его адаптации и формированию устойчивой занятости человека в сотрудничестве с машинами. Обучение должно быть направлено на развитие навыков, подчеркивающих преимущества человека во взаимодействии с информационными технологиями. При этом необходимо удерживать таланты в организации, которая воспринимается сотрудниками как место, приносящее удовлетворение, безопасность и уверенность в будущем.

Проведенное исследование показало, что цифровая трансформация экономики, влияя на изменения в цифровых инструментах, методах и технологиях, требует сохранения гуманистического подхода к персоналу (см. рис. 3 и 5), который рассматривает организацию как культурный феномен, обеспечивая сотрудникам гарантии в сохранении рабочего места, развитие, приобретение новых компетенций. Данный подход должен стать основой организационной культуры современного предприятия в условиях цифровой экономики. Чтобы оставаться востребованным на рынке труда, человек должен получать новые знания быстрее, чем это было ранее. Среди наиболее актуальных трендов в образовании непрерывное обучение или обучение в течение всей жизни, дистанционное, проектно-ориентированное обучение и др. Это приведет к изменению организационной культуры, ядром которой являются сотрудники, владеющие компетенциями в области как цифровизации, так и командной работы, способствующей развитию гуманистических отношений. Все это позволит повысить устойчивую занятость организаций.

Список литературы

1. Cranford C. J., Vosko L. F., Zukevich N. Precarious employment in the Canadian labor market: a statistical portrait // Just Labor. 2003. Vol. 3. URL: <http://www.justlabour.yorku.ca/volume3/pdfs/cranfordetal.pdf> (дата обращения: 18.06.2021).
2. Fudge J., Owens R. Precarious work, women and the new economy: the challenge to legal norms. Oxford : Hart Publishing, 2006. P. 3–28.
3. Попов А. Неустойчивая занятость для эффективной эксплуатации // Вольная экономика. URL: <https://zen.yandex.ru/media/freeconomy/neustoichivaia-zaniatost-dlia-effektivnoi-ekspluatacii-5c126efcae4e9a00aa955245> (дата обращения: 20.06.2021).
4. Одегов Ю. Г., Бабынина Л. С. Неустойчивая занятость как возможный фактор использования трудового потенциала молодежи России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 386–409.

5. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41550> (дата обращения: 18.03.2021).
6. Абдрахманова Г. И., Вишнеvский К. О., Гохберг Л. М. [и др.]. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение : докл. к XX апр. Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (г. Москва, 9–12 апреля 2019 г.) / науч. ред. Л. М. Гохберг ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 82 с.
7. Стратегия развития информационного общества РФ на 2017–2030 годы. 2017. URL: <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-09052017-n-203/strategiia-razvitiia-informatsionnogo-obshchestva-v/> (дата обращения: 11.04.2021).
8. The MIT Initiative on the Digital Economy (IDE) Exploring how people and businesses will work, interact, and prosper in an era of profound digital transformation. URL: <https://ide.mit.edu> (дата обращения: 11.05.2021).
9. Nikolaidis S., Ramakrishnan R., Gu K., Shah J. Efficient model learning from joint-action demonstrations for human-robot collaborative tasks // IEEE: 10th ACM/IEEE International Conference on Human-Robot Interaction (HRI) (Portland, March 2–5, 2015). Portland, 2015. P. 189–196.

References

1. Cranford C.J., Vosko L.F., Zukevich N. Precarious employment in the Canadian labor market: a statistical portrait. *Just Labor*. 2003;3. Available at: <http://www.justlabour.yorku.ca/volume3/pdfs/cranfordetal.pdf> (accessed 18.06.2021).
2. Fudge J., Owens R. *Precarious work, women and the new economy: the challenge to legal norms*. Oxford: Hart Publishing, 2006:3–28.
3. Popov A. Precarious employment for efficient exploitation. *Vol'naya ekonomika = Free economy*. (In Russ.). Available at: <https://zen.yandex.ru/media/freeconomy/neustoichivaia-zaniatost-dlia-effektivnoi-ekspluatscii-5c126efcae4e9a00aa955245> (accessed 20.06.2021).
4. Odegov Yu.G., Babynina L.S. Precarious employment as a possible factor in using the labor potential of Russian youth. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremny = Public opinion monitoring: economic and social change*. 2018;(4):386–409. (In Russ.)
5. *Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Federal'nomu Sobraniyu ot 1 dekabrya 2016 g. = The President's message to the Federal Assembly from December 1, 2016*. (In Russ.). Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41550> (accessed 18.03.2021).
6. Abdrakhmanova G.I., Vishnevskiy K.O., Gokhberg L.M. [et al.]. *Chto takoe tsifrovaya ekonomika? Trendy, kompetentsii, izmerenie: dokl. k XX apr. Mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva (g. Moskva, 9–12 aprelya 2019 g.) = What is the digital economy? Trends, competencies, measurement: proceedings of the 20th International scientific conference on the problems of economic and social development (Moscow, April 9–12, 2019)*. Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki». Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2019:82. (In Russ.)
7. *Strategiya razvitiya informatsionnogo obshchestva RF na 2017–2030 gody. 2017 = The development strategy of the information society in the Russian Federation for 2017–2030. 2017*. (In Russ.). Available at: <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-09052017-n-203/strategiia-razvitiia-informatsionnogo-obshchestva-v/> (accessed 11.04.2021).
8. *The MIT Initiative on the Digital Economy (IDE) Exploring how people and businesses will work, interact, and prosper in an era of profound digital transformation*. Available at: <https://ide.mit.edu> (accessed 11.05.2021).

9. Nikolaidis S., Ramakrishnan R., Gu K., Shah J. Efficient model learning from joint-action demonstrations for human-robot collaborative tasks. *IEEE: 10th ACM/IEEE International Conference on Human-Robot Interaction (HRI) (Portland, March 2–5, 2015)*. Portland, 2015:189–196.

Информация об авторах / Information about the authors

Надежда Дмитриевна Гуськова

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры менеджмента,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет имени Н. П. Огарева
(Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68)

E-mail: n.d.guskova@econom.mrsu.ru

Nadezda D. Gus'kova

Doctor of economic sciences, professor,
professor of the sub-department
of management, Ogarev Mordovia State
University (68 Bolshevistskaya street,
Saransk, Russia)

Александра Валерьевна Ерастова

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет имени Н. П. Огарева
(Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68)

E-mail: erastova.74@inbox.ru

Alexandra V. Erastova

Candidate of economic sciences,
associate professor, associate professor
of the sub-department of management,
Ogarev Mordovia State University
(68 Bolshevistskaya street, Saransk,
Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 30.04.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 28.06.2021

Принята к публикации / Accepted 15.07.2021

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала «**Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки**» рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год по тематике:

- ***право***
- ***социология***
- ***экономика***

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел. (841-2) 64-32-89; E-mail: VolgaVuz@mail.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «Законодательство и право», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Экономика. Статистика». Подписной индекс – 36949.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» на 20__ г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____

(подпись)

(ФИО)

Дата «____» _____ 20__ г.